

Надежда Первухина

Конец света сегодня



Город Щедрый – 9

Надежда Первухина

Конец света сегодня

*Светлой памяти моей мамы, Колосковой Анны Васильевны,
посвящается эта книга*

Все меняется. Лебедь обращается в ворона.

Такахаси Синкити

Как прочно и незыблемо все сущее на земле, кроме человека...

Кэндзабуро Оэ

Звенит на ветру колокольчик.

Даже в нем предчувствие смерти.

Танэда Сантока

Все миры начинаются одинаково и похожи, как яйца «Киндер-сюрприз» (если не учитывать то, что там припрятано внутри). А вот заканчиваются миры по-разному, и, если наступает серьезный, полноценный и масштабный конец света, тут уж никакой «Киндер-сюрприз» не поможет.

Все смешалось в городе Щедром. Где-то по осени на поле совхоза «Кривая Мольда» упал метеорит. Это, разумеется, был не астероид Апофис, про который с истеричным подвыванием говорили ученые, неученые и просто алармисты, но все равно метеорит свое дело сделал. Он в мелкую пыль разрушил четыре силосные башни и старую мельницу, на рапсовом поле вырыл яму глубиной метров сто и длиной метров двести, напрочь испортил сотовую и спутниковую связь в округности километров на пятьдесят и вызвал массовую истерику у несущек двух передовых птицефабрик «Рассвет» и «Санрайз».

Вокруг метеорита, не успев толком остыть, сразу закружились голодной волчьей стаей понаехавшие аж из самой Москвы, Питера и почему-то Рио-де-Жанейро ученые, неученые, алармисты, уфологи, геологи и просто охочие до сенсаций глазастые, болтливые бестолочи, которым только дай языки почесать об какую-нибудь новость. Вся эта некормленная орда окончательно погубила репутацию совхоза «Кривая Мольда» как передовика по производству рапсовых культур. Не до рапса стало в эти тревожные времена. Председателю совхоза пришлось заниматься вопросами сохранности метеорита (приехали также и вандалы, сами не свои до того, чтобы не отколупнуть от посланника далеких галактик кусманчик себе на память и детям на потеху), подыскивать жилище для ученых, неученых, алармистов, уфологов, геологов и прочих охочих, а также немедленно организовывать несколько полевых кухонь, чтобы кормить весь этот энергичный, а посему и дико голодный сброд.

Метеорит получил официальное название «Мольдовский», был измерен и гипотетически взвешен. Рекомые параметры метеорита превзошли самые смелые ожидания. Он был лишь чуть-чуть меньше того знаменитого метеорита, который устроил историческую бузу в регионе Подкаменной Тунгуски. В Щедром прошло несколько конференций, на которых ученые и все прочие не местные сообщили местному населению, что отныне спокойной жизни у них не будет. Поскольку метеорит важен не только сам по себе, но и как источник совершенно незнакомого науке химического элемента, которому пока присвоили

только порядковый номер.

Профессор Шибанов из Академии наук сделал доклад, в котором говорилось о том, что Мольдовский метеорит имеет уникальную структуру и плотность. Элемент, образующий вещество метеорита, способен выдерживать огромные термические и физические нагрузки (ассистентам профессора пришлось попотеть, чтобы просто соскоблить с выдающегося бока метеорита немного вещества пополам с сажей). Вещество без сопротивления проводит электричество, не вступает в реакцию ни с одним известным науке химическим элементом, радиоактивно. Последнее свойство здорово припугнуло ненаучно настроенную любопытствующую толпу. Ученым это, конечно, было только на руку.

Метеорит был полон загадок. Сотовая и спутниковая связь так и не были налажены, кроме того, все радиоприборы при приближении к метеориту выходили из строя, а из авторучек рекой текла паста. Поэтому всем желающим пришлось пользоваться карандашами. Ученые бродили вокруг в костюмах химзащиты, не здоровались друг с другом, гоняли ассистентов за кофе и пшенной кашей из полевых кухонь, в общем, вели полевое наблюдение. Метеорит спокойненько лежал в образовавшейся яме и в ус не дул, а геолог из Рио-де-Жанейро объявил его (совершенно безосновательно, надо сказать) куском, отвалившимся от планеты Нибиру, тайно обретавшейся в Галактике с незапамятных времен и пугающе близко подбиравшейся к Земле. После этого началась форменная колонизация полей «Кривой Мольды» учеными всех стран.

Самыми додельными, но и самыми аккуратными были, конечно, японцы. Они понаехали в «Кривую Мольду» вместе с аппаратурой, sake и гейшами и в общем-то неплохо устроились в Доме колхозника на целых двух этажах. Вообще, Дом колхозника «Кривой Мольды» стал похож на героя известной загадки «без окон, без дверей, полна горница людей». Все ученые стоически переносили отсутствие горячей воды и наличие тараканов (ученый из Мадагаскара привез с собой своих, шипящих). Отныне шипящие, лоснящиеся, усаые постояльцы резво плодились в Доме колхозника и представляли собой бедствие не хуже чумы.

Да что Дом колхозника! Весь город Щедрый стал похож на одно большое семейное общежитие. Столько гостей старожилы не видели ни разу. Если не учитывать радиоактивность метеорита, приезду гостей щедровчане даже были рады. Во-первых, моментально были сданы все квартиры «на сутки и более», заняты все гостиницы, мотели, кемпинги и зоны отдыха. Во-вторых, досужие иностранцы, не церемонясь, покупали сувениры и прочие местные поделки, которых щедровчане налепили великое множество. Оккультный салон-магазин некоей мадам Жервезы торговал с прибылью в двести процентов. Амулеты от порчи и сглаза, порошки любовного зелья, карты Таро ручной работы, приворотные травки и травки от пьянства, даже кальяны и ароматические смолы – все разошлось на ура.

Тут надобно сделать оговорку и ввести вас, о достойнейший читатель сей безделки, в курс дела. Выше прозвучали два слова: «Щедрый» и «оккультный». Тем, кто впервые решил познакомиться с книгами автора, указанного на глянцевой обложке (портрет с крысами все видели?), эти два слова по меньшей мере ничего не скажут, а по большей – вызовут справедливый вопрос: «О чем это она?»

Поясняем. Щедрый – это старинный русский город неподалеку от Уральских гор. До областного центра – Холмца – сто семьдесят километров. Щедрый не является гигантом промышленности, не занимает первых колонок в журнале «Форчун» и не хвастается миллионными прибылями. Главные богатства Щедрого и его окрестностей – девственная природа и неиспорченное цивилизацией население. Кстати, лозунг нынешнего губернатора Холмцевой области (одним из районных центров коей является город Щедрый) Юлии Владимировны Ветровой звучит примерно так: «Существа – наше главное богатство!» Ох, тут надо также сказать и о том, кто такая Юлия Владимировна Ветрова и почему «существа», а не просто «люди».

В общем, так. Город Щедрый – это оккультный центр Российской Федерации и даже некоторых стран – членов СНГ. В этом уникальном городке совершенно легально, не таясь, проживают ведьмы, феи, а также вампиры, оборотни, домовые, лешие, водяные и прочая оккультная мелочь типа экстрасенсов, гадалок, знахарок и фокусников. Никто не переходит никому дорогу, все живут дружно, по-семейному, а возникшие конфликты разрешают без привлечения высших эшелонов власти. Например, вампиры никогда не конфликтуют с оборотнями. Они понимают, что это неинтеллигентно. А вампиры – это интеллектуальные сливки щедровского общества. Вампиры устраивают вернисажи и театральные постановки, создают салоны поэзии и моды, словом, обеспечивают в Щедре биение живой мысли, если, конечно, слово «живой» применимо к вампирам.

Оборотни – те попроще. Оборотням Щедрого по душе физический труд и коммерция. Поэтому самые лучшие сантехники города – вервольфы, а лучшие коммерсанты – урсолюды и птицелюды.

Домовые, водяные, банники, феи – все они заняты каждый своим делом. Между прочим, только в Щедре существует такая редчайшая разновидность водяных, как фонтанные. Их даже в Петергофе нет! А в Щедре пожалуйста – есть. Они отвечают за сохранность и функционирование городских фонтанов, которых, кстати, в городе великое множество. В Водопьяновском парке аллея фонтанов аж целых четыре. И все фонтаны работают! Летом в них купаются дети (лето в Щедре всегда на редкость жаркое), а зимой чаши и стояки фонтанов украшаются разноцветными лампочками, превращая парк в волшебное зрелище. А вот теперь поговорим о госпоже губернаторе.

Поскольку она не самый последний персонаж этой книги, надо познакомить с нею вас, о драгоценнейший читатель. Юлии Владимировне нет еще и тридцати, она имеет великолепную фигуру и богатый внутренний мир и при этом является первоклассной ведьмой. В ее биографии немало ведьмовских подвигов и боевых крещений. Будучи студенткой и москвичкой, Юлия Владимировна не подозревала о таящихся в ней способностях, и лишь приехав в Щедрый, к своей тетушке Анне Николаевне Гюллинг, талантливая девушка узнала о том, что является природной ведьмой. Она бросила Москву и осталась в Щедре – обучаться премудростям ведьмовства. Постепенно у нее, как у всякой порядочной природной ведьмы, отрос хвост, который губернаторша украшала позолоченными колечками, а иногда бантиками. До своего губернаторства Юлия Владимировна успела побывать секретарем в оккультной корпорации «Медиум», а затем поднялась до невообразимых высот – стала Госпожой Всех Ведьм. Но ею она пробыла

недолго и с удовольствием вернулась из Толедо (резиденция руководства всех ведьм) в Щедрый. Тут она недолго думая выдвинула свою кандидатуру на ближайших губернаторских выборах и, слава святой Вальпурге, покровительнице ведьм, выиграла кресло. Но, даже облеченная высокой властью, Юлия Владимировна не оставила скромного и неприхотливого образа жизни. Это словно о ней сказал Державин в оде «Фелица»:

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком.
И пища самая простая
Бывает за твоим столом.

Это действительно так. Юлия Владимировна любит винегрет, сготовленный тетушкой, и текилу. Хотя может хряпнуть и водочки под душевный разговор. Машина у губернаторши есть, купленная на честно полученную зарплату, но ездить Юлия Владимировна не очень любит. Просто машину несколько раз минировали. Юлия Владимировна обнаружила мины и разрядила их, но водить машину ей разонравилось. Поэтому она, ежели недалеко, передвигается пешочком, в сопровождении охранника Николая. Николай – умертвие, то есть восставленный покойник. Он обладает большой физической силой и может легко и бесстрашно защитить губернаторшу от любых врагов. А ежели надо отправиться куда подальше, приличная ведьма, а именно таковой и является Юлия Владимировна, летит на метле. Скромно, но стильно.

На момент написания этих строк Юлия Владимировна несет почетный титул соломенной вдовы. Она рассталась (не очень мирно) со своим очередным возлюбленным по имени Ромул и покуда не завела себе никого, кроме чихуахуа по кличке Жамчик. Семейная неустроенность губернатора, конечно, беспокоит щедровчан, некоторые даже пытались определить, не наслали ли на Юлию Владимировну порчу, но порча тут ни при чем. Просто не везет женщине, и все тут.

Ее тетушка, Анна Николаевна Гюллинг, тоже ведьма, и неслабая. Вообще-то раньше она преподавала музыку, но потом целиком посвятила себя делам ведьмовства. Эти самые дела Анне Николаевне доставили немало головной боли, но тем не менее она не сдается.

Ф-фу! Ну вот, можно сказать, что с некоторыми героями романа вы познакомились. Дальнейшее развитие сюжета представит вам других персонажей, коих будет великое множество...

Но вернемся к тому, с чего начали. А начали мы с конца. Конца света. Который ознаменовался падением метеорита на поле совхоза «Кривая Мольда». Нет, конечно, поначалу никто не собирался связывать метеорит и апокалипсис в одно целое. Но потом...

Потом возле Желтого мыса (местечка в городе) проснулся вулкан, до этого благополучно спавший последние пятьдесят тысяч лет.

Вулкан залил лавой окрестности, выжег два небольших леса и устроил дождь из пепла. На лице города это отразилось новыми морщинами и следами усталости, потому что, во-первых, от вулкана пострадали два парка культуры и отдыха, а во-вторых, на город началось очередное нашествие.

На сей раз это были сейсмологи, вулканологи, геологоразведчики, представители МЧС России и прочие личности, которым извержение какого-то вулкана не дает спокойно спать.

Ученый из Перу, увешанный званиями и наградами, как баньян листвой, выдвинул версию пробуждения вулкана. Дескать, забытый вулкан решил проявить себя под воздействием жесткого магнитного излучения, имевшего место быть на Желтом мысу. Перуанца осмеяли американцы и японцы, считавшие, что активность вулкана – последствия губительной экологической политики, проводимой руководством города.

В общем, ни одна из версий не была принята, и ученые продолжали ломать копыя, мучить ассистентов и строчить диссертации.

Самую здравую политику повело руководство МЧС России. В районе Желтого мыса было введено чрезвычайное положение с КПП, металлодетекторами и прочими строгостями. Вулкан был оцеплен, и в лавовые районы допускались только люди со специальным разрешением за подписью мэра Щедрого.

К счастью, вулкан извергался сравнительно недолго – всего две с половиной минуты. Но даже за это время он перепортил щедровчанам массу нервов. Мэр, во всяком случае, был недоволен. И вызвал к себе на ковер главного колдуна города господина Кривощекова.

Сергей Михайлович Кривощеков был колдуном уважаемым, хотя и молодым, всего-то разменял четвертый десяток. Он практиковал белую магию, ясновидение, телекинез и погодное волшебство. Именно он со своим небольшим штатом экспертов-прогнозистов отвечал в Щедром за погоду. И именно ему выпала сомнительная честь предсказать пробуждение древнего вулкана.

Мэр грустно сидел в кабинете и смотрел в окно, за которым меланхолично сыпал снег перемешку с вулканическим пеплом.

Сергей Михайлович прошел сквозь стену:

– Вызывали?

Мэр поглядел на колдуна. Тот был, как всегда, подтянут, свежевыбрит, упакован в дорогой костюм от Феретти и ботинки от Гуччи, распространяя вокруг себя тонкий, но мужественный аромат одеколона от Армана Баси. Словом, хорош был колдун, не то что мэр с его третьедневошной щетиной.

Руководитель города повертел в пальцах ручку «Монблан» и сказал мрачно:

– Вызывал. Присаживайтесь, Сергей Михайлович.

Колдун, не чинясь, сел на предложенный стул. Неожиданно он сказал:

– Иван Петрович, у вас давление сто восемьдесят на сто тридцать. Давайте я помогу.

– Отвлекаться на эти мелочи...

– Это не мелочи. Я же вижу, вам плохо. Не волнуйтесь, я на расстоянии.

Колдун вытянул в направлении мэра руку с поднятой ладонью, а губами издал звук, словно высасывал остатки коктейля через соломинку. Мэр перестал стискивать голову и с довольной улыбкой откинулся на спинку кресла.

– Сто двадцать на восемьдесят, как в аптеке, – сказал колдун. – Вас можно в космос посылать.

– Да, пожалуй, по такой жизни согласишься и в космос, – удрученно покивал мэр.

– Вы относительно вулкана?

– Его самого, чтоб его кошки драли! Сергей Михалыч, ты, друг, голова светлая, посоветуй, как быть с вулканом этим!

– А что тут посоветуешь, – вздохнул колдун. – Мы уж и так против него ворожили. Если б не магия, извержение длилось бы не две с половиной минуты, а неделю. Тут бы все с лица земли было стерто. Включая нас с вами.

– За это тебе большое человеческое спасибо и премия, но ты мне скажи: почему он проснулся?

Маг похрустел пальцами и вздохнул:

– Что ж вы хотите, Иван Петрович... Конец света.

Мэр опешил:

– Ты о чем?

– Ну как же, Иван Петрович... Об этом все СМИ трубят. Двадцать первого декабря сего, две тысячи двенадцатого года наступит конец света. Согласно календарям майя.

– Ты что, тоже веришь в эту чепухню?

(Мэр выразился жестче, но пусть уж будет «чепухня».)

– Верю, конечно.

– Так-так... А я считал тебя здравомыслящим человеком!

– Как раз здравомыслие меня и привлекло в пророчествах майя. Кроме того, я прочел «Пророчества старца Филофея». Был такой старец в незапамятные времена. Он тоже называет декабрь сего года началом Конца и Страшного суда.

– И что же делать?

– Ждать.

– Как кролики перед удавом? Так, что ли?

Колдун тонко улыбнулся:

– Не думаю. Видите ли, Иван Петрович, конец света – это как взрыв ядерной бомбы. К нему можно подготовиться и выжить.

– Как?

– А уж это дело техники и ума. Вы не волнуйтесь, об этом мы еще поговорим. А сейчас вы для чего меня вызвали?

– Что-то надо делать с вулканом этим. Затопит он лавой весь Щедрый.

– Не волнуйтесь, не затопит, мы все держим в рамках. Народной паники тоже не допустим. Наши эсперы Верочка и Тимур умеют манипулировать массовым сознанием. Поверьте мне, щедровчане даже извлекут выгоду из приезда такого количества ученых и зевак к нашему вулкану и метеориту. Столько средств в бюджет города!

– Бюджет города – это большая тема почище вулкана, – скривился мэр.

– Ничего. Справимся. Кстати, можно переориентировать внимание горожан от вулкана на предстоящий парад планет. Двадцать первого декабря как раз он намечается.

– Парад планет? Это еще что такое?

– Ну как же. Двадцать первого декабря две тысячи двенадцатого года мы будем иметь честь наблюдать малый парад планет – в линию выстроятся Земля, Марс, Юпитер и Сатурн. Парады планет всегда предвещали что-нибудь необычное, и этот тоже... провозвестит.

– Конец света?

– Да. Во всяком случае, конец известного нам света.
– А отложить это... никак?
– Никак. Если только Бог...
– Я атеист.
– Напрасно. Эта Сила уж точно существует.
– Ладно, сейчас не об этом. Помогите вулкан обуздать.
– Уже. Правда, в погоде будут изменения.
– Это какие же?
– Можно сказать, глобальное щедровское потепление. У нас ведь в эту пору морозы под тридцать. А будет как в Сочи, самая низкая температура плюс четыре...

Так оно и было.

В конце осени в городе еще вовсю зеленела трава и каштаны. Собиралась снова зацветать сирень. Правда, дни стояли пасмурные – из-за плотного облака вулканического пепла лучи солнца не пробивались к щедровчанам.

В эту пасмурную осень Анна Николаевна Гюллинг, тетушка губернаторши Юлии Ветровой, готовилась проникнуть в Бардо. Бардо – это буддийское чистилище, посмертное состояние, где души умерших пребывают в ожидании нового рождения или полного перевоплощения. Для чего же Анне Николаевне, ведьме сугубо европейского толка, понадобилось туда, куда не всякий буддист стремится, мы знаем, но пока говорить не будем.

Пока мы с вами побываем на презентации книги Сидора Акашкина «Новое видение конца света».

Тут следует разродиться некоторой предысторией. Сидор Акашкин – это прыщ на безупречной массмедиальной коже города Щедрого, это Дракула журналистики, монстр Франкенштейна в интервьюировании. В общем, непрерывная мигрень всего города. Сидор Акашкин со своим блокнотом и диктофоном всегда совался туда, куда его не просили, выкапывал самые жареные новости, разрабатывал версии, строил карточные дома информации и раздувал каждую местную сплетню до уровня библейской истины.

Сидора не любили. Ему доставалось и от властей, и от простого народа. Когда-то Сидор был женат, его жена – талантливая ведьма Дениза – долго терпела мужнины выкрутасы и творческие застои с бокалом коньяка в руке (имеется в виду бокал в руке Сидора). Но даже ее ангельскому терпению пришел конец. Разрыв случился сразу после того, как пьяный Сидор заявился домой под утро с двумя пьяными же девицами и заявил, что прямо сейчас будет брать у них интервью. Дениза надавала муженьку пощечин, собрала вещи и отбыла в Толедо, в резиденцию Госпожи Всех Ведьм. Там она обрела утешение и хорошо оплачиваемую работу. А Сидор остался никому не нужным пьяницей с катастрофически завышенной самооценкой.

Сидор себя любил. И потому не позволял по отношению к себе никаких инсинуаций. И когда его уволили из редакции газеты «Щедрые вести», он не сломался.

– Погодите! – погрозились Сидор. – Я вам всем покажу!

И тут же дал интервью одному из своих забулдыг-коллег. В интервью говорилось о том, что он, Сидор, будет работать над книгой, которая станет бестселлером современности и затмит Дэна Брауна, а уж Джеймса Роллинса он вообще сотрет в порошок.

Надо открыть секрет. Способностей к литературному творчеству у Сидора было не больше, чем у кофеварки любви к примулам. Но ему повезло. Минувшим летом он решил съездить в деревню к своей бабке. Та давно молила его со слезами, чтобы приехал и укрепил балки на чердаке – иначе крыше просто хана. Сидор, к тому времени уволенный и испитой, решил просьбу бабули удовлетворить. Деревня – это всегда неплохо, к тому же бабуля его подкормит, а то деньги кончились и, кроме залежалых пельменей, Сидору в долг ничего в магазине не отпускали.

Итак, Сидор собрался, прихватил с собой верный блокнот и диктофон и поехал к бабуле в деревню Мишенское.

Деревня была старой и почти умирающей. Жило в ней два десятка стариков, перебивались с хлеба на молоко, держали кое-какую скотину, огородничали. Окончательно загнуться деревне не давал тот факт, что половина ее жителей была умертвиями, существовать могла вечно, подкормки не требовала никакой и проблем опять же не создавала никаких. Умертвия же между тем зарабатывали скромные деньжата плетением сувенирных лаптей и валянием сувенирных же валенок.

Деревня встретила Сидора приветливо. Здесь не знали о склочности его норова, и Сидор почувствовал себя прямо-таки на коне. Бабуля в нем души не чаяла и не знала, куда дорогого внука посадить и чем угостить. Голубчику Сидору такое раболепие импонировало; он, как мы уже говорили, сильно любил себя.

Первые три дня в деревне он объедался домашними пирогами с капустой и опивался местным квасом. И спал. Бабуля не тревожила Сидора, потому что понимала – внучек ее приехал из нервного города и следует ему оклематься.

На четвертый день пироги кончились. И квас тоже. Сидор поздно встал, понял, что кофе ему не видать, разве что из желудей, и сказал бабуле:

– Ну что, старая, показывай фронт работ.

Оказалось, на чердаке сильно прогнили две балки. Их надо было заменить свежими крепкими бревнышками, которые бабуля уже ухитрилась раздобыть. Сидор вооружился молотком, долотом и гвоздями, самостоятельно затащил новые балки на чердак и только теперь, оказавшись под крышей, огляделся.

Деревенский чердак! Что может быть романтичнее и загадочнее этого места! Разве только летающие тарелки...

Итак, Сидор огляделся. Чердак был большим, сквозь слуховое окно и щели в черепице проникали лучи солнца и золотыми стрелами ложились на покоробившийся запыленный пол. Сидор пристроил бревна и инструменты неподалеку от люка, а сам пустился в исследование помещения.

Можно сказать, что чердак был пустым. Только пыль и золотые лучи. Но вот в сумеречном углу, где скашивалась крыша, Сидор приметил три разновеликих деревянных ящика.

Он подошел к ним и оглядел. Ящики оказались сундуками, покрытыми истлевшей дерюгой и слоем пыли. Сидора немедленно разъело любопытство: что может храниться в сундуках бабки Наталки, да еще на чердаке? Он аккуратно спихнул дерюжку (поднялось облачко пыли) и открыл первый сундук.

Сверху лежали пожелтевшие листы бумаги. Когда Сидор приподнял их, в нос ему ударил слабый запах нафталина. И точно, в сундуке хранились платья, кофты, юбки и прочие дамские принадлежности. Сидор поворошил их. Эти наряды носила явно не деревенская простушка. Платья с корсажами и буфами, бархат, парча, мех – все говорило о том, что их хозяйка была настоящей леди. И фигура у нее была что надо.

Сидор на минутку прикрыл глаза, и ему представилась светская красавица, затянутая в парчовое платье с кринолином и шлейфом. Красавица повела обнаженными плечами и золотыми глазами уставилась на Сидора.

– Чего ты хочешь? – спросила она мелодично.

Сидор вздрогнул и открыл глаза. Колдовство! Его бабка определенно была колдуньей! Иначе откуда могла взяться эта галлюцинация?!

Журналист, нервничая, захлопнул сундук. Ему почудилось, что он вторгся на территорию запретной страны. Он, пятясь, вышел из угла и целых два часа возился, прилаживая новую балку.

Наконец одна балка встала на место. Сидор перевел дыхание и снова глянул в сторону сундуков. Его тянуло туда, как магнит притягивает железные опилки.

– Да ладно, – сказал себе Сидор. – Сундуки какие-то...

И нетерпеливо поднял крышку второго изделия местных (или не местных) столяров.

В этом сундуке цветистой, блескучей россыпью лежали украшения. Сидор, обалдев, машинально перебирал их пальцами. Здесь были золото и малахит, нефрит и бирюза, аметисты и опалы... Украшения сделали бы честь любому ювелиру, а любая кокетка, увидев их, отдала бы свою бессмертную душу. Сидор взял в руки небольшую диадему из сапфиров. Она так сияла! Журналист счастливо рассмеялся – теперь он миллионер! – и нацепил диадему себе на голову.

Тут же он упал как от хорошего тумака.

Перед глазами опять появилась давешняя красавица и спросила:

– Чего тебе надобно, убогий?

Сидор молчал, ошеломленный.

Красавица надула губки:

– В третий раз тебя спрашиваю: чего надобно? Не ответишь – задушу, рыхлая твоя рожа.

Сидор опомнился. Он понял, чего он хочет.

– Я хочу славы, – прохрипел он. – Известности, почета и преклонения.

– Эх, – хмыкнула красавица, блеснув золотым глазом. – Все вы, мужики, от славы сами не свои. Ладно. Будет тебе слава. Открой третий сундук.

Сидор, как сомнамбула, повиновался. Третий сундук был пустым, если не считать небольшой, ин-кварти, толстенной книги в темном кожаном переплете и с изъеденными ржавчиной железными застежками.

– Возьми эту книгу, – приказала красавица. – Прочти и сам реши, что с нею сделать. Но знай, эта книга может принести как великую славу, так и великое бесчестье. Будь осторожен.

– Буду, – прошептал Сидор и взял книгу. Тут же все видения пропали и сапфировый венец с его головы исчез.

Сидор решил, что откроет книгу у себя в светелке. И тут услышал, как снизу зовет его бабка Наталка.

Сидор затолкал книгу под рубаху (железные застёжки неприятно царапнули холодом) и крикнул:

– Иду!

Он спустился с чердака и отпрапортовал бабке, что один столб поставил.

– Охти, свет ты мой, – сказала бабка. – А извозилсси как! Нешто вы, городския, все такая чамошняя?

– Такие, бабуль, такие, – хмыкнул Сидор. – Поросята мы. Оторванные от корней. Ты мне баньку истопи и одежду приготовь на смену, а я сейчас сделаю звонок одному другу.

И Сидор зарысил к себе в комнату. Там он заперся на крючок и вытащил книгу. Она была тяжелая и холодная, не потеплела, даже будучи у самого Сидорова сердца. Журналист положил книгу на стол и отомкнул железные застёжки. Бережно раскрыл книгу на титульном листе.

И обомлел.

Потому что на пожелтевшей и хрупкой от времени бумаге было бузиновыми чернилами выведено:

«Видения грядущего Конца Света и что засим воспоследует.

Писано иуня шестаго числа ...12 года по воплощении Господа нашего Иисуса Христа».

– Сидор! – пронзительно прозвучал голос бабки Наталки. – Баня от готова!

– Иду-у! – крикнул в ответ журналист. В голове его все плыло. Что это за книга? Откуда она у бабки? Кто автор?

Выяснить все это можно было только одним способом – прочесть книгу. Но путается тут под ногами эта старушенция...

– Иду! – повторил Сидор и огляделся отчаянно, ища, куда бы книгу спрятать. И не придумал ничего лучшего, как спрятать ее в баул со своими вещами. Он завернул книгу в майку, сунул на самое дно, сверху придавил диктофоном и фотоаппаратом. Застегнул сумку, еще раз огляделся и вышел из комнаты.

Баню Сидор любил, но сейчас ему было не до блаженства с березовым веником в руках. Найденный артефакт жег ему разум. Поэтому он кое-как выкупался, натянул свежую одежду и вернулся в избу.

А его уже ждала бабка Наталка. Сегодня она приготовила кулебяку, холодец из свиных ножек и напиток, который в деревне назывался «бардюжка» и был исключительно местного изготовления.

Сидор съел кулебяку, отведал холодца, ополовинил кувшин с бардюжкой и после этого почувствовал себя несколько развязно. Не до такой степени, чтобы рассказать бабке про книгу, но чтобы хоть кое-чем поинтересоваться.

– Бабуль, – заплетаящимся языком спросил Сидор, – а че это за сундуки у тебя на чердаке стоят?

– Какие сундуки? – удивилась бабка Наталка.

– Д-деревянные. В количестве трех штук.

– Святой Николай-угодник с тобой! Нету у меня никаких сундуков и сроду не было.

Помстилось тебе.

– Помстилось?

– Помстилось.

– Ну и ладно, – легко согласился Сидор. – Дай-ка мне еще бардюжки.

Наевшись-напившись и таким образом окончательно утратив черты цивилизованной личности, Сидор отправился спать. Спал он крепко, снов не видел, но вдруг посреди ночи, когда еще и местные петухи не продирали глаз, его вдруг что-то словно толкнуло.

Сидор открыл глаза. Темнота, почти осязаемая, пушистая деревенская темнота заполняла щелястую комнатуху, вливалась в окно и пахла сурепкой...

Но в этой темноте был свет.

И шел он из Сидорова баула.

Журналист сразу протрезвел. Даже голова перестала болеть.

– Книга! – прошептал он.

Сидор относительно тихо соскользнул с пружинной старой кровати и босиком пошлепал к сумке. Хотя ночь была теплая, летняя, его ощутимо знобило.

Негнушмиися пальцами он расстегнул «молнию» на сумке. Свет стал ярче, так что приходилось щуриться. Сидор опустил руки в чрево сумки, как в воду. Свет покалывал ему пальцы. Он извлек книгу.

Она светилась ровно и ярко. Переплет был алого цвета, с тиснением, а застежки оказались не ржаво-железные, а золотые. Сидор мельком подумал, что он сейчас со стороны представляет потрясающее зрелище для какой-нибудь одиозной газетенки: на коленях, со сверкающей книгой в руках...

Было тихо. Сидор осторожно встал и положил книгу на стол. Свечение ее чуть померкло, но все равно оставалось таким, что не требовалась никакая лампа.

– Ну же, – сказал себе журналист. – Решайся, если ты мужик!

Руки у него перестали дрожать, и он, выдохнув, отомкнул застежки и раскрыл книгу на первой странице.

Книга была написана древнеславянской вязью, но вот что интересно. Едва Сидор, напрягши мозги, попытался прочесть первое предложение, как в его сознании произошло некое замещение и в голове зазвучал негромкий ровный голос:

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Изволилось Святому Духу и мне, грешной рабе Агнии, записать все виденное и слышанное о грядущей године бедствий, что будет перед Страшным судом Господним.

Было сие так. В канун Рождества Христова приключилась со мной, грешной, огневичная болезнь. Металась я в жару, и благочинная нашего монастыря мать Пиама, спаси ее Бог, велела меня особоровать и причастить Святых Христовых Таин. Клирики нашей обители совершили надо мной оба святых таинства, и когда причащалась я, то увидела, как в Чашу вошел свиток огня и этим огнем меня причастили. Страх объял меня, грешную, и долго после этого лежала я в тонком сне будто мертвая. И привиделось мне, что подошла к моей постели высокая дева в блистающих одеждах и с венцом на голове. В правой руке она держала крест святой, золотом сияющий, а в левой цветок лилии, распространяющий неземное благоухание. Я подумала, что это искушение мне, и стала молиться против козней

сатаны, но девица не пропала от креста и сказала мне:

– Не страшись меня, я святая мученица Надежда и прислана к тебе, чтобы показать по воле Господа, что случится на земле в последние времена. То, что увидишь, запиши и передай властям церковным. А теперь идем.

И увидела я, что тело мое почивает на постели, а душа отделилась от него и взяла за руку святую Надежду. Мы вышли из кельи и понеслись над землей высоко-высоко. И привела меня мученица в страшное место. Были тут высокие башни из стекла и железа, повозки, едущие без лошадей, железные птицы с большими крылами, ужасно гремевшие. И ни одного-то деревца, ни одного-то цветика нет!

– Что сие за место? – спросила я, и святая ответила:

– Сие есть град, именем Новый Вавилон, а эти две башни, в которых люди занимаются торговлей, куплей и продажей, воистину башни вавилонские. И гибель их будет страшна.

И увидела я гибель эту. Железные птицы устремились прямо на башни и пронзили их. Башни стали рушиться, облака огня и дыма поднялись, сколько людей погибло! И спросила я мученицу, зачем мне это видение. А она сказала:

– Знай, что сие произойдет незадолго до конца света и Второго пришествия Христова. Запомни сие и следуй далее за мной!»

...Сидор оторвался от книги. Голова его кружилась, перед глазами сверкали огненные полосы. Журналист осторожно захлопнул книгу, и тотчас свет ее померк.

– Вот это да! – прошептал Сидор. – Вот тебе и бестселлер!

Он снова запрятал книгу в сумку, лег в постель, но спать не мог. Перед ним открывались самые радужные перспективы, он мечтал на полную, что называется, катушку.

– Прочту пророчества, – шептал Сидор, глядя в темный потолок. – Обработаю их, переложу на современный язык – и готов бестселлер. Назову «Пророчества о конце света». Нет! Книг с такими названиями было уже немало. Вот как будет звучать название: «Новое видение конца света, открытое простому журналисту». Да! Точно! Теперь-то уж ко мне будут относиться с уважением, поймут, что Сидор Акашкин – настоящая звезда!

– Сидор! – раздался из-за закрытой двери голос бабки Наталки. – Милок, ты спишь?

– Не сплю, – буркнул Сидор и встал. Натянул старый спортивный костюм и вышел из комнаты.

Бабка глядела на него с некоторым испугом.

– Ты чего, бабуль?

– Да не спится мне, а тут еще твой голос услыхала. Подумала: раз ты не спишь, может, чайку попьем? Я самовар быстро поставлю.

– Хорошо. Попьем чайку, – воодушевленно сказал Сидор. – Я не против.

Но до чая ли! Лишь мысль о книге его томила, мучила и жгла.

Впрочем, чай – тоже неплохо.

Бабка раскошегарила самоварчик, поставила на дощатый стол кружки, сахарницу, кувшинчик со сметаной и стопочку блинов, оставшихся от ужина. Порыскав в буфете, нашла и пряники мятные, и клубничное варенье.

Сидор сел за стол, бабка Наталка налила себе и ему чаю, пододвинула вазочку с вареньем. В ночной тишине было особенно слышно, как потрескивают половицы дома, как

что-то шуршит по стенам.

– Старый у тебя дом, бабуль, – сказал Сидор, макая блин в варенье.

– Старый, милоч.

– А кто его строил? Муж твой?

– Муж... Эхе-хе! Этот дом был построен тогда, когда я еще косички заплетала да гусей пасла!

– И кто в нем жил?

– До революции в нем три сестры жили. Имен их не помню. Хорошие были девушки. Отец с матерью у них померли, наследство кой-какое осталось, вот они и жили, замуж не выходили, хотя многие к ним сватались.

– Чего ж они замуж-то не шли?

Бабка Наталка усмехнулась:

– Замуж не напасть, а как бы замужем не пропасть. Не хотели, и все тут. Все состояние свое они пустили на дела милостыни, в доме открыли школу и лазарет. А потом революция случилась, сестер этих красноармейцы расстреляли как классовых врагов, а в доме сделали революционный музей.

– Да дом-то вроде небольшой, где тут быть музею!

– Однако ж был. Но недолго. При нэпе музей перевели в город, а в этом доме поселили актрису. Старую. Уж на пенсии. Она была очень одинокая и надменная, всех ниже себя считала. Бывалоча, идет за водой с ведром, меха наденет, платье парчовое, а народ вокруг только насмехается. А потом уж моим родителям, как актриса померла, дом отдали. У нас детей много было. Не заживались, правда.

– Бабуль, – Сидор от волнения проглотил сушку, не разжевав, – а те сундуки, что на чердаке, может, от актрисы остались?

Старушка жалостливо поглядела на Сидора:

– Нету там никаких сундуков, Сидорушка. Помстилось тебе. Ты чай-то пей, родимый.

Ночь Сидор провел смутно, а едва рассвело, он уже полез на чердак.

Здесь было пыльно и пахло остывшей за ночь черепицей. Сидор огляделся.

Черт!

Сундуков, прятавшихся в пыли и тени, не было!

Сидор бросился в угол, где они стояли, но ничто, ни одна пылинка не свидетельствовала о том, что здесь размещались три неподъемных сундука.

– Глюки у меня от бардюжки, что ли, – прошептал Сидор.

Нет. Ничего. Пустота и пыль.

Сидор спустился вниз – бабушка ушла пасти коз – и стремительно рванул в свою комнату. Расстегнул сумку...

Книга была. Она снова выглядела старой и поблекшей, но главное – существовала. А это доказательство того, что Сидор не шизофреник.

Он расстегнул железные скобки и уже собрался было открыть книгу, как вдруг голос за спиной приказал ему:

– Не открывай.

Сидор сжался в ужасе. Бабуля пасет коз, но, значит, кто-то пробрался в дом в ее

отсутствие и видел все Сидоровы манипуляции с книгой.

Он вскочил и затравленно оглянулся. Книга трепетала в его руках как живая.

Журналист сначала никого не увидел, а потом...

Потом из стены вышла женщина с красивым и строгим лицом, с золотыми глазами, со взглядом змеи. Она немного напоминала экранную версию Хозяйки Медной горы, только одета была во все черное.

– Вы кто? – прошептал Сидор. – Чего вам надо?

Женщина подняла руку, призывая Сидора слушать.

– Ты хотел славы, и слава к тебе придет вместе с этой книгой. Перепиши все пророчества, явленные в ней, и опубликуй их под своим именем...

– Но это плагиат!

– Пророчества должны быть услышаны, и неважно, кто будет их автором. Я выбрала тебя.

– Почему?

– Потому что ты глуп и разум твой как незаполненный сосуд. Пусть же в нем сохраняются пророчества о грядущем. Людей надо предупредить.

Сидор, которому очень не понравилось, как незнакомка отозвалась о его разуме, тем не менее счел ее слова справедливыми. Что уж говорить – он не гений. Но кто она?

– Кто вы? – повторил Сидор свой вопрос.

– Этого тебе знать не надо. Знай вот что: открывать книгу и переписывать из нее пророчества можно только по ночам. Днем книга должна быть закрыта и спрятана. Иначе с тобой будет беда.

– Понял, – кивнул Сидор. – Приму как святую истину.

Журналист спрятал книгу и увидел, как его собеседница растворилась в пространстве – словно превратилась в сотни жужжащих мух.

– Господи, – сказал ошарашенный Сидор. – Вот уж чего не чаял...

Остаток дня Сидор посвятил труду на чердаке. Прожил в деревне еще пару дней и вернулся в город – к верному компьютеру. И заперся в квартире на целый месяц, выходил только изредка – за соком, пивом и булочками под названием «сырная палочка».

Каждую ночь, едва стихал шум будней Щедрого, журналист включал настольную лампу и плотно завешивал шторы. Компьютер у Сидора работал круглосуточно и ждал его, как верный конь доблестного рыцаря. Рыцарь пера и ноутбука залезал в свой тайник (в углу за кушеткой очень удачно отстали обои) и доставал завернутую в рубашку книгу. Та начинала светиться приглушенным светом, это означало, что она готова к работе и послушна воле своего переписчика.

И вот что было странно: те строки, которые Сидор заносил в память своего компьютера, в книге бледнели постепенно, словно размывались, и исчезали. И Сидор трясся за каждое слово, чтобы, не дай бог, оно не пропало.

«И сказала мне святая Надежда: «Иди за мной, и увидишь то, что будет незадолго до конца света и Второго пришествия Христова». И взяла меня за руку и привела в большую темную комнату. Вдруг комната озарилась, но не свечами, а какими-то мигающими разноцветными огнями. Громко зазвучала сатанинская музыка, и я, грешная раба Агния,

воочию увидела, как стала комната заполняться людьми – мужчинами и женщинами в ярких, богатых одеждах. Все они стали выламываться, словно припадочные, и я поняла, что это они так танцуют. А один толстый мужчина в блестящей рубаше как закричит: «Ну сегодня мы зажжем!» Все – ну хохотать, да плясать, да пить. И вижу я – огонь в комнате вспыхнул. Все веселятся, думают – так надо, а уж потом, как огонь разгорелся, поняли, что это самый настоящий пожар. Огонь по стенам скачет, люди валом валят к выходу, друг друга давят, в гари задыхаются, огнем обжигаются, падают, их топчут. Хруст костей и крик стоит страшный! Я глаза закрыла, плачу, молюсь, а святая мученица Надежда говорит мне: «Не закрывай глаза. Ты свидетельница того, что в последние времена люди примут великие страдания, но так и не покаются пред Господом...»

«И ведет меня мученица Надежда в другое место. Большой блестящий зал с огнями, много народу всякого. Голоса звучат разные и шум, как будто гудение пчел в улье. И вижу я за окнами, как садятся на землю и взлетают железные крылатые птицы, и понимаю, эти люди пришли кто сесть на птицу, кто встретить тех, что с птицы сошли. Много, много народу! И вдруг грохот страшный, и огонь, и дым! И все кричат, кричат! О ужас! Как преисподняя разверзлась! Кто погиб, кто ранен, кто от страха окаменел. Все кричат, бегут, плачут! И я плачу, и говорю святой мученице: «Как же Бог попускает такое?» А она отвечает: «Потому что чаша нечестия людского переполнилась. А те, кто погибли, окажутся в раю».

И вот ведет меня мученица к высокой башне, сделанной из стекла и золота. Двери распахиваются, и мы входим внутрь. Тут много людей, стоят рядами и кричат: «Слава великому целителю!» Вижу я как бы престол, накрытый парчой, и на нем сидит мальчик лет двух. Одет он в золотые одежды, держит четки, голова его лысая, а во лбу моргает третий глаз! По обе стороны от мальчика стоят крепкие мужчины с непонятными палками и внимательно за всеми глядят. «Смотри, – говорит мне Надежда. – Этот мальчик – великое зло, но Бог попустил ему появиться и исцелять людей от всяких болезней, потому что время кончается». Я посмотрела на мальчика, а он своим третьим глазом узрел меня и улыбнулся. И увидела я, что зубы у него не как у людей, а волчьи, и это потому, что он пьет кровь тех, кого исцеляет...»

День за днем, точнее, ночь за ночью открывались Сидору тайны книги, пророчества о последних временах. А когда в компьютер было занесено последнее пророчество и поставлена точка после слова «Аминь», книга рассыпалась прахом.

Для Сидора это была великая ночь. Он посчитал количество знаков – свыше шестисот тысяч. Его бестселлер оказался весьма солидным по цифровым показателям. Его прочтут. Его обязательно прочтут! Надо только найти хорошего издателя и запросить приличный гонорар...

Сидор вышел на кухню и достал пакет с соком. Конечно, сошло бы шампанское, но раз его нет...

Сидор вылил сок в бокал и сказал:

– Пью за твой успех, гений!

И, выпив, не разбил стакан, а аккуратно засунул его в переполненную грязными тарелками мойку.

На следующее утро Сидор принял контрастный душ с гелем «Акс», выбрал лучшую

рубашку и костюм-двойку, побрился, освежился и, скопировав книгу на флешку, отправился в местное книжное издательство, специализирующееся на мемуарах известных вампиров, приключениях оборотней и поучительных эссе умертвий.

Сидор в издательстве был известен. Несколько раз он предлагал для публикации свои романы. Он считал, что его творчество (помимо статей в газеты) заслуживает внимания. Но увы. Романы неизменно отклоняли. Сидор обижался в лучших чувствах, но все равно верил в свою звезду.

Ему повезло. На месте была зам главного редактора, и Сидор толкнулся прямо к ней, минуя возмущенные вопли секретарши.

– Добрый день! – сказал Сидор заму, которая в это время, сидя за столом, внимательно разглядывала в маленькое зеркальце большой карбункул на подбородке.

– Какого черта вы врываетесь без доклада?! – возмутилась зам главного редактора, пряча зеркальце и прикрывая ладонью карбункул. – Вы, вообще, кто?!

– Я Сидор Акашкин, – сказал наш храбрец. – И я принес вам потрясающую книгу.

– Да? – скисла зам. – К нам тут по двести человек за день приходит, и все с потрясающими книгами. Неужели вы меня и впрямь удивите?

– Удивлю, – оптимистично заверил Сидор.

– Хм. Ну и как называется книга?

– «Новое видение конца света».

– И о чем?

– О конце света, разумеется.

– Э-э, поправьте меня, если ошибусь: это насчет двадцать первого декабря сего года?

– Двадцать третьего.

– Почему двадцать третьего? Календарь майя ясно говорит о катастрофе двадцать первого декабря две тысячи двенадцатого года.

– Все врут календари, – хмыкнул Сидор.

– Seriously? Нет, вы положительно меня заинтересовали. Нам о конце света приносили рукописи человек тридцать, но ни один не вел себя так нахально, как вы. Вы чем-то отличаетесь.

– Наверное, талантом, – соскромничал Сидор.

– Да уж. Так почему же, на ваш взгляд, врут календари и катастрофа ждет нас двадцать третьего декабря?

– Все просто. Нужно учитывать разницу часовых поясов. Конец света начнется с Запада, и это будет двадцать первое декабря, а закончится Востоком, и это будет уже двадцать третье.

– Интересный взгляд на проблему. И что же, об этом есть в вашей книге?

– Да.

– Дайте-ка рукопись, я бегло просмотрю.

– У меня на флешке. Зип-файл.

– Это ничего. – Дама взяла флешку, вставила ее в компьютер, подождала, пока откроется файл, и переспросила: – Сидор Акашкин?

– Именно.

- А вы в газете не работаете?
- Уже нет. Я отдал все свое время работе над книгой.
- Да? Ну посмотрим, посмотрим.

Зам главного редактора погрузилась в чтение. По мере того как она прочитывала все новые страницы, лицо ее из рассеянно-надменного становилось сосредоточенным и внимательным. Такое лицо могла бы иметь боеголовка, выпущенная в цель. Наконец она оторвалась от чтения и спросила:

- Откуда у вас эта информация?

Сидор свел ладони и указал взглядом наверх:

- Оттуда.

– Но вот здесь у вас присутствует некая монахиня Агния... Это вымышленный персонаж?

- Конечно.

- Тогда кто же получал откровения от мученицы Надежды?

- Я.

- Серьезно?

– Абсолютно. Я пережил тяжелейший стресс, получая видения о конце света. За мою жизнь боролись пять участковых врачей. Но я выжил, сумел написать книгу и теперь хочу, чтобы она принесла пользу людям.

– Что ж... – Заместитель главного редактора теперь смотрела на Сидора совсем другими глазами. – Попробуем издать ваши пророчества. Тем более что времени до гипотетического конца света осталось совсем мало. Если все просчитать, книга выйдет в ноябре.

- Отлично.

И тут на Сидора что-то нашло.

– Сударыня, я вижу, что этот карбункул портит вам не только внешность, но и настроение. Позвольте мне...

И Сидор осторожно коснулся карбункула кончиками пальцев.

Мерзкий прыщ, коим и был карбункул, исчез.

- О боже, – ахнула заместитель главного редактора. – Так вы еще и целитель?

– Есть маленько, – ошарашенно прошептал Сидор. Ему самому было невдомек, что он умеет исцелять.

Но, оказывается, на него снизошел этот удивительный дар.

«Вот это мне везет, – подумал журналист. – Не было ни гроша, да вдруг доллар!»

Договор на публикацию книги был заключен немедленно и с самым выгодным для Сидора гонораром. Выдан был также нехилый аванс. Счастливый, бывший журналист отправился из издательства прямо в ресторан.

В ресторане «Пти Аннет», расположенном в одном из фешенебельных районов города, Сидора, конечно, не знали. Тут околачивались нувориши Щедровской области и люди из бизнеса. Поэтому на Сидора, когда он сел за свободный столик, люди из obsługi посмотрели с удивлением. Впрочем, официант подошел незамедлительно.

- Добрый день, – сказал официант. – К сожалению, у нас не приняты бизнес-ланчи...

- А мне и не нужен бизнес-ланч, – сказал гордо Сидор. – Мне нужно шампанское брют,

волованы с паштетом из индейки, рисовые крокеты и форель на пару. Понимаю, что такого заказа у вас давно не было, и поэтому готов подождать. Но немного. У меня масса дел.

Официант записал все в свой блокнот, поклонился и бросился на кухню. Тут и родилась легенда о великом Сидоре-книгописце, собирающем злато и стригущем купоны за каждый свой бестселлер.

Сидор попивал шампанское и размышлял о дальнейшем своем счастливом будущем, как вдруг на стуле напротив него материализовалась фигура давешней золотоглазой красавицы. Сейчас красавица была в дорожном брючном костюме от Дольче Габбана, туфельках от Версаче и в руках держала сумочку явно от Шанель. Тонкий аромат духов красавицы окончательно добил Сидора. Это было что-то пряно-восточное и в то же время напоминало церковный ладан...

– Сидор! – воззвала к нему красавица.

– Что? – вышел из ступора журналист.

– Перестань плясать на мою грудь и налей мне шампанского.

– О да, конечно, простите!

Тут же был принесен второй бокал, и Сидор, трепеща крылышками, налил своей благотельнице игристого напитка.

– Что ж, – сказала красавица. – За твой успех, Сидор!

Они чокнулись и выпили.

– Итак, – заговорила дама, когда шампанское было выпито. – Книга написана и отдана в издательство.

– Да.

– И договор заключен. Когда выходит книга?

– В ноябре.

– Отлично. Пиар-акция будет обеспечена. Только ленивый не прочтет твои пророчества, Сидор.

– Это значит, что мою книгу переведут на иностранные языки?

– Уже переводят. Книга распространится по всему миру. Во всяком случае, мы сделаем все, чтобы так было.

– А кто это «вы»?

– Общество, которому небезразлично будущее Земли и человечества. Мы хотим предотвратить катастрофу двадцать один двенадцать.

– То есть? Что, конец света действительно будет?

– Разумеется.

– По календарям майя?

– Да.

– Погодите, я не понимаю. Что, в декабре этого года катастрофа...

– Да, в декабре этого года. Сроки выверены, убийцы подготовлены. Сера и смола уже кипят в небесах. Человечество обречено.

– Тогда какую пользу принесет моя книга? Раз уж...

– С этой книгой человечеству дается последний шанс покаяться и обратиться к Богу с молитвой о спасении Земли.

– Я не могу в это поверить.

– Сидор, Сидор... Твоя рука написала несколько глав, посвященных уникальному мальчику с третьим глазом во лбу, не так ли?

– Ну... да.

– Этот мальчик – великое зло. Он уже начал свою деятельность и привлекает к себе все больше и больше людей. Резиденция его в Дели, туда стекаются миллионы паломников, чтобы поклониться ему.

– Он что, Антихрист?

– Он? Нет. Но можно сказать, что он предтеча.

– Как же людям спастись от конца света?

– А вот об этом ты напишешь свою следующую книгу. И на твоём месте я бы не рассиживалась по ресторанам, а шла бы на своё рабочее место.

– Но если я не знаю, как и о чём писать?

– Я буду с тобой. Я продиктую. Теперь ты член нашего общества.

– А как оно называется?

– «Предвестники зари». Именно так будет называться твоя новая книга.

– Звучит красиво. А чем вы занимаетесь?

– Этого я пока тебе сказать не могу. Мы просто солдаты Бога. Рыцари истинной веры. Мы огнём и мечом пройдем по тем странам, которые не примут твоё – наше! – учение. Тебя ждёт великое будущее, Сидор.

– Кстати, я вот что хотел спросить...

– Да?

– У меня целительские способности вроде как проявились. Это тоже вы?

– Нет, это закономерная реакция твоего организма на то положение, которое ты отныне занимаешь.

– И какое же это положение?

– Ты – мессия, Сидор.

– Не понял!

– Тебе предстоит сражаться со злом всего мира!

– Но я же не Шварценеггер!

– Конечно. Ты сильнее. Помнишь мои слова о предтече Антихриста? Тебе надлежит встретиться с ним и побороться.

– Значит, я еду в Дели?

– Да.

– Когда?

– Двадцать первого декабря сего года. Мы доставим тебя нашим транспортом.

– Замечательно.

– Сидор, ты не должен бояться и малодушествовать. Тебе отведена великая роль, миллионы людей будут жить и умирать с твоим именем на устах... Впрочем, это пока тебе не стоит знать. Идем отсюда. Пора писать новую книгу.

Они вышли из ресторана (Сидор и за даму расплатился, и хорошие чаевые оставил). Даму поджидала машина с молчаливым шофером, которого Сидор определил как умертвие.

Они сели в машину, Сидор почему-то сразу начал дремать, и в этой дремоте он едва слышал те речи, которые изливала на него собеседница...

Скоро парочка оказалась в квартире Сидора. Дама, чье имя он так и не потруился узнать, уложила его спать на кушетку и прикрыла пледом, а сама всю ночь просидела за стационарным телефоном, делая кому-то звонки и разговаривая при этом на совершенно неизвестных языках.

...Первого ноября вышло из печати «Новое видение конца света», и моментально эта книга стала бестселлером. Буквально через неделю ее переиздали миллионным тиражом и заключили с Сидором новый договор, буквально осыпаящий его новенькими хрустящими банкнотами. Сидор, конечно, договор заключил, но деньги его уже не заботили. Он жил на попечении «Предвестников зари» и получал все необходимое и даже больше. Сидор понимал, что ему не нужны деньги; куда их тратить в мире, катящемся в пропасть? Он стал самым известным в России меценатом и спонсором. Детские дома и больницы молились на него, директора картинных галерей верили в Сидора, как в Бога, да и вообще...

Сидор получил славу и известность. Но это его не радовало. Его вообще ничего не радовало, кроме книги, которую он писал. Именно поэтому он чуть не забыл приехать на презентацию «Нового видения конца света» в Санкт-Петербург.

Презентацию решили проводить не где-нибудь, а в Русском музее, где сами стены были, можно сказать, освящены присутствием великих мастеров.

Большой зал был заполнен почти до отказа. Отражения гостей двоились и троились в огромных зеркалах. Играл струнный квинтет. Публика была самая представительная: несколько президентов стран третьего мира, наш премьер, мэр Санкт-Петербурга и прочие всякие помельче. Сидор сидел в первом ряду, его лорнировали дамы, но наш бывший журналист никого не замечал. Юдифь (а именно так звали загадочную даму из общества «Предвестники зари») не приехала, оставив Сидора самостоятельно отвечать на поклон и дифирамбы. Сидор кланялся, говорил ответные комплименты, но делал это не от души, а как-то механически.

Когда он порядком устал от шума презентации и халявного шампанского, он решил выйти в фойе. Здесь было прохладно и полутемно. Сидор присел на банкетку и задумался. До конца света времени осталось с гулькин нос. Когда же он поедет в Дели?

Вдруг что-то ужалило его в шею.

– Пчела, что ли-и-и-и, – успел изумленно пробормотать Сидор, и тут его накрыло темным облаком.

Очнулся он в темноте и духоте.

– Я ослеп, – перепуганно прошептал Сидор. – Ой, мамочки, я ослеп!

Тишина была ему ответом. Сидор приподнял руки, до этого мертво лежавшие вдоль тела. Руки повиновались ему, но плохо. Сидор коснулся пальцами глаз, но пальцев не увидел.

– Ослеп! За что мне это, Господи?!

Духота давила на него. Сидор почувствовал, как по телу текут струйки пота.

– Помогите! – прокричал Сидор. Голос прозвучал жалобно и с каким-то мальчишеским писканием. И что еще важно, голос эхом отразился от стен. Значит, журналист был в каком-то достаточно большом помещении.

Сидор поводил руками в пространстве. Ничего. Духота и тьма. Он ощупал себя и понял, что лежит совершенно обнаженный. Даже туфли, его новые туфли Прада пропали!

– Помогите! – снова закричал несчастный журналист. – Кто-нибудь! Хелп ми! Я пить хочу! Ай вонт ту дринк! И потом, где моя одежда?!

Неожиданно для себя Сидор понял, что готов заплакать.

– Крепись, гребаный писатель, – проговорил он себе грубо и по-мужски. – Давай разберемся в ситуации.

Сидор попробовал сесть. Получилось. Он похлопал ладонями вокруг себя – ладони встретили гладкий каменный пол.

– Так, – выдохнул Сидор. – Одно хорошо – это не гроб.

Тогда, может быть, склеп?..

Сидор покряхтел и осторожно встал в полный рост. Тоже получилось. Тогда он предпринял жутко смелую попытку: вытянул одну руку вверх, надеясь достать потолок. Но потолка он не достал и вообще каким-то дцатым чувством ощутил, что помещение, в котором его держат, огромно – высокий потолок, почти что купол, далеко расположенные стены.

Наш герой никогда не считал себя героем. И поэтому довольно долго просто стоял на месте, трепеща от давящей на него тьмы. И первый шаг ему сделать было очень нелегко.

Но он его все-таки сделал.

Дальше стало легче. Второй шаг, третий... Ноги вроде слушаются. Правда, кружится голова и шея болит в месте укуса предполагаемой пчелы. Сидор потерял шею и обнаружил небольшую припухлость. Что же все-таки с ним случилось?

Он пошел вперед, вытянув руки, каждую секунду содрокаясь от того, что может коснуться чего-то страшного и неведомого. И тут пришел голос:

– Остановись, чужеземец.

Сидор замер в жуткой темноте.

– Кто говорит? – дрожащим голосом прошептал он.

Как ни бил его страх, он сумел проанализировать услышанный голос – говорили по-русски, но с чудовищным акцентом. И еще было пришепетывание, как будто у говорившего во рту было больше зубов, чем полагалось.

– Остановись, чужеземец! – повторила тьма. – Узри.

– Узри? – шепотом же переспросил Сидор. – Ох, значит, я не ослеп?

И в подтверждение этой догадки вспыхнул свет. Это не был свет солнца или электрических лампочек, нет, это был свет живого огня, запыхавшего в десятках факелов.

Сидор увидел в этом свете, что находится он в огромном помещении и что он не один. Факелы держали десятки людей, одетых в очень странные одежды, напоминающие доспехи. Один из них, облаченный в золотую кольчугу поверх длинной, простого кроя рубахи, подошел к Сидору и, посветив тому факелом в глаза, велел:

– Преклони колени, чужеземец, ибо ты в храме великой богини.

– Я, конечно, преклоню, – заторопился Сидор, опускаясь на колени. – Но, может быть, кто-нибудь объяснит мне, как я сюда попал?

Никто ему ничего не объяснил. Сидор лишь увидел, как на него надвигается фигура огромной лоснящейся темнокожей бабы. Поверх голых мощных грудей бабищи висело

ожерелье из человеческих черепов, в руках она держала по отрубленной голове, а бедра ей (не бедра – бедрищи!) украшала связка отрубленных человеческих рук.

– Кали! О Кали, великая! – закричали все хором, словно помутившись в рассудке.

Факелы пылали, от жара все плыло перед глазами несчастного журналиста.

– Кали? – пискнул Сидор. – Я что, Индиана Джонс?

– Кали!

– Кали!!

– Кали!!!

Лицо бабищи оказалось на уровне глаз Сидора. Она открыла рот и высунула длинный отвратительный язык. Ее зловонное дыхание повергло Сидора в шок. И он просто упал в обморок, когда своим языком Кали облизала его лицо.

– О Кали, прими эту жертву! – на санскрите сказал тот тип, что бросал Сидору фразы на русском.

– Приму, – прохрипела бабища.

Откуда-то в храме взялся операционный стол с аппаратом наркоза и бестеновой хирургической лампой. Тут же возле стола образовалась докторша в белом халате и подобная ей ассистентка. Они разложили инструменты и воздели вверх руки в стерильных перчатках.

Не подающего признаков жизни журналиста возложили на стол. Тут же надели ему маску наркоза. Лампа вспыхнула ярче; над Сидором склонились хирург и ассистент. Под завывания толпы «о великая Кали!» они оскопили несчастного Сидора и прижгли ему рану. Отрезанную часть тела журналиста Кали тут же с удовольствием сожрала. Сидора сняли со стола и закутали его бесчувственное тело в нечто вроде савана.

И снова грянула тьма.

Когда Сидор очнулся во второй раз, вокруг стоял солнечный день. Прохладный кондиционированный воздух овеял его лицо и привел в чувство. Сидор застонал и открыл глаза. Взгляд его долго не мог сфокусироваться, но потом он увидел, что лежит напротив большого окна, наполовину закрытого белыми пластиковыми жалюзи. В незанавешенную часть окна была видна крона дерева, и не просто дерева, а пальмы.

Сидор немного полюбовался пальмой, а потом оглядел себя. Он лежал на кровати, до подбородка укрытый белой простыней. К правой руке была прикреплена канюля капельницы. Сама капельница стояла рядом. Свободной левой рукой Сидор ощупал свое лицо. Вроде бы нормально, только вот щетина. Сколько дней он не брился и где он?

Ему на миг вспомнилась тьма и бабища Кали. Он содрогнулся – что это было, видение или реальность? Сердце Сидора забилося сильнее, и тут же он услышал прерывистый писк – так пищат кардиомониторы.

– Я в больнице... – прошептал несчастный. – Я попал в аварию?

И тут он увидел, что открывается дверь, доселе неразличимая со стеной.

В комнату, или, лучше сказать, в палату, вошел высокий смуглый мужчина в белоснежном халате. Голову его украшала пышная иссиня-черная шевелюра, вишнево-карие глаза смотрели внимательно и заботливо. Он подошел к постели и, взяв руку Сидора, стал проверять его пульс.

– Доктор? Вы доктор? – по-английски спросил Сидор.

И услышал английское, но с акцентом:

– Конечно. Позвольте представиться: я доктор Раджниш Капур. Вы находитесь в частной клинике неподалеку от Калькутты.

– Калькутта? Как меня сюда занесло?

– Этого я не знаю. Как, впрочем, не знаю, кто вы. Как ваше имя?

– Сидор Акашкин.

– Хорошо, что вы помните свое имя.

– А не должен?

– Вы были в шоке, – уклончиво сказал доктор и продолжил спрашивать: – Национальность?

– Русский.

– О, вы русский! Прекрасно. Тогда я с вами могу говорить на вашем родном языке, я ведь учился в Москве! Ваш возраст?

– Н-не помню.

– Как вы попали в Калькутту?

– Не знаю, не знаю!

– Не волнуйтесь, вам вредно волноваться. Я распоряжусь, чтобы вам ввели рисперидон.

– Доктор, скажите, ради всех богов, как я попал к вам в больницу?

– Вас обнаружили полицейские, совершающие ночной обезд района Санаджай нашего города. Вы лежали, истекая кровью и не подавая признаков жизни, неподалеку от храма Воинствующей Кали. Когда полицейские увидели вашу рану, они вызвали наших специалистов, потому что у нас есть необходимое оборудование и разработан процесс реабилитации.

– А какая у меня рана? – задыхаясь от страха, спросил Сидор.

– Бедняга... – пробормотал врач. Потом легонько стиснул руку Сидора. – Держитесь. Вас оскопили.

– Ч-что?! О нет! Как? Почему? Кто?

– На эти вопросы я не могу вам дать ответов. Скажу лишь, что долгое время вы находились между жизнью и смертью. Ваша рана, неумело прижатая, воспалилась и загноилась. Нам пришлось много потрудиться, чтобы вытащить вас с того света. Не отчаивайтесь! Жизнь продолжается. Кстати, по факту вашего оскпления возбуждено уголовное дело. Полиция ищет негодяев, сделавших это. А вы помните, как попали в Калькутту?

– Нет! – плача, воскликнул Сидор. – Я помню лишь презентацию моей книги в Санкт-Петербурге, потом словно пчела ужалила... И еще помню, как оказался в жутком месте... Сначала я не понимал, где я, потом мне сказали...

– Что?

– Что это храм Кали. И я увидел ее. Огромную, страшную. Она шла ко мне...

– Так-так... – сказал врач и вынул из кармана четки.

Сидор говорил, а врач покручивал четки. Сидор никак не мог понять, из чего же они сделаны...

– Господин Акашкин, ваша задача сейчас – выздороветь. Мы со своей стороны

приложим к этому все усилия. Загадками, случившимися с вами, займется полиция и посольство России в Индии. Мы немедленно свяжемся с ними и сообщим о вас. Сам же я могу предположить вот что...

Врач значительно помолчал.

– Что же? – спросил, дрожа, Сидор. Он скопец! Ужас и стыд!

– Скорее всего вы попали в руки секты «Тигры Кали». Это похоже на их почерк: похищение, шок, оскотление. Таким образом, вас принесли в жертву Кали.

– Но почему меня?!

– Видимо, они сочли вас значительной личностью, отмеченной печатью особой славы.

– Славы, вы говорите? – дернулся Сидор.

– Да, хотя бы. Но на этом разговор наш пока закончим. Набирайтесь сил. Скоро принесут ланч, постарайтесь съесть хоть что-нибудь, это придаст вам бодрости. А меня, извините, ждут другие пациенты. – Врач с мягкой улыбкой встал. – Бодритесь, господин Акашкин. На свете нет нерешаемых проблем.

И ушел, поигрывая четками.

Сидор долго лежал, бессмысленно пялясь в потолок. Все пытался понять, из чего же сделаны четки доктора Капура.

А когда понял, похолодел.

Из человеческих зубов.

...Когда принесли ланч, Сидор послушно все съел и выпил, хотя аппетита не было совсем. Внутри него что-то надломилось, прошлая безбедная жизнь казалась сном. И Сидор не удивился, когда в лучах заката перед его кроватью соткалась полузабытая фигура.

Это была Юдифь.

– Здравствуй, благороднорожденный! – с легкой усмешкой сказала она. – Пожинаешь плоды славы?

– Пожинаю, – сквозь зубы процедил Сидор. – Это все ты, да?

– Никоим образом. Это, как сказал тебе доктор Раджниш Капур, «Тигры Кали». Им принадлежит сомнительная честь отрезания твоих яиц. Ужасная секта. Правда, доктор не упомянул о том, что тоже состоит в ее рядах.

– Как? Но он же меня лечит!

– Не в их интересах терять тебя. В их интересах тебя ослабить, чтобы ты не мог противостоять Мальчику Из Дели. Двадцать первое декабря, ты забыл? Конец света грядет! А ты всё про яйца.

– Я до сих пор не представляю, как бы я мог ему противостоять.

– Зато мы, «Предвестники зари», представляем. Мы спасем тебя, Сидор. Мы укроем тебя так, что не найдут никакие тигры.

– Где?

– В Бардо.

– Где-где?

– Что ты заладил одно и то же, как попугай. Не знаешь, что такое Бардо?

– Конечно, не знаю.

– Бардо – это область межсветья. Это промежуточное состояние между смертью

человека и его новым рождением. Можно сказать, что Бардо – это буддийское чистилище. Сорок девять дней пребывает в нем душа, чтобы отринуть все земное и приблизиться к свету Самадхи – свету нового рождения.

– И каким это боком относится ко мне? В Бардо ведь попадают мертвые?

– Души мертвых.

– А как насчет тел? Нет, я не согласен. Я свое тело люблю и расставаться с ним не намерен. И потом, если я буду мертвый, как же я смогу сразиться с этим Делийским Мальчиком?

– Его имя Собхита.

– Да кой мне черт до его имени!

– Надо знать имя своего врага. Это придает силы.

– А он мое имя знает?

– Нет. Он даже не знает, что ты существуешь. Он чувствует себя безнаказанным и торжествующим. Конечно! Ведь за ним стоит сам Мара.

– Кто?

– Ну, Сидор, ну ты темный! Мара – это буддийский бог-демон, чья задача творить зло, нестроения и разрушение. Если бы не Мара, Собхиту, возможно, удалось бы повернуть к добру. Но Мара его окончательно развратил.

– Похоже, мне придется воевать не только с Собхитой, но и с Марой.

– В общем, да. Но ты не волнуйся. У тебя очень хороший потенциал. Тем более ты будешь обучаться искусству войны в Бардо.

– А я думал, там только покойники, ожидающие перерождения.

– Ой, Сидор, какой же ты нудный!

– Ничего я не нудный. Я был нормальным человеком, ничего не знал, ни в чем не участвовал...

– И нравилась тебе такая жизнь? Ты ведь сам запросил славы!

– Запросил... – уныло протянул Сидор.

– Ну и вот.

Сидор оглядел палату. Положение у него было самое отчаянное.

– Сейчас-то мне куда? – спросил он.

– А сейчас тебе надо бежать, – с гадкой улыбочкой сказала Юдифь.

– И ты мне, конечно, не поможешь?

– Сидор, ты дурень. Как ты думаешь, зачем я здесь? Бюстом своим красивым перед тобой трясти?

– Ну кто тебя знает...

– Значит, так. Сейчас мы с тобой обменяемся телами. Твоя душа займет мое тело и отправится в Дели, а я в твоём теле буду лежать здесь, в палате, и наблюдать за действиями «Тигров Кали».

– Прямо Сергей Лукьяненко какой-то.

– Кто?

– Ну хоть что-то вы не знаете. А больно будет?

– Нет. Только щекотно. Конечно, больно, дурак! Душа с телом разлучается, связь почти

рвется! Это как маленькая смерть. Ладно. Давай меняться, пока сюда твой доктор не пришел.

Юдифь воздела руки, и тело ее засветилось золотым светом. А Сидор в это мгновение увидел, как его тело становится призрачным, слезает кожа, потом пропадают мышцы, потом рассыпается скелет. Адская боль затопила разум Сидора. Он хотел закричать, но из глотки вырвался только слабый писк...

А потом он увидел самого себя, лежавшего на кровати.

– Ну что? – спросила его Юдифь его, Сидоровым, голосом. – Как тебе новое тело?

Сидор оглядел себя. Как женщина Юдифь могла дать сто очков вперед любой фотомодели.

– Э-э, – протянул он, осторожно касаясь руками высокой груди. – Неплохо, конечно.

– Ты за сиськи-то себя не лапай, не лапай, – хохотнула Юдифь. – Обрадовался.

– Имею право. Они теперь мои, – хохотнул и Сидор.

Тело Юдифи было крепче и моложе, в нем он ощущал себя так, как будто напился холодного шампанского. И главное, не надо думать, что тебя оскопили! Будто и не было этого унижения!

– Что теперь будем делать? – спросил Сидор у Юдифи, новыми, легкими для себя касаниями поправляя высокую прическу. – Я в этом теле тоже смогу появляться и исчезать, как ты?

– К сожалению, нет. Зато я могу в твоём теле телепортироваться, так что смогу вовремя сбежать, если надо, и сберечь твои несчастные яйца.

– Блин, вот зачем ты так!

– Ох, прости, забыла! Ничего, Сидор, когда все кончится, мы сделаем тебе пластическую операцию и пришьём силиконовые.

– А когда все кончится, нужны они мне будут? – хмыкнул Сидор.

– Резонный вопрос, – подняла палец вверх Юдифь.

Они посмотрели друг на друга. Сидор вдруг понял, что мог вполне бы увлечься этой красоткой с паранормальными способностями. Но сейчас разве до этого? К тому же какой из него теперь мужик...

– Сидор, не отвлекайся, – сказала Юдифь. – Слушай инструкции.

– Слушаю.

– Сейчас ты очень спокойно и очень быстро выберешься из больницы.

– Каким образом? В это тело что, встроен навигатор?

– Нет. Направо от этой палаты дверь. Стальная. Она взломана, ее взломала я. За этой дверью пожарный выход. Ты скоренько спустишься по лестнице и выйдешь, предварительно проведя рекогносцировку, на задний двор больницы. Там, за рядом мусорных баков, стоит «БМВ»-кабриолет.

– Что, третьей серии? Шестицилиндровый двигатель?

– Ага, кое в чем ты разбираешься. Да, именно такой «БМВ». Ключи в замке зажигания. Сядишься, аккуратно выруливаешь и шпаришь по трассе М-1 до Калькутты. А там сориентируешься по карте и отправишься в Дели.

– Замечательно. Я не умею водить машину – это раз. Я не знаю, где Калькутта. Это два. На кой хрен мне ехать в Дели – это три.

– Отвечаю дураку. Это тело с развитой моторикой. Оно знает, как водить машину. Раз. В машину встроена система навигации, с которой можно добраться не то что до Калькутты, а до Марса, – два. В Дели тебе нужно для того, чтобы хоть иметь представление о своем сопернике Собхите, – три.

– А в Бардо?

– Будет тебе и Бардо. Все понял?

– Как не понять.

– Ну все, давай двигай шикарной попой, а я буду здесь лежать и изображать несчастного тебя. Удачи!

– Мерси.

Сидор мелкими женскими шажками досеменил до двери, осторожно отодвинул ее и выглянул в коридор. Никого. Только все белое – стены, пол, потолок...

– Вали! – услышал он напутствующий шепоток Юдифи.

И он свалил. Переместился по коридору, скоренько нырнул за стальную дверь и, подобрав подол платья, стал спускаться по лестнице.

– Господи, если ты есть, в чем я сильно сомневаюсь, – сказал перед этим Сидор, – сделай так, чтобы мне никто не встретился по дороге!

Видимо, Небеса на сей раз были благосклоннее к многострадальному журналисту. Лестница была пуста. Сидор выбрался на улицу. Тут его поджидала жуткая жара – впрочем, тело Юдифи не потело по каким-то непонятным причинам, может, она «Рексону» в геном ввела? – так вот, Сидор проскочил мимо мусорных баков и буквально нырнул в чрево кабриолета. Рука сама собой повернула ключ в зажигании, поворот руля – и машина буквально вылетела за ограду больницы. Сидор даже не успел махнуть окнам больницы рукой на прощанье.

Шестицилиндровый двигатель показывал все, на что способен. Навигационная система, явно не «ГЛОНАСС», направляла машину по оптимальному маршруту. Оставалось только следить за безопасностью движения.

К концу дня Сидор въехал в Калькутту и понял это лишь по тому, что постройки клошарного вида сменились супермаркетами и высотками спальных районов.

И тут зазвонил мобильный телефон, который доселе мирно лежал на приборной панели.

Сидор вздрогнул. Потом подумал, что от него не убудет, если он ответит на звонок. Мало ли что...

Он включил прием.

– Алло?

– Привет, дорогая, – заговорил звучный баритон. – Как духи?

– Неподражаемы, – чужим голосом ответил Сидор, сам не понимая, почему должен был так ответить.

– Рад за тебя, – продолжал мужской голос. – Тебе всегда нравилась элитарная парфюмерия.

«Черт, – подумал Сидор. – Это, наверное, любовник Юдифи. Вот меня угораздило!»

А голос меж тем продолжал:

– Ты уже в Калькутте?

– Да.

– Задай новую программу навигатору. Улица Чениз-бай, семь. Там я буду тебя ждать.

– Отлично.

«Как я задам программу навигатору???»

– Надеюсь, милая, ты помнишь, что задавать новые параметры навигатору можно просто голосом.

– Конечно, дорогой.

«Ура!!!»

– Тогда жду тебя.

– Жди, жди.

И, только отключив телефон, Сидор осознал, что его собеседник да и он сам говорили на хинди.

Он произнес навигатору команду отправить машину на улицу Чениз-бай, семь. Отчаянно захотелось курить, хотя Сидор никогда не был пристрастен к этой привычке. Рука сама собой шлепнула по бардачку, и на сиденье упала пачка сигарет «Голуаз» и золотая зажигалка данхилл.

– Вот тебе и вот, – сказал Сидор. – Я еще и курю.

Он с наслаждением затянулся сигаретой.

Улица Чениз-бай, сплошь застроенная домами среднего класса, напоминала каменную кишку с проплешинами газонов. Трава на газонах была ломкая и пожелтевшая, а дома давно требовали ремонта. Здесь, как и везде в Калькутте, роскошь и нищета мирно соседствовали и не переходили друг другу дорогу.

Дом номер семь оказался двухэтажным, из красного кирпича. Окна были затянуты органзой, на крылечке стояли фуксии в горшках.

Сидор остановил машину и застыл сам. Входить в дом? А вдруг это ловушка? А вдруг его незнакомый собеседник поймет, что Юдифь – не совсем Юдифь? И сделает что-нибудь членовредительское?

Тут открылась дверь особнячка, и на пороге появилась индианка в пурпурном сари.

– Госпожа приехала! – воскликнула индианка, и Сидор понял, что ему надо выбираться из машины.

Он и сделал это – довольно неуклюже, надо сказать. Платье все время путалось под ногами, а каблуки норовили подвернуться и вообще сломаться.

– Как вы себя чувствуете, госпожа? – меж тем заботливо спрашивала индианка.

– Устал...а, – шепотом сказал Сидор.

– Прошу вас, госпожа, пожалуйста в дом.

Сидор «пожаловал».

Индианка провела его в большую светлую комнату с чрезвычайно изящной мебелью. В кресле из ротанга сидел мужчина, который показался чем-то знакомым Сидору.

– Дорогая! – Мужчина встал. – Как я рад тебя видеть в полном здравии! Обними же меня!

Сидор обнял. И тут мужчина прошептал ему на ухо:

– Я знаю, кто вы.

Сидор понял, что лицо Юдифи побледнело, как снятое молоко.

– Дорогая, ты устала с дороги! Идем в столовую. Рани уже приготовила чай. Твой любимый, травяной с ромашкой.

– Хорошо, – прошептал Сидор.

И тут в комнату вбежал зверек, чем-то напоминавший хорька.

– Наш мангуст рад тебя видеть, дорогая, – сказал мужчина. – Он переловил всех змей в округе.

– Умница, – похвалил Сидор вставшего на задние лапки мангуста, а в это время у него в голове всплыла как поплавок информация: «Мангуст малый (*Herpestes auro-punctatus*), ареал обитания от Ирака до Индии и Малайзии, акклиматизирован в Вест-Индии, на Гавайских островах и островах Фиджи...»

Заглушая эту дурацкую информацию, Сидор сказал мангусту:

– Ах ты крошка!

– Ты помнишь, как его зовут? – пытливо спросил мужчина у Сидора, и тот автоматически ответил:

– Мганга.

– Верно. Ступай, Мганга. А мы идем в столовую.

В столовой они сели за стол и принялись пить прохладный, с нежным привкусом ананаса и ромашки чай. Индианка вышла, и никто не мог помешать разговору.

– Итак, Сидор, ведь вы же Сидор, верно?.. – спросил мужчина.

– Верно, – сказал Сидор.

– Я предполагал, что Юдифь обменяется с вами телом, мы часто это практикуем. Что ж, вы на свободе, но отнюдь не в безопасности. Но безопасность я вам обеспечу. Я повезу вас в Дели лично.

– Юдифь ничего мне не говорила об этом.

– Верно. Мы согласовали этот вопрос чуть позже, когда вы выехали, а Юдифь заменяла вас на больничном ложе.

– Что ж, не буду отказываться от вашей помощи. Я не представляю, как смог бы добраться до Дели один.

– Именно поэтому мы с Юдифь и разработали новый план. Сейчас вы отдохнете, примете ванну – вам ведь надо беречь это тело! – а потом Рани подаст ужин.

– Что ж, это было бы кстати.

Сидор напился чаю, посидел немного на террасе, пока Рани готовила ванну, поосматривался. Все было настолько мирно и тихо, что Сидор задался вопросом: а не брехня ли это все, насчет конца света-то? И потом, этот мальчик... Ну как может быть ребенок воплощением мирового зла?! Сидор всегда предполагал, что дети невинны по своей натуре, а тут такое...

– Госпожа, – появилась Рани и поклонилась. – Ваша ванна готова.

Ноги сами привели Сидора в ванную. Здесь он сбросил на пол запыленную одежду и погрузился в теплое блаженство из ароматической воды и густой пены. В глазах аж защипало слегка, до того много служанка развела в воде разных ароматических масел.

Сидор удобно устроился и задремал. Снилось ему просторная закатная степь с высоким

ковылем. По этой степи двигался отряд конников. Впереди на гнедом коне скакал, по-видимому, предводитель с перевязанной бинтами головой, и в душе Сидора зазвучала песня:

Шел отряд по берегу, шел издалека,
Шел под красным знаменем командир полка.
Голова обвязана, кровь на рукаве.
След кровавый стелется по сырой траве.

Сидор открыл глаза. Возле ванны стоял давешний джентльмен. Абсолютно голый и с хорошей степенью эрекции.

С нашего журналиста мигом слетел сон. Он сжался под водой, притянул колени к высокой груди.

– Вы что? – возмущенно пискнул он джентльмену. – Вы же знаете, кто я!

– Это неважно. – Джентльмен уже влезал в ванну и даже не прикрывал, гад такой, свое обширное достоинство. – Сейчас ты в теле Юдифь. А мы с Юдифь давние друзья.

– Вот гадство!

– Никакое не гадство. А тебе, как журналисту, Сидор, полезно будет узнать, что испытывает женщина во время любовных игр.

– Всю воду расплескал...

– Рани подотрет. Иди к папочке, моя сладкая!

– Не пойду.

– Да ладно тебе кобениться. – Мужчина принялся ласкать новое тело Сидора в самых интимных местах. – Скажи еще, что тебе не нравится.

– Мм... – пробормотал Сидор. Предательское женское тело отзывалось на ласки целым букетом чувственных ощущений.

Любовник овладел телом мягко, но настойчиво, вода колыхалась в ванне, по комнате плыли головокружительные ароматы, и Сидор не смог противиться, поплыл по течению. В какую-то минуту их коитуса Сидор краем глаза заметил Рани. Она стояла на пороге ванной комнаты и снимала все происходящее на цифровую камеру. Это немного отрезвило журналиста.

– Для чего она нас снимает? – резко спросил Сидор у забалдевшего спутника.

– Кто? А, Рани! Она любит домашнее видео. Потом просматривает и ласкает себя. Ведь у нее никогда не будет партнера – она из касты неприкасаемых. Рани, не волнуйся, снимай, снимай.

– Нет, я не хочу, – возразил Сидор. – Распутники вы такие, Камасутры на вас нет! Что вы творите?! Прекратите немедленно!

Но ничего не прекратилось. Импровизированная оргия продолжалась до тех пор, пока не расплескалась последняя вода из ванны. Тогда любовник вытащил Сидора из ванны, завернул в широкое, как Ганг, полотенце и оттащил в спальню. Тут Сидор и уснул, пресыщенный оргазмами и оттого глубоко несчастный.

Сон его был тонок и неверен. Сидору все мерещились какие-то шаги, шепот, робкое

дыхание, трели соловья... Несчастному, заточенному в теле красавицы, казалось, что вокруг шастает толпа сексуально озабоченных маньяков и жаждет этого самого тела.

– Как нелегко приходится быть женщиной, – пробормотал Сидор и проснулся.

Поначалу он не сообразил, где находится, а потом понял – в спальне Юдифи. Слава богам, у женщины и банного маньяка были отдельные спальни.

Сидор похлопал глазами, привыкая к темноте, разбавленной неясным свечением садовых фонарей. Он уже не хотел спать, хотя и дико устал. Видимо, от сочетания бессонницы и усталости все его чувства обострились. И когда откуда-то из-под кровати донеслось тихое шипение, Сидор чуть не подпрыгнул.

– Змея! – прошептал он, и ему показалось, что противомоскитный полог навис над ним погребальным саваном.

Это действительно была змея. Гигантская королевская кобра скользила по гладким плиткам пола, словно воплощенная смерть. Сидор понял, что сейчас его жизнь и закончится, но вдруг припомнил Киплинга. «Рикки-Тикки-Тави». Нужен храбрый мангуст, который одолеет проклятое зло.

– Мганга, – прошептал Сидор не громче дуновения ветра. – Мганга, сюда!

И Мганга явился. Не тратя времени на боевые стойки, храбрый маленький мангуст кинулся прямо на шею змее и вонзил в нее острые зубки. Змея зашипела и заерзала по полу, стараясь сбросить мангуста и укусить его. Но Мганга сидел на ней мертво и только все сильнее грыз шею. Прошло несколько томительных минут, Сидор с волнением наблюдал за битвой и только ахнул, когда отгрызенная голова змеи покатилась по полу, оставляя брызжащий кровавый след.

– Молодец, Мганга! – шепотом вскричал Сидор.

Обезглавленное тело змеи корчилось в муках. Глядя на этот кошмар, Сидор понял, что уже не уснет.

– Рани! – громко позвал он.

Служанка не замедлила явиться.

– Что угодно госпоже? – сонно пробормотала она и тут увидела труп змеи. Глаза ее широко распахнулись. – О милостивый Вишну!

– Рани, убери эту змею, – приказал Сидор. Как быстро он насобачился приказывать! – После чего вымой все тут.

– Да, госпожа.

– Я буду на террасе. Принеси мне туда кофе и что-нибудь почитать.

– Хорошо, госпожа.

Сидор вышел из комнаты и устроился на террасе в плетеном кресле. За окнами, затянутыми кисеей, шептала и вздыхала душная индийская ночь. Сидор задремал было, но тут чья-то рука легла на его обнаженное плечо. Ага, любовничек проснулся!

– Что, не спится, дорогая? – спросил любовничек.

– В мою комнату проникла королевская кобра, – спокойно сказал Сидор. – Тут уж не до сна.

Ласкающая рука замерла.

– Что, змея? – ахнул мужчина. – Вот дьявол!

– К счастью, появился Мганга. Он оторвал твари голову. Сейчас там Рани убирается. Тут как раз на веранду явилась служанка. Она униженно кланялась.

– В чем дело, Рани? – спросил Сидор.

– Да не прогневается госпожа, но в комнате я не обнаружила никакой змеи!

– Куда же она делась? – удивился Сидор. – Я своими глазами видел, то есть видела эту тварь! И Мганга на нее напал.

– Мганги я тоже не обнаружила, – сказала Рани.

– Дьявольщина какая-то, – пробормотал Сидор. – Ладно, Рани, ступай приготовь мне кофе.

– И мне тоже кофе, – сказал любовник. – С корицей.

Рани ушла.

– Ничего не понимаю, – призадумался Сидор. – Змеи пропадают, причем с оторванной головой...

– Змею тоже могли насрать твои враги.

– Какие враги?! Нет у меня врагов!

– А «Тигры Кали»?

– Но откуда они могли узнать?..

– У них мощная сеть шпионов по всей Индии, и не только. Нам надо быть предельно осторожными. Поскорее бы ты добрался до Дели!

– Да уж.

– Ваш кофе. – На террасе появилась Рани с подносом, на котором исходили ароматом две крохотные чашечки кофе.

– Спасибо, Рани, – сказал Сидор, беря свою чашку. – Надеюсь, кофе не отравлен.

– Нет, в этом отношении ты можешь быть спокоен. Рани нам предана всей душой. Ступай, Рани.

Служанка ушла, а наша удивительная парочка пила кофе на террасе и ожидала жаркого рассвета.

Рассвет пришел и принес с собой новые заботы. Но Сидора волновало только одно: как они доберутся до Дели и что его ждет там, в столице. Встреча с загадочным ребенком? Битва? Смерть?

В девять часов утра они с любовником сели в машину. На сей раз это был «Мерседес Гелендваген» с кондиционером, голосовым управлением и даже автопилотом. Сидор сидел, пристегнувшись, рядом с шоферским сиденьем и наблюдал сквозь тонированные стекла за проносящимся мимо пейзажем. Ничего особенного – выжженные солнцем пальмы, многокилометровые помойки, бедняцкие кварталы...

Но по мере приближения к Дели пейзаж изменился. Точнее, в нем стало наблюдаться большое количество людей. Одеты в белые одежды, с цветами в руках и на голове, они шли все в одном направлении.

– Они идут к Мальчику, – сказал любовник. – Безмозглые рабы! Быдло!

– Зачем так, – поморщился Сидор. – Ведь это их выбор и их вера. Они не виноваты в том, что поклоняются злу.

– Интересная концепция, – усмехнулся его спутник. – Сразу ясно, что озвучил ее

русский. Вы, русские, интересные люди.

– Чем же это мы интересны? – захотел уточнить Сидор.

Однако спутник не ответил. Он вел машину, виртуозно минуя запрудившую всю улицу толпу, и ему явно было не до разговоров.

Впереди замелькали богатые кварталы и физиономии охранников, смугло выделявшиеся на фоне остальных смиренных каст.

– Мы почти приехали, – сказал любовник. – Видишь тот дворец?

Это действительно был дворец, отдаленно напоминающий Тадж-Махал, но куда роскошнее.

– Этот дворец возвели для Мальчика всего за месяц, – сообщил гид Сидора. – Люди трудились и днем и ночью не покладая рук, не отвлекаясь даже, чтобы попить воды. Теперь ты видишь, как Мальчик овладел умами?

– Вижу. Но как мы к нему проберемся... через эту толпу? Нас же на части разорвут, если мы вздумаем пролезть без очереди!

– Не волнуйся, дорогая, – усмехнулся гид. – Нас уже ждут.

– Как это?

– Среди охраны Собхиты у нас есть свои люди. Все. Приехали. Выходи из машины, дорогая.

– Прекратите меня так называть!

– Уймись, Сидор. На нас смотрят.

Они вышли из машины и смешались с толпой. У Сидора на мгновение закружилась голова: от крепких ароматов тел целенаправленно идущих паломников. Однако среди толпы они пробыли недолго. Спутник Сидора увидел какого-то индийца в зеленой форме, обменялся с ним жестами, и вот уже они проникли за ограждение, отделились от прочих страждущих.

– Я проведу вас восточным коридором, – по-английски, с сильным акцентом сказал охранник.

– Отлично, – кивнул гид.

Они вошли в неприметные, облицованные неяркой мозаикой двери. Сидор с компанией оказался в нешироком, ярко освещенном коридоре с высоким потолком. На стенах мозаикой были выложены сцены, как он понял, из «Камасутры», с потолка свисали на длинных цепях изящные лампы, откуда-то доносился аромат неизвестных Сидору цветов. Все выглядело шикарно и празднично.

– Долго нам идти? – спросил Сидор у гида.

– Терпение, – с улыбкой поднял тот указательный палец. – Терпение – это добродетель.

– Ну конечно, – проворчал Сидор. – Тебя, гада, не волнует то, что я в чужом теле.

Любовничек сделал вид, что не слышал этой досадливой фразы.

Коридор вывел их в круглую, как антикварная табакерка, комнату. Здесь стены были обтянуты бархатом и парчой, так что казалось, будто это будуар какой-нибудь шаловливой леди.

– Вам надо переодеться, – сообщил охранник. – Свежее облачение сейчас принесут.

И точно, в комнату вошли две индианки с ворохом одежд. Сидор стыдливо переоделся в

длинную белую рубаху с рукавами и парчовую накидку. Такой же наряд был и у любовника, хорошо, хоть тут их шансы сравнивались.

– Ну все, – сказал охранник. – Дальше пойдете сами.

И указал на занавешенный шторами дверной проем.

– Удачи, – добавил этот индеец им вслед.

Наша парочка распахнула двери и сделала первые шаги...

И оказалась в саду.

Во всяком случае, это место сильно напоминало райский сад. Для тех, кто в раю никогда не был.

Великолепный сад был весь в цвету деревьев, немного напоминавших сливы. Их ароматные лепестки медленно осыпались, но Сидор заметил, что на месте упавшего лепестка сразу же вырастал новый.

– Вечно цветущие сливы, – пояснил гид Сидора. – Вот они как выглядят, оказывается! Раньше я читал о них лишь в мифах. Идем, дорогая.

Они пошли под сенью белоснежных слив по дорожке с таким высоким ворсом, что ноги просто утопали, как в траве. Сидор то и дело осматривался, но не видел ничего, кроме цветущих деревьев. Правда, между ветками он заметил порхающих птиц. Они нежно пересвистывались друг с другом, их сказочное оперение переливалось всеми цветами радуги...

И неожиданно сад закончился. Они стояли перед огромным водоемом, облицованным мраморными плитками. В водоеме цвели красные лотосы, и воздух от их аромата и блеска казался розоватым. На другом берегу водоема стояла резная золоченая беседка с окнами, затянутыми кисеей. На кисее пестрели вышивки, соперничающие красотой и загадочностью с самыми знаменитыми абстрактными полотнами.

– Он там, в беседке, – сказал гид.

– Но как мы попадем туда?

– Здесь есть мост.

– Не вижу никакого моста.

– А я вижу. Сидор, ты не в своем теле, поэтому у тебя затуманено зрение. Идем.

Гид повел Сидора по невидимому мосту. Нашему бедному журналисту приходилось нелегко ступать по пустоте под ногами, но он справился. Они перешли на берег, где стояла беседка.

Сразу же около беседки возникло несколько странных крылатых типов в белых одеждах.

– Мы охраняем покой великого господина, – сказал один из крылатых. – Назовитесь и скажите, по какому вопросу вы осмелились беспокоить великого господина.

– Меня зовут Вишну, – представился гид. – Я врач-педиатр, а это моя жена Юдифь. Мы хотим поклониться великому господину и испросить у него благословения на наши труды.

– Господин никому не дает благословений, – сказал крылатый.

– Но, может, ради нас он сделает исключение? – искательно улыбнулся Вишну.

Повисло напряженное молчание. Крылатые охранники изучали гостей, а гости чувствовали себя крайне неудобно под их пронзительными голубыми взглядами.

– Пропустите их, – раздался за спинами гостей новый голос.

Вишну и Сидор обернулись и не смогли не склониться в почтительном поклоне. Перед ними стоял бог. Да, это был бог, вне всякого сомнения.

Его тело цвета грозовой тучи покрывали многочисленные искусные татуировки, отблескивающие золотом. На мощной шее бога висело три ожерелья: самое короткое – из живых цветов, среднее – из цветов золотых, а самое длинное – из человеческих черепов. Чресла бога были препоясаны чем-то вроде кольчужной юбки из золотых пластин. Каждая пластина содержала искусную гравировку. Лысую голову бога украшал венец, в котором чередовался орнамент из рогов и опять-таки человеческих черепов. Лицо небожителя было бесстрастным и прекрасным. Серебристые глаза изучающе смотрели на гостей, а длинный алый язык мерно облизывал пухлые блестящие губы.

– Так-так... – протянул бог. – Вишну, и с каких это пор ты подался в педиатры?

– С тех самых пор, как ты подался в педагоги, о Мара.

«Мара! – мысленно ахнул Сидор. – Бог зла и смерти! Что он делает здесь? А Вишну?.. Это что же, мой любовник – сам бог Вишну?»

– Хороший ответ, Вишну, – рассмеялся Мара. – Ты всегда был остроумен. Кто это с тобой?

– Моя жена.

– Променял на нее Кали?

– О, прошу тебя, не упоминай при мне имя этой роковой женщины, – усмехнулся и Вишну. – У всех есть маленькие слабости. Моя слабость – эта смертная женщина. Правда ведь, она красива?

– Да, красива. Я с удовольствием украсил бы ее головой один из своих боевых шлемов.

– Хорошо, позднее мы обсудим это. А сейчас, о Мара, позволь нам войти и припасть к стопам великого Собхиты.

– Что ж, войдите и припадите. А я за вами. Я кое-что принес своему питомцу в дар.

И впрямь за спиной у Мары висел плотно набитый заплочный мешок.

Наконец они вошли в беседку. Центр ее занимал большой стол с фонтаном посередине. Из фонтана била вверх струя алмазно сверкающей воды. Вокруг стола стояли лавки, накрытые парчой и роскошными мехами. Но главным конечно же был трон. Золотой резной трон под сенью тончайшей ткани с вытканными на ней звездами.

Трон был пуст. Сидор, он же Юдифь, нервно огляделся вокруг.

– Где же великий господин? – спросил Вишну у Мары.

– Наверное, он читает, – предположил коварный бог. – Или играет с глобусом. Глобус – это его любимое развлечение. Собхита, о Собхита! Снизойди своими лучезарными стопами до нас, грешных! Где ты, мальчик?

– Я здесь, – послышался чистый детский голосок.

Все трое заглянули за спинку трона и увидели потрясающей красоты двухлетнего мальчика, который сидел на ковре и медленно поворачивал стоявший перед ним большой лакированный глобус.

Сидор во все глаза смотрел на ребенка, ставшего Повелителем Мира. Собхита был очаровательно юн и нежен. Его личико не омрачалось никакой каверзой, свойственной детям

его возраста, глаза были чисты и невинны. Соразмерно сложенное тело украшала белая рубашка до пят, расшитая диковинными цветами и зверями. На голове мальчика был выступ Будды – ушниша и венец из крупных алмазов. Но крылья мальчика, крылья из тысячи тысяч золотых перьев сияли куда ярче этих алмазов.

– Что ты нашел на глобусе на сей раз, Собхита? – спросил Мара.

– Никарагуа, – сказал Собхита.

– И что там случится? – улыбнулся Мара.

– Я думаю, эпидемия оспы, – промолвил чудо-мальчик и хлопнул в ладоши.

– Замечательно! – просиял Мара. – А теперь познакомься с моими гостями – это бог Вишну и его новая жена.

– Приятно познакомиться. – Мальчик встал и улыбнулся.

И тут впервые Сидор узрел его клыки. Клыки волка, вампира, клыки безжалостного убийцы.

– Взойди на трон, Собхита, чтобы твои гости смогли воздать тебе подобающие почести.

– У-у, – невесело промычал Собхита. – Трон – это так скучно! Давайте лучше выйдем из беседки и поболтаем.

– Нет, Собхита, – мягко, но настойчиво сказал Мара. – Ты должен блюсти себя. Уважай свой сан, и его будут уважать другие. А твой сан высок.

– Выше бога?

Мара едва слышно вздохнул и кивнул:

– Выше бога.

– Хорошо. Тогда я сяду на трон, – обаятельно улыбнулся малыш.

Снова эти клыки!

Собхита оставил в покое глобус (неизвестно, сколько стран было этим спасено) и взобрался на престол. Поболтал короткими, не достающими до пола ножонками в шелковых штанишках. Взял одной рукой небольшой золотой скипетр.

– Ну вот, – сказал мальчик. – Теперь я готов принять гостей.

– Смиранный бог Вишну кланяется тебе, о Собхита, – произнес любовник и поклонился. – А это моя жена Юдифь. Она молчит, ибо в присутствии высшего женщинам положено молчать. Поклонись, женщина.

Сидор молча поклонился, прижав руки к груди. Мара наблюдал за ними внимательным взглядом из-под полуопущенных густых ресниц.

– Побудьте со мною, – предложил им Собхита. – Посмотрите, как я принимаю народ. Это очень интересно. Я люблю людей. Их кровь такая вкусная!

Сидор едва справился с подступившей к горлу тошнотой.

«Он пьет человеческую кровь! О боже!»

Гости сели на лавку, Мара пристроился за троном мальчика, как и положено воспитателю.

– Повелеваю войти просителю! – громко и совсем не по-детски приказал Собхита.

Где-то хлопнули двери, и через некоторое время на пороге беседки появился смуглый человек в длинной рубахе и тюрбане. Человек держал безжизненное тельце малого дитяти.

– О великий, превышший всех богов! – воскликнул проситель и пал на колени. – Прости

мои очи за то, что смеют лицеизреть тебя!

– Прощаю, – милостиво сказал Собхита. – Чего ты хочешь, человеке?

– О превышший, моя единственная дочь умерла, и больше у меня не может быть детей. Горе мне, горе! Молю тебя, о господин, верни моей дочери жизнь, ибо и жизнь и смерть в твоей власти.

– Это твоя дочь? – спросил Собхита, указывая пальчиком на тельце ребенка.

– Да, о господин.

– Поднеси ее поближе, я хочу посмотреть на нее.

Несчастный на коленях подполз к трону. Сердце Сидора содрогнулось от жалости. Если Собхита сумеет воскресить девочку, он воистину велик и Сидор не посмеет с ним сразиться. Кто он такой, Сидор Акашкин, чтобы противостоять небесной силе и небесной правде?!

Проситель положил мертвого ребенка у ног Собхиты. Тот внимательно посмотрел на девочку.

– Она красива, – сказал он. – Она достойна жизни. Я дарю ей жизнь.

Собхита звонко хлопнул в ладоши. Меж его ладоней проскочила золотая молния и низринулась в тело девочки. Ребенка окутало золотое сияние, а когда оно исчезло, девочка шевельнулась и чихнула.

– К моей дочери вернулась жизнь! – вскричал ошарашенный отец. – Слава тебе, податель жизни! Слава тебе, победитель смерти!

Отец хотел взять свою дочь на руки, но тут Мара остановил его движением ладони:

– погоди, земнорожденный.

Проситель в замешательстве уставился на Мару:

– Да, о повелитель?

– Разве ты не знаешь, смертный, – заговорил Мара, – что за все милости, дарованные тебе, надо благодарить?

– Да, понимаю, о повелитель.

– Тогда отблагодари великого господина. Дай ему своей крови.

– Хорошо, о господин.

– Приблизься и протяни правую руку, – приказал человеку Мара.

– Лучше левую, – поправил его Собхита.

– Да, лучше левую.

Как очарованный, человек приблизился к трону и протянул двухлетнему мальчику свою левую руку. На запястье пульсировала тоненькая жилка. Неожиданно заплакала девочка.

– Не мешкай, – сказал Собхита. – Твой ребенок ждет тебя.

С этими словами он впился в запястье несчастного. От мерзких сосущих и чавкающих звуков Сидору чуть не стало дурно. Лишь благодаря поддержке Вишну он держался на ногах.

Собхита насытился быстро. Он отпустил бледную и пошатывающуюся жертву со словами:

– Теперь на тебе пребывает моя милость, и в последний день ты выживешь.

– А моя дочь? – пискнул несчастный.

– И она тоже, – великодушно махнул рукой Мара.

Посетителя с дочерью увели крылатые охранники.

Потом пошел целый поток калек и увечных, они все выпрашивали у Собхиты исцеления. И Собхита исцелял их, взамен беря с каждого виру в виде крови. С каждой выпитой каплей он становился сильнее и лучезарнее, и Сидор с болью в груди понял, что ему никогда не одолеть этого мальчишку. Для того чтобы победить зло, надо быть богом. А богом Сидор не был. Он вообще теперь не знал, кто он.

Прошло некоторое время. День, по-видимому, клонился к закату, но поток просителей не оскудевал. Наконец Мара сказал крылатым охранникам:

– На сегодня всё. Скажите жаждущим, что великий господин удалился на молитву.

– Какую молитву? – тихо удивился Сидор. Разве богу нужно молиться кому-то, кроме себя самого?

– Я читаю молитву о спасении и воссоединении моих дражайших родителей – моей матери Лалит и моего отца Леканта Светозарного.

Эти имена Сидору ни о чем не говорили.

Меж тем в беседке на столе разложили молитвенные принадлежности, и Собхита вознес долгую, проникновенную молитву своим родителям. Сидор глядел на ребенка и не понимал, как это все: чудеса, добро, зло и смерть – может уживаться в нем.

Когда молитва была окончена, Мара вышел из-за спинки трона и, преклонив одно колено, сказал Собхите:

– Мой славный господин, позволь преподнести тебе скромный подарок.

Собхита захлопал в ладоши (меж ними засверкали молнии):

– Я люблю подарки, учитель!

Мара снял с плеча свой мешок и опустил его на мраморный пол. Развязал. По беседке распространился густой, какой-то медный запах. Сидор вдруг понял, что это за запах. Так пахнет кровь.

– Я принес тебе члены твоего врага, о Собхита, – сказал Мара и с этими словами вытащил из мешка голову... Сидора Акашкина.

«О боже, – в отчаянии подумал Сидор. – Ведь это же моя голова!»

Но это было еще не все. Мара вытащил кисти рук, приговаривая, что теперь этим рукам никогда не взять меча и не выступить против великого Собхиты. Точно так же он вытащил ступни ног («Этим ногам никогда не приблизиться к тебе, о Собхита!»). Последними шли гениталии. Их Мара демонстрировал с особым сарказмом, подчеркивая то, что Сидор был оскотен.

– С телом твоего врага я разобрался, – сказал Мара Собхите. – Осталось только покорить его душу.

– Не понимаю, – приподнял бровку мальчик.

– В теле твоего врага пребывала душа какой-то женщины. Я отпустил ее в Бардо, ибо она бессильна что-либо сделать против нас. Но душу твоей жены, Вишну, я не отпускаю. Потому что знаю, чья она.

С этими словами Мара вытащил из заплечных ножен острейший клинок.

– Нет, Мара, ты этого не сделаешь! – крикнул Вишну, загораживая собой несчастного Сидора и формируя в ладонях плазмод.

– Еще как сделаю, – ухмыльнулся бог.

Меч и плазмoид сшиблись в воздухе. Во все стороны сыпанули золотые искры. Вишну и Мара бились, Сидор в теле Юдифи беззвучно рыдал – он больше никогда не вернется в свое тело, тела нет!!! – а беспечный Собхита лишь наблюдал за развернувшимся действием.

– Учитель! – воскликнул он, когда зрелище битвы уже начало ему приедаться. – В теле этой женщины скрыта душа моего врага, ведь так?

– Да, Собхита, – бросил Мара, отражая очередной удар Вишну.

– Так пусть его душа сразится со мной! Это так интересно!

– Сидор, не смей! – вскричал Вишну. – Ты сейчас не сможешь! Мы должны отступить!

– Куда вы отступите, – веселился Мара. – Я вас везде найду!

– Не найдешь, – пробормотал Вишну и ладонью словно размыл пространство перед собой и Сидором.

В этом размыве густо собиралась тьма.

– Сидор, туда! – крикнул Вишну, одной рукой толкая Сидора во тьму, а другой отражая выпад Мары.

Сидор влетел во тьму с разбега, словно в озеро. Не удержался на ногах, упал, разрывая платье. Обернулся – размыв закрылся, кругом темень, хоть глаз коли. Значит, Вишну за ним не пошел, до сих пор сражается...

– Где я? – прошептал Сидор.

Он приподнялся и сел, опираясь руками о землю? Камень? Или что-то еще?

Огляделся – темно и глухо, как в танке, хотя в танке Сидор в силу своей профессии никогда не был.

– Где я? – погромче сказал Сидор на русском.

И тут его прошиб пот, потому что тьма на чистейшем русском ответила вопросом на вопрос:

– Русский? Это откуда ты у нас?

Неожиданно вспыхнул свет. Неяркий, приглушенный, он исходил от одинокой электролампочки, висящей под потолком небольшой, как показалось Сидору, комнаты.

Сидор завертел головой. Он сидел на полу небольшой, повторяемая, комнаты с голыми, неприветливыми стенами. Окон не было, дверей тоже. Зато был стол с парой стульев. За столом сидела во всех отношениях странная личность. Сидор, когда разглядел ее, перепугался до смерти: змеиное тело, паучьи конечности, на человеческом лице вместо челюстей жвалы, огромные фасеточные глаза, с интересом глядящие на гостя.

– Ты кто, женщина? – по-русски спросило существо.

– Я, э-э, не совсем женщина. Я мужчина в теле женщины, – робко ответил Сидор, уstraшенный видом существа.

– А имя у тебя есть? Или ты безымянным умер?

– Я не умер! Я переместился. А зовут меня Сидор Акашкин.

– Как? Сидор Акашкин?! Точно? Из Щедрого?

– Да.

– Сто раkшасов тебе в пуп! Это ж надо как встретились! Земеля!

– А вы что, тоже из Щедрого?

– Само собой! Ты небось думаешь – и где же это в Щедром такая страсть проживала?

Объясняю: этот мой вид – боевая трансформация, потому что тут приходится постоянно с кем-нибудь сражаться. С ракшасами, асурами, дэвами. Много всякой нечисти. А зовут меня Анна Николаевна Гюллинг, если тебе о чем-нибудь говорит это имя.

– Конечно, говорит! Господи! Я ведь про вас столько статей написал!

– Не очень-то хороших, надо признать. Вообще как журналист ты, Сидор, так себе.

– Я признаю, – махнул рукой пораженный Сидор. С чудовищем, да еще Анной Николаевной Гюллинг, следовало соглашаться.

– Но объясни мне, дражайший Сидор, каким образом тебя в женское тело занесло?

Сидор рассказал все без утайки. И как книгу волшебных предсказаний на чердаке у бабки нашел, и как стал автором супербестселлера, и как его объявили мессией, способным победить Делийского Мальчика...

При упоминании о Собхите жвалы чудища безвольно повисли. Потом Анна Николаевна стукнула когтем о столешницу:

– Ах, как ошибалась я с этим мальчиком, Сидор! Я думала, если дать ему надлежащее воспитание и образование, зло, имевшееся в нем, уйдет само собой. Нет! Не получилось! Мара забрал у меня Собхиту и вот что из него сделал! Негодяя! Убийцу! Обманщика!

– А разве этот мальчик был у вас? – пришел черед изумляться Сидору.

– Да, – блеснула фасеточными глазами Анна Николаевна. – Я нашла его в параллельном пространстве, попыталась воспитать, развить, образовать, но все тщетно. За мальчиком пришел Мара, и я не смогла ему противостоять. Но моя судьба еще не кончена. Я здесь коплю силы, чтобы выйти в последний день и стать на стороне противников Собхиты.

– А где это «здесь»? – поймал мысль за кончик Сидор.

– Разве ты еще не понял, где находишься? В Бардо. Мире умерших, мире блуждающих мыслеформ и душ. Мире грез и фантазий.

– Так вот оно какое – Бардо, – изумился Сидор. – Могли бы хоть лампочки вкрутить получше.

– Сидор, ты не понял. Лампочки нет. Нет стола и этой комнаты. Это только пересечение моих и твоих мыслеформ.

– А что же есть?

– Пустота. Печаль.

Сидор поразмыслил над этим и представил канарейку в клетке. Как эта клетка стоит на столе и в ней порхает пташка. Через минуту на столе действительно стояла позолоченная клетка, и в ней пела канарейка.

– Твоя фантазия? – раздвинула жвалы Анна Николаевна.

– Ага.

– Мило. Способный ты парень, Сидор, даром что журналист. У меня так не получается. Лампочка в шестьдесят ватт – мой потолок.

– Да ладно вам, не скромничайте, Анна Николаевна! А для чего вы здесь, в Бардо? Или вы умерли?

– Помилуй бог, я жива, Сидор. Я здесь выполняю особую работу.

– Это какую же?

– А вот послушай...

И Анна Николаевна Гюллинг рассказала Сидору потрясающую историю.

– Жила-была на свете девочка по имени Лиза Камышева. Жила она в городе Щедром, и главным ее недостатком было нежное пристрастие к наркотикам. Дожив без горя и трудов до двадцати пяти годов, Лиза умерла от СПИДа. Но ее родители, любящие и безобидные, заказали посмертное восстановление Лизы. И не какому-нибудь посредственному реаниматору, а самой великой ведьме – Юлии Ветровой.

– Губернатору? – пискнул Сидор.

– В то время Юля не была еще губернатором, подвизалась в роли простой ведьмы провинциального масштаба. Ну вот. Юля восстановила Лизу, даровав ей аналог человеческой жизни. И Лиза, пропащая душа, стала «жить». Надо сказать, существовала она очень активно, была музейным работником, писала диссертацию, а однажды взяла и выкопала в Водопьяновском парке гробницу весьма древнего вида. Лиза тайком притащила гробницу в музей и выяснила, что в ней лежит скелет. Лизе в видениях этот скелет представал прекрасным мужчиной, и немудрено, что она в него влюбилась. Ее видения сказали ей, как оживить скелет, как вернуть ему плоть, и при помощи крови Лиза сотворила чудо. Скелет стал по виду человеком. Но человеком он не был, он был дхианом – существом более духовным, нежели плотским, владеющим древней волшебной силой. Имя ему – Лекант Азимандийский, хранитель Пути к Древу Дара.

– А что это значит?

– Это значит, что когда-то Лекант охранял подступы к Древу, дарующему способности, таланты и самую жизнь. Но его возлюбленная, дхиан Лалит, вызвала его на поединок за право охранять Древо и победила его. Именно Лалит заточила Леканта в гробницу на многие тысячелетия. Теперь же, когда Лекант ожил, Лалит снова принялась охотиться за ним и за Лизой. На сей раз в планах Лалит было зачатие ребенка от Леканта.

– Зачем ей понадобился ребенок?

– Этот ребенок и есть Собхита, Сидор. Эквивалент мирового зла, причина будущего падения цивилизации и так далее. Про катастрофу двадцать один двенадцать ты уже слышал?

– Конечно.

– Вот. Собхита – эпицентр этой катастрофы. От него исходит зло. Как электромагнитные волны от приемника. В чем именно будет заключаться катастрофа, мы не знаем, знаем только, что за ней грядет полномасштабный конец света. И нам его уже не предотвратить.

– Погодите, а как же Христос? Как же Откровение Иоанна Богослова?

– Сидор, Собхита есть предтеча Антихриста. Больше я ничего не знаю. Но мы отвлеклись. Я хотела тебе дорассказать историю Леканта и Лизы.

– Да, да, конечно.

– Лекант пал с Лалит, и она зачала от него. После чего удалилась от дел, дабы вынашивать ребенка. Лекант очень страдал. И в один ужасный день он ушел от Лизы, чтобы найти Лалит и разделаться с собственным ребенком. Лиза осталась одна... Я не могу тебе передать всей боли, которую она испытывала, когда Лекант покинул ее. Ведь она по-настоящему любила его. Так она прожила два года. И однажды отец попросил ее сходить

на заседание общества «Свободная Россия».

– Знаю я это щедровское общество. У него леворадикальные взгляды.

– Вот-вот. Всё хотят очистить Щедрый от ведьм, вампиров и прочей так называемой нечисти. Но вернемся к Лизе. Она выполнила просьбу папы и пошла поскучать на заседание. И тут она встретила некоего Владимира Логинова, весьма импозантного молодого лемурийца.

– Кого?

– Обитателя протоконтинента Лемурия, который множество тысячелетий назад погрузился в вулканическую лаву.

– А чем лемуриец отличается от человека?

– Внешне только хвостом. Хвосты у них роскошные – полосатые. Таким хвостом лемурийцы наводят иллюзии на людей. Владимир, например, наводил иллюзии на членов «Свободной России», притворяясь обычным человеком. А на деле он раскапывал за «Свободной Россией» неблагоприятные делишки.

В Сидоре проснулся журналистский зуд.

– Это какие делишки?

– Ну, например, свободнороссы на словах чураются магии, а на деле наняли колдуна, чтобы он устроил над Щедрым засуху. Жаркое лето помнишь? Это все колдун. К тому же средства на свои делишки свободнороссы получали чуть ли не от «Свидетелей Иеговы» и мормонов. Вот так-то!

– Черт! И у меня нет диктофона, чтобы все это записать!

– А к чему, Сидор. Скоро конец света. И никакие свободнороссы не выживут.

– Значит, и мы не выживем?

– А вот это вопрос, – сказала Анна Николаевна. – Мы не на Земле. Мы в другом духовном измерении. И есть шанс, что мы уцелеем.

Сидор воодушевился:

– Ну и что там дальше было с Лизой и Владимиром?

– Довольно просто. Владимир влюбился в нашу девочку с первого взгляда. И не стал напускать на нее иллюзию, предстал лемурийцем. А лемурийцы, надо сказать, сильное племя. Обладают телепатией, психокинезом, левитацией. Но есть у них одна слабость. Если лемуриец полюбит кого-нибудь – серьезно, по-настоящему полюбит, – то он попадает в полную зависимость от любимого человека.

– То есть?

– Например, лемуриец и его возлюбленная не могут в буквальном смысле отойти друг от друга: им делается плохо, они могут даже впасть в кому.

– И умереть?

– Лемурийцы бессмертны. Кома для них – предел неприятностей. А вот человек умереть может.

– Не очень-то приятно это осознавать.

– Ладно, об этом позже. Влюбился Володька в нашу Лизу и влюбился. А надо сказать, что она к тому времени уже не была умертвием. Чудо Божье свершилось – она получила назад свою бессмертную душу и стала простым, обычным человеком. И тоже полюбила

Влада.

– Но она же любила Леканта! Сердце красавицы склонно к измене, да?

– Нет, дело тут не в измене. Она действительно любила Леканта. Но он сам, своей силой стер тот участок Лизиной памяти, в котором она помнила о нем и о своей любви к нему. Лиза забыла Леканта. Мало того. Лекант вложил в сознание лемурийца то, что он должен полюбить именно Лизу. Дхианы и на такое способны. Оставив Лизу в хороших, так сказать, руках, Лекант отправился на поиски Лалит и своего сына. Лалит он нашел – она оказалась в Шамбале. А вот сына она спрятала надежно. На перекрестке миров. Этот узел пространства находился в доме моего родственника, Валерия Алейникова. Я отправила Валерия и его дочь в Тибет, а сама стала заниматься поисками узла. И нашла его. Нашла мальчика. Я взяла его на воспитание, надеясь, что из Черного Будды он станет Буддой грядущего, Буддой Майтрейей. Ох, опять я отвлеклась от Лизы. Так вот. Лиза и Влад поженились, Лиза забеременела. Но тут до Лизы добралась Лалит. Она похитила девушку и спрятала ее здесь, в Бардо, на одном из мыслеуровней. Потеряв Лизу, Влад впал в кому, но, слава богам, у него было много друзей. При помощи мощного экстрасенса мы отделили легкое тело Влада от плотного и отправили его в Бардо, искать Лизу, сражаться за нее с Лалит.

– И где теперь Владимир?

– Увы, этого я не знаю. Надо смотреть по Дворцам.

– Каким Дворцам?

– Каждый мыслеуровень Бардо имеет Дворец определенного цвета и резонанса. Там испытываются души умерших на предмет их праведности. Там души сторожат демоны и асуры, стараясь запугать душу и лишить ее молитвы к Милостивому. Мы находимся в области зеленого Дворца – области испытания за дурные мысли.

– Хорошо, Анна Николаевна, а вы как сюда попали?

– Ох, Сидор... Всё по моей глупости и неосмотрительности. Видишь ли, я взяла Собхиту на воспитание. Я старалась привить ему общечеловеческие ценности, сделать его добрым и милосердным. Но однажды Лекант нашел сына и явился за ним. Но не только Лекант сражался за Собхиту. Лалит, мать мальчика, послала бога-демона Мару, чтобы тот похитил ребенка и водворил его царем в Индии. Я сразилась с Марой, но, увы, он победил. Он почти убил меня, но явился милостивый Будда и исцелил мои раны. И я отправилась в Бардо.

– Почему не в Индию, за Собхитой?

– Там и без того много душ. А о Лизе и Владимире все забыли. Я здесь для того, чтобы помочь им обрести друг друга и защитить их от Лалит.

– Это все, конечно, замечательно, но кто мне вернет мое тело?

– О, дружок, о теле забудь. Теперь ты обеспечен этим носителем. Будь женщиной, Сидор. Так ты сможешь добиться от жизни большего.

– Почему вы так думаете?

– Потому что я женщина, – комично развела в стороны суставчатые конечности Анна Николаевна. – Ну что, теперь пойдем во Дворец? Увидишь еще одну мыслеформу.

– А что там, во Дворце?

– Отдых, размышления, медитации. Ты отдохнешь, наберешься сил, а я предамся

медитации, чтобы вновь попробовать обнаружить Лизу и Влада.

– Хорошо. Идемте.

Анна Николаевна сползла со стула и засеменила на сорока блестящих ножках к серой стене.

– Где же дверь? – удивился Сидор.

– Увидишь, – отмахнулась лапкой Анна Николаевна. Ее фасеточные глаза возбужденно поблескивали.

И действительно, по стене поползла черная бороздка, очертившая узкий прямоугольник. Анна Николаевна толкнула прямоугольник лапой. Он упал со звуком, который издает упавший лист плотного картона.

Наши герои вышли. Перед ними простиралось поле, залитое тусклым зеленоватым светом. Посреди поля возвышалось сооружение, напоминавшее мечеть.

– А почему дворец похож на мечеть? – немедленно спросил Сидор.

– Да потому, что я так себе его вообразила, – откликнулась мадам Гюллинг. – Сама не знаю, с какого бодуна.

Сидор усмехнулся. Даже в паучье-тараканьем облике мадам Гюллинг не утратила чувства юмора.

Они стали спускаться в долину, ко Дворцу. На пути им попадались всяческие фантомы, страшные и не очень, про них Анна Николаевна сказала, что это все их собственные воплотившиеся страхи.

Наконец они вошли в псевдомечеть. Тут отовсюду струился зеленый свет, он успокаивал, рассеивал страхи. Мадам Гюллинг предложила Сидору для отдыха роскошное ложе, сама же, очертив вокруг себя окружность, села в медитативную позу. Выглядела она в этой позе жутковато, поэтому Сидор отвернулся, накрылся зеленым одеялом и постарался задремать. Усталость и шок сковывали все его члены. Глаза его закрылись, дыхание выровнялось.

Снилось бедному Сидору Акашкину, что он – девица. Очень благочестивая девица, много думающая о религии и всячески творящая добрые дела. И вот посватался к Сидору-девице весьма богатый человек. А Сидор-девица мечтал стать монахиней. И вот в самый день свадьбы невеста сбежала, оставив жениху кольцо и переодевшись в рубище. Ушла она в пустыню, где трудно выжить, ела акриды и славилась Богу. Так прошло немало лет. Девица достигла святости и могла творить чудеса. И был ей глас от Бога, повелевший вернуться домой, но жить там тайно, под чужим именем. Девица вернулась домой и жила в хлеву, как нищенка, питаясь со свиньями из одной кормушки.

Так прошли годы, девица преставилась, душа ее отлетела к Богу. Когда же стали обмывать тело, старая кормилица девицы признала ее по родинке. И поняли все, кто была эта нищенка, да уж было поздно.

Сидор досмотрел печальный сон, повернулся на другой бок, надеясь увидеть что-нибудь повеселее, но тут услышал голос, зовущий его:

– Сидор, эй Сидор, проснись!

Сидор распахнул глаза. Над ним нависал зеленый балдахин кровати. Он приподнял голову – рядом стояла кошмарная Анна Николаевна и улыбалась во все жвалы.

– Что случилось? – хрипло спросил ее Сидор.
– Я нашла его, – торжественно сказала Анна Николаевна.
– Кого?
– Сидор, очнись ты наконец! Я Владимира нашла.
– И где он?
– У Золотого озера забвения. Нехорошее место. Но нам придется идти.
Сидор выпутался из объятий постели и встал. Голова слегка кружилась.
– А почему это нехорошее место? – поинтересовался он.
– Потому что правит им дэва Луны.
– Дева?
– Нет, дэва. Не очень симпатичное чудовище. Она окунает души людей в озеро, и те всё забывают. Готовы к рождению в новом облике.
– А если она уже того, окунула Владимира в это озеро?
– Будем надеяться, что нет. Ведь Владимир не человек. С ним ей придется побороться.
Времени нет. Идем.

Они вышли из зеленого Дворца и направились по узенькой, едва приметной тропке меж довольно неприветливых скал. Над скалами стояло багровое сияние.

– Это скалы последнего заката, – пояснила Сидору мадам Гюллинг. – Они напоминают людским душам, как все недолговечно в колесе перерождений.

Наконец они пришли к озеру. Вода в нем действительно была золотой и сверкала так, что глазам было больно. На краю озера стоял небольшой чайный павильон. В павильоне сидели двое. Мужчина и женщина.

– Смотри, Сидор, – отчего-то зашептала Анна Николаевна. – Мужчина – это Владимир, точнее, его ментальное тело. А женщина – дэва.

– Она красивая.

– А ты думаешь, что зло всегда уродливо? Дурачок. Подойдем поближе, узнаем, что они делают.

Они подошли и увидели, что дэва и лемуриец заняты весьма поэтическим делом – они играли в шахматы.

– Ты умеешь играть в шахматы, Сидор? – спросила Анна Николаевна.

– Вы что, смеетесь? Откуда?

– Понятно. И это цвет современной журналистики! Хорошо, хоть я занималась в кружке юных шахматистов имени Гарри Каспарова.

– И что вы видите?

– Владимир разыгрывает сицилианскую защиту. Но дэва, похоже, ответила ему коварством. Вот они сидят и думают...

Пара действительно замерла, склонившись над шахматной доской. Сидор оглядел их. Владимир был бледен и очень красив. В алой ветровке и черных джинсах он смотрелся бесподобно, и женское начало Сидора поспешило это признать. Мужское же начало всеми феромонами устремилось к злобной и коварной дэве. Для злобной и коварной она здорово выглядела. Стройная фигура, точеные черты лица, густые черные ресницы, пухлые алые губы, нежный румянец – в общем, полный набор дамских прелестей. Одно только напрягало

в этой красоте: из-под длинного платья торчал скорпионий хвост с весьма недвусмысленным жалом.

– Долго думаешь, смертный, – на тибетском языке сказала дэва. – Пора сделать ход.

– Я не смертен, – спокойно отозвался Владимир и двинул вперед фигуру (Сидор не разглядел какую).

– Ах, извини, я и забыла, что ты у нас представитель вымершего континента.

– Не вымершего, а ушедшего под лаву. Две большие разницы.

– Слушай, лемуриец, что ты все время к словам цепляешься? То ему не так, это не этак.

Делай ход.

– Ты невнимательна, дэва. Я только что сделал ход. Тебе шах.

– Тысяча ракшасов! Ты обжулил меня!

– Смотри сама – не мог я тебя обжулить. Мы не люди, чтоб жульничать.

Дэва разъярилась и смешала на доске фигуры.

– Игра окончена, – объявила она.

– Но ты проиграла, дэва.

– Пошел в Шамбалу! Не было проигрыша!

– Ты яришься, а между тем вынуждена сдерживать свое слово. Ведь ты поклялась, что, если я выиграю, ты выпустишь меня из своего плена.

– Я передумала!

– Тогда я вызываю тебя на поединок.

Дэва вскочила и повела скорпионьим хвостом:

– Хочешь лишиться головы? Лишишься.

– Я хочу знать, зачем я здесь.

– А вот это я могу объяснить! – вклинилась в беседу Анна Николаевна, посверкивая хитиновым брюшком.

– Кто ты? – встала в боевую стойку дэва. – Что делаешь в моих владениях?

– Мое имя тебе ничего не скажет, повелительница ночи.

– Подождите, – поднял руку Владимир. – Я узнал вас, Анна Николаевна, даже в таком облике.

– Рада тебя видеть, Володька.

– Анна Николаевна, объясните, где я и что я. Со мной происходит что-то странное. Я вдруг попал в длинный тоннель, полный света, а потом бродил по каким-то полям с заброшенными мельницами, а потом – встретил вот ее. Она убеждает меня на ней жениться.

– Никак не получится, – авторитетно заявила Анна Николаевна. – Потому что ты, Вольдемар, давно и счастливо женатый человек. Ой, то есть лемуриец.

– Как зовут мою жену?

– Лиза.

– Я что-то припоминаю. Кулон... Восход на крыше... Я ведь по профессии зубной врач. Я вспомнил! Я Лизе зубы лечил, я вспомнил ее!

– Замечательно, – сказала Анна Николаевна. – А как впал в кому, когда Лизу у тебя похитили, не помнишь?

– Погодите, что-то такое вспоминается. Я встретился со своим другом-психиатром,

Лиза в это время спала, свой кулон Жизни я оставил рядом с нею... А когда вернулся, Лиза и кулон исчезли.

– И ты впал в кому. Знаешь, где ты сейчас?

– Нет.

– В Бардо. Твое физическое тело лежит в больнице города Щедрого, а его ментальный слепок, то есть ты, путешествует по Бардо.

– Но зачем?

– Чтобы отыскать жену, разумеется. Ведь ты же вспомнил, что ее похитили. Ее забрала Лалит – дхиан Хаоса. И значит, наша задача – найти в Бардо резиденцию Лалит и освободить Лизу. Но я вижу, Вольдемар, освободить придется сначала тебя. Попал ты в шаловливые лапки этой дэвы, придется поторговаться, предложить ей за тебя что-нибудь этакое.

– У меня все есть, – немедленно отозвалась дэва, – так что даже и не напрягайтесь.

– А «Кохинор»?

– Какой такой «Кохинор»? Что ты мне, швабра беспритычная, мозги пудришь?

– «Кохинор» – это бриллиант, приносящий несчастье, – терпеливо объяснила Анна Николаевна, с трудом проглотив «швабру беспритычную». – Если владеешь этим бриллиантом, можешь насыпать любые несчастья на кого угодно когда угодно где угодно. Мало того. «Кохинор» может менять грядущее по твоему усмотрению. Ну как?

– Неплохо. Но не будешь же ты, прелесть моя, утверждать, что носишь при себе такой замечательный камешек.

– Конечно, не ношу. Но если ты согласишься обменять на камешек Владимира, я проткну пространство (а я умею это делать хорошо) и возьму «Кохинор» из его сокровищницы.

– Из чьей сокровищницы?

– Какая тебе разница? Зато ты сможешь перед всем населением Бардо хвастаться такой бирюлькой.

– Больно надо мне хвастаться... Дай подумать.

– А что тут думать? Давай-ка партию в шахматы. Если выигрываешь ты, то тебе и Володька, и «Кохинор».

– Отлично! Ну а если выиграешь ты?

– «Кохинор» остается у меня, а я в придачу получаю твоего пленника.

– Хорошо.

Дэва хлопнула в ладоши. Появился устрашающий тип с бычьим рогом посреди лба и шестью руками-клешнями. Тип споро расставил фигуры на шахматной доске и исчез.

– Не против, если я проверю эту доску на магию? – раздвигая жвалы, спросила Анна Николаевна.

– Ну-ну.

– Ин номине патри эт фили эт спиритус санктис! – возгласила Анна Николаевна.

Над доской поднялось оранжевое облако и развеялось в вышине.

– Вот теперь никакой магии, – удовлетворенно высказалась Анна Николаевна, потирая обожженные кончики жвал.

– Ты спятила, да насилует тебя тысяча ракшасов! – воскликнула дэва, отнимая руки от

лица. – Как ты осмелилась произнести Запретные Слова, да еще где? В Бардо!

– Зато теперь ты будешь играть честно.

– Ты сумасшедшая. Когда я выиграю, я вырежу твои глаза и съем их сырыми.

– Такого уговора не было.

– Теперь будет.

– Э нет, дэва! Первое слово дороже второго. Так что глаза останутся при мне. Позволь мне как гостье сыграть белыми.

– Дозволяю.

Анна Николаевна и дэва сели друг напротив друга. Мадам Гюллинг сделала первый ход. Этот ход заметно поверг дэву в уныние.

– Я жду, – обаятельно щелкнула жвалами Анна Николаевна.

– Не торопи меня, – грозно рыкнула дэва. – Ее скорпионий хвост воинственно задрался, разрывая тонкую материю платья. – О! А мы пойдем вот так.

И передвинула фигуру.

– Ну если ты так, тогда я этак. Шах.

– Что? Как шах? Где шах?

– Вот. И пусть тысяча ракшасов лучше займутся тобой, дэва.

Дэва взвыла. Глаза ее налились фиолетовым огнем.

Анна Николаевна выскочила из беседки, подхватив на конечности ошеломленного Владимира:

– Бежим! Сидор, сюда!

И они рванули во тьму, упавшую на них, как одеяло, отсекающее виды и звуки.

Они долго пребывали во тьме, но она наконец рассеялась. И взорам наших героев предстало совершенно невероятное сооружение. Оно напоминало обычный московский офис-«аквариум», слепленный из стекла, бетона и хромированных конструкций.

– Что это? – выдохнули все трое.

Анна Николаевна потерла лапками.

– Ничего не понимаю, – сказала она. – Такое впечатление, что мы не в Бардо, а где-нибудь в Охотном Ряду. Надо подойти поближе и выяснить, что это за мыслеформа.

– А вдруг это опасно? – засуетился Сидор.

– Не бойся, женщина, – покровительственно сказал Владимир Логинов. – В случае чего я сумею защитить тебя.

Анна Николаевна хмыкнула:

– Женщина! Скажешь тоже!

Владимир недоуменно посмотрел на нее:

– Я сказал что-то не то?

– Прости, лемуриец, но твое дальновидение подводит тебя, – сказала Анна Николаевна. – Это только по виду и плоти женщина, а по душе – вполне полноценный мужик. И звать его Сидор Акашкин.

– Что? – изумился Владимир. – Сидор Акашкин? Тот самый журналист, который написал про нашу стоматологическую клинику разгромную статью?!

– Упс, – сказал Сидор. – Ну допустим. Клиника какая?

– «Мастердент». Я там работаю. И я читал эту статью. Это позор журналистики!

– Так уж и позор. Я что критиковал?

– Все! Работу клиники, цены, персонал...

– Конечно. Ведь вы отказались поставить мне пломбу на левый коренной за полцены. Я и раздосадовался.

– Хулиган! – стиснул кулаки Владимир. – Словоблуд!

– Мальчики, мальчики, давайте не будем ссориться, – примиренчески развела лапки хитиновая Анна Николаевна. – Мы вместе в одной лодке и должны держаться друг за друга. Вольдемар, ты на Сидора не злился, ему и так не повезло. Видишь, он заточен в женском теле и вернуться в свое собственное уже не может, потому что тела Сидора Акашкина больше не существует. Его уничтожил бог Мара.

– Сочувствую, – иронически сказал Влад.

– Тебе бы так, – стиснул зубы Сидор.

Ссора была устранена, и взоры всей честной компании снова обратились к «аквариуму».

– Сколько странствую по Бардо, такого здания не видела, – прокомментировала Анна Николаевна. – На лепрозорий похоже.

– Да ладно вам, – усмехнулся Влад. – Офис как офис. Давайте подойдем поближе.

Они максимально приблизились к погруженному в темноту «аквариуму» и увидели, что вокруг него лежит пара акров заасфальтированной земли с разметкой для парковки.

– В Бардо еще и автомобили есть? – поразился Влад.

– Только если это чья-то персонифицированная фантазия.

Они ступили на асфальт. Тут же «аквариум» осветился изнутри мягким желтым светом и женский голос произнес:

– Добро пожаловать в информационно-сервисный центр Бардо. Если вам необходима информация или обслуживание, войдите и зарегистрируйтесь у дежурной дизы. Повторяю...

– У кого зарегистрироваться? – нахмурился Влад.

– У дизы, – повторила Анна Николаевна. – Ну надо же! Информационно-сервисный центр – и где! В мире мертвых, отягощенных кармическим проклятием!

– И все-таки... – Влад был настойчив. – Кто такая эта диза?

– Диза – это в тибетской мифологии фея дождя и облаков. На санскрите их называют гандхарва. Ну что? Пойдемте регистрируемся.

Они подошли к стеклянным дверям, створки разъехались прямо как в супермаркете, и наши герои оказались в совершенно невероятном месте.

Это был большой круглый холл. Полы его были выложены мрамором, причем так искусно, что создавалось впечатление старинного персидского ковра. Вдоль стен стояли обитые кожей диваны и кресла, меж ними, изящно чередуясь, цвели в кадках высокие пальмовидные растения. Где-то журчал фонтан, ему вторила тихая, ненавязчивая мелодия.

Посреди зала обнаружился круглый, похожий на пульт управления космического корабля блок рецепции. Гудели вентиляторы мощных компьютеров, но ни одной живой души не было видно.

Зато в избытке оказалось мертвых душ. Они сидели на диванчиках, толпились у стойки

рецепции, бросали монетки в фонтан. Одна мертвая душа подошла к нашим героям.

– Благороднорожденные, вы зарегистрироваться? – с каким-то подозрением в голосе поинтересовалась мертвая душа.

– Да, пожалуй, – сказала Анна Николаевна.

– За мной будете.

– А здесь что, очередь?

– Как же иначе! – удивилась мертвая душа. – Все, кто умер, должны пройти регистрацию и получить талон на существование в Бардо. До реинкарнации. Некоторые, конечно, стараются пролезть без очереди, но мы за этим строго следим.

– Понятно. Хотя нет, непонятно! Ну все, кто умер, должны получить регистрацию, а если кто не умер? С ним как?

– В Бардо нет тех, кто не умер, – презрительно бросила мертвая душа.

– Есть, – сказала Анна Николаевна. – Это мы.

– Что-то вы мне не нравитесь, – сказала душа. – На бунтовщиков и чародеев похожи. От них, когда умирают, одни неприятности, скажу я вам. Покажите-ка свои правые ладони.

– У меня нет ладони, зато есть клешня, – угрожающе зашипела Анна Николаевна. – И этой самой клешней я тебе голову откушу, если ты от нас не отстанешь!

– Ай-ай! – завопила мертвая душа. – Среди нас бунтовщики из живых! Хотят пролезть без очереди! Лупи их, благороднорожденные!

– Бред какой-то, – прокомментировала ситуацию Анна Николаевна. – Что ж за везуха – куда ни придем, сразу в драку. Эх, шарахнуть бы хорошей молнией по этой богадельне!

Тут против наших героев сформировалась кучка крайне рассерженных и недовольных мертвых душ. Они выкрикивали оскорбления (впрочем, вполне пристойные) в адрес наших героев, угрожающе помавали дланями и посверкивали серебристыми глазками.

– Ну что вы, что вы, – миролюбиво заговорила Анна Николаевна. – Подумаешь, мы живые, вы мертвые. Всем нужна регистрация, все в равном положении. Мы займем очередь и подождем.

Наши герои отошли подальше от рассерженных душ и уселись на кожаный диван под раскидистой пальмой.

– Зачем мы здесь? – тоскливо спросил Влад. – Идет время, а я так и не нашел Лизу.

– Не волнуйся, в Бардо нет времени. Здесь царит вечное сегодня.

Сидор меж тем лорнировал толпу:

– И что, они все мертвые?

– Похоже на то.

– Досадно. Вон тот типчик в голубом сари мне так глазки строит!

– Сидор, не забывай, кто ты!

– Я вам теперь больше не Сидор. Я теперь несчастная Юдифь.

– Совсем сдурел. Сидор, когда мы вернемся на наш свет, я тебе могу вырастить тело при помощи магии. Аватара, – сказала Анна Николаевна.

– Спасибо, конечно. Только я мало верю, что мы вернемся.

Они сидели под пальмой и скучали. Пока к ним не подошла девушка в форменном костюмчике – строгий пиджак, плиссированная короткая юбка, гольфы. Она протянула

поднос. На подносе стояло три бокала.

– Ваша прана, благороднорожденные, – сказала девушка.

Бокалы матово светились.

– Э-э, выпивка? – оживился Сидор. – Откуда?

– Вон тот господин в голубом сари послал вам. Это подарок.

– Очень любезно с его стороны, – сказал Сидор и взял бокал. Бокал был тяжелым и прохладным. – Прана, говорите?

– Не пей вина, Гертруда, – ввернула Анна Николаевна.

– Да пойдите вы, – хмыкнул Сидор и в два глотка осушил бокал.

– Придется не отставать, – сказала Анна Николаевна.

Они с Владом взяли свои бокалы, чокнулись (звон получился приятный) и выпили.

Потом все трое долго смотрели друг на друга.

– У меня рога не лезут? – спросила Анна Николаевна.

– Я не синею? – спросил Владимир.

– Хи-хи, – глупенько осклабился бывший журналист.

И тут они увидели, что господин в голубом сари скольльзящим шагом движется к ним. Подошел и поклонился. Нашим героям ничего не оставалось, как встать и поклониться в ответ.

– О благороднорожденные, – сказал «голубой», – позвольте мне назвать свое ничтожное имя. При жизни я был медиком и носил имя Атал Бехари.

– Очень приятно. Я Юдифь, – сказал сами понимаете кто.

– Я Анна.

– Я Владимир.

– Я вижу, что вы исполнены добродетелей и решимости совершить доброе дело...

– Ну допустим.

– Я бы хотел вам помочь.

– Каким образом, господин Бехари?

– Я хочу подарить вам свою волшебную способность – абхиджну.

– Но что это означает?

– Абхиджна – это чтение мыслей, сверхъестественное зрение и слух, память о прошлых жизнях и возможность побеждать страсти. Эта способность много помогала мне. Но теперь я ухожу в Нирвану, а значит, там она мне не понадобится. Вам же пригодится.

– Спасибо, господин Бехари, – поблагодарила Анна Николаевна, а сама подумала: «#0^***#».

– Не сомневайтесь в моих словах, – воскликнул господин Бехари. – Как только вы выпили бокалы с праной, вы получили абхиджну. Теперь вы мудры, как драконы, и сильны, как львы. А теперь прощайте. Меня ждет Нирвана.

И господин Бехари растворился в воздухе, оставив после себя легкое сияние.

Тут раздался голос откуда-то с потолка (видимо, там были скрытые динамики):

– Три души из России, подойдите к терминалу пять. Три души из России, подойдите к терминалу пять...

– Слушайте, по-моему, это нас, – сказала Анна Николаевна.

– Но мы же не просто души, мы с телами.

– Кого это волнует? Пошли.

Они встали и ринулись в толпу мертвых душ в поисках пятого терминала. Терминал отыскался быстро. Они подошли к стойке из палисандрового дерева, вежливо оттерев тех, кто пришел раньше. Раздался нестройный ропот.

– В чем дело? – возмутилась Анна Николаевна. – Мы души из России, нас специально вызвали.

Ропот стих.

За вполне современным компьютером сидела вполне современно одетая диза и бешено стучала по клавиатуре. Потом она подняла утомленное лиловое личико на наших пришельцев и заученно произнесла:

– Приветствуем вас в информационно-сервисном центре Чёнид Бардо. Чем могу помочь?

– Вообще-то, – сказала Анна Николаевна, – нас только что попросили сюда подойти.

– А, так это вы из России? Очень приятно, дорогие гости. Сейчас вы пройдете обычную процедуру регистрации, а потом я подберу вам консультанта в соответствии с вашими запросами.

– Хорошо.

Девушка вновь защелкала по клавиатуре.

– Назовите ваши Истинные Имена, – попросила она.

– Амидаль, – сказала Анна Николаевна. – Ведьма Амидаль.

Щелк, шелк, щелк.

– Амитаба. Лемуриец.

Щелчки клавиатуры.

– Сидор Акашкин. Журналист.

Девушка притормозила щелкать.

– Что это за раса – журналист?

– То же, что и человек, – сказал Сидор.

– Не то же, – шепотом съязвила ведьма Амидаль.

– Цель прибытия в Бардо?

– Туристическая, – буркнул Сидор.

Девушка удивленно приподняла изумрудные брови:

– Простите?

– Не слушайте дурака, дитя, – подала голос ведьма Амидаль. – Здесь мы находимся потому, что некая враждебная сущность похитила нашу подругу – человека.

– Живую?

– Да.

– И вы уверены, что она до сих пор жива?

– Да. И мы хотим ее найти.

Девушка все это записала. Потом щелкнула курсором по иконке «печать» и распечатала нашим героям три плотных листа бумаги.

– Вот, – протянула она бумагу, – ваши приблизительные маршруты в Чёнид Бардо.

Здесь же вы найдете процентную вероятность правильности этих маршрутов. Желаю счастливого пути!

– Вы с нами уже закончили? – удивился Сидор. – А как же...

– Пожалуйста, проходите и пригласите следующую душу. Всего доброго.

Наши слегка ошалевшие герои отошли от терминала и присели на диван. Стали рассматривать распечатанные листы.

Ведьма Амидадь первой закончила чтение.

– Так-так, – сказала она. – У меня первым пунктом значится посещение Дворца Прета-Локи. А у вас?

– То же самое. Дворец Прета-Локи.

– И у меня.

– И как же мы туда доберемся?

– Я могу размыть пространство, но я не представляю себе этот Дворец. А для правильного размытия необходимо знание конечной точки пути.

Произнеся эту тираду, Анна Николаевна принялась ожесточенно скрести брюшко блестящими лапками.

– Но у нас же теперь есть сверхъестественные способности.

– Толку от них, когда не знаешь, где находится Дворец Прета-Локи!

– Благороднорожденные ищут Дворец Прета-Локи? – раздался тихий вкрадчивый голосок. – Я могу указать туда дорогу.

Все обернулись. Перед нашими героями стоял невысокий тибетец с бельмами вместо глаз.

– Но ты же слеп! – удивилась ведьма Амидадь.

– Это не мешает мне чувствовать и ощущать, – сказал слепец. – А дорогу в Прета-Локи я знаю лучше, чем свою душу. Я родился там и там умер. И теперь возвращаюсь туда, получив в Бардо возможность родиться вновь.

– Погодите, – сказал Влад. – Так Дворец Прета-Локи находится в Бардо или нет?

– Дворец находится на границе Бардо и тварного мира, – сказал слепой. – Одна его часть принадлежит Бардо, а другая – Шамбале. Но чтобы войти в этот Дворец, надо сначала отыскать выход из Бардо.

– Это бессмысленно, – заволновался Влад. – Лиза в Бардо. Зачем же нам уходить отсюда?

Слепой лукаво улыбнулся:

– Чтобы вернуться вновь. Согласны ли вы доверить мне свои жизни?

– Что ж, у нас нет другого выхода, похоже, – сказала Анна Николаевна.

– Тогда возьмите вот это.

И слепой протянул каждому из наших путешественников по золотой монете. Монеты были непривычные: в середине каждой зиял квадратный вырез. Вокруг квадрата были отчеканены иероглифы и полосы, как на зеркале багуа.

– И что нам с этим делать? – спросил Сидор. Блеск монеты завораживал его.

– Это ваши пропуска по мирам. Меня-то везде знают и пропустят, а вот вас... К тому же эти монеты помогут вам никогда не терять меня из виду. И путешествовать налегке.

– Да мы и так налегке, – возразил Влад. – Никаких вещей.

– Я подразумевал то, что в продолжение нашего пути вы не будете иметь нужды ни в пище, ни в питье, ни во сне. Вы воистину станете Буддами!

– Благодарим тебя, о добрый старец! – высокопарно сказала Анна Николаевна. – Назови же нам свое святое имя.

– Меня зовут Малыш Бун и никак иначе, – усмехнулся старец. – С этим именем я родился, с ним умер и веду посмертное существование. А теперь, если вам больше нечего здесь делать, идемте.

И наши герои последовали за Малышом Буном.

Они покинули «аквариум» с ожидавшими своей участи душами и пошли по еле заметной в красноватом сиянии тропке.

– Сейчас мы поднимемся в мир смертных людей, – предупредил Бун. – Вы будете невидимы и неслышимы, как, впрочем, и я.

– Мы поднимемся в реальность? – удивился Сидор.

– Да. Это первые врата, которые нам нужно пройти.

Однако до того, как эти врата отверзлись перед нашими героями, пришлось немало потрудиться ногами. Время не текло в царстве Бардо, и поэтому Сидору казалось, что и они стоят на месте.

Но нет, они двигались. Пейзаж менялся, «аквариум» остался далеко позади, в тусклом мареве воздвигались и исчезали башни, пагоды, дворцы...

Наконец они подошли к скале. В ней была солидных размеров расселина, из которой била струей прозрачная вода.

– Не вздумайте пить, это вода мертвых, – предупредил Малыш Бун.

– Куда же нам теперь идти?

– За мной. – Старик был немногословен.

И первым шагнул в расселину.

Они вошли в нутро скалы. Расселина была широкой и высокой, под ногами тек ручей, вокруг была темнота.

– Возьмитесь за руки, – приказал Малыш Бун. – Так больше вероятность того, что никто не упадет и не потеряется.

Они последовали его приказу. И снова шли, шли, шли.

– Старец? А старец?! – подала голос Анна Николаевна.

– Что тебе, ведьма-бабочка?

– А можно песню запеть?

– Смотря какую.

– «Поклонение».

– Ну пой.

И Анна Николаевна хорошим контральто стала выводить на санскрите:

Поклонение нищим, ибо они обогатятся;

Поклонение плачущим, ибо их слезы станут росой неба;

Поклонение благосердным, ибо они созерцают Будду;

Поклонение милостивым, ибо они веселятся на ложах своих;
Поклонение кротким, ибо они заградят пасти львам;
Да возрадуются все чистые сердцем, ибо они стяжали рай!

Анна Николаевна закончила петь, и долго после этого в маленьком отряде царило молчание. Наконец Владимир отважился спросить:

– Анна Николаевна, это что, Нагорная проповедь на санскрите?

– Что-то вроде того, – скупно усмехнулась ведьма.

– Мы пришли, – сказал Малыш Бун.

И их осиял свет.

Поначалу свет был им страшен. Казалось, на них излили лучи тысячи солнц. Но потом Малыш Бун объяснил, что это просто от долгого пребывания во тьме их глаза боятся света. А свет этот обычный, земной.

Они вышли из скалы. Вокруг, куда ни кинь взор, простирались величественные горы.

– Это гора Куньлунь, – немного торжественно сказал Малыш Бун, и тут Владимир заметил, что их проводник чем-то неуловимо напоминает Николая Рериха.

– Значит, мы в Китае? – удивилась Анна Николаевна.

– Да. И сейчас нам надо погрузиться в медитацию. Пусть каждый медитирует о своем.

Они приняли медитационные позы и закрыли глаза. Владимир поначалу ничего не ощущал, и на сердце у него было беспокойно. Но потом его сердце забилося ровнее, дыхание замедлилось, и Владимир увидел свою жену. Лиза стояла перед ним так ясно и отчетливо, что он уже готов был поверить в ее реальность. Но здравый смысл, который не покидал лемурийца даже во время молитвы или медитации, подсказал, что эта Лиза – лишь видение.

«Заговори со мной», – мысленно попросил Владимир.

«Муж мой единственный, – проговорила Лиза. – Как мне тяжело без тебя. Она удерживает меня и его. Она хочет, чтобы он снова обладал мною. Но я люблю тебя, и мое дитя, что ношу во чреве, – дитя от твоего семени. Скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасешь ты? Где отдыхаешь в полдень? К чему мне быть скиталицею возле стад товарищей твоих?»

«Если ты не знаешь этого, прекраснейшая из женщин, то иди себе по следам овец и паси козлят твоих подле шатров пастушеских...»

Владимир сам не понял, как в его медитационные размышления вплелась древняя, но от этого не менее прекрасная «Песнь Песней» Соломона...

«О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! И ложе у нас – зелень; кровли домов наших – кедры, потолки наши – кипарисы...»

– Лиза, голубица моя, – прошептал Владимир и открыл глаза.

И увидел перед собой женщину.

– Лиза, – прошептал он, замирая.

– Нет, я не твоя возлюбленная, – проговорила женщина, покачивая головой. Была она прекрасна и совершенна.

– Кто ты?

– Я императорская наложница Янгуйфэй. Твои мысли о любви привлекли меня. Я

увидела твои страдания и хочу помочь тебе.

– О Янгуйфэй, если бы я только знал, где она! Мир скрыл ее от меня, я в растерянности.

– Растерянность не подобает мужчине, будь верен и смел. Я же обращаюсь к Небесным Чиновникам с просьбой найти твою супругу.

– Ее удерживают в Бардо.

– Увы, это не так. Бросала я свой взор на Бардо, но там только мертвецы.

– Янгуйфэй, почему ты хочешь помочь мне?

– Потому что я не могу видеть влюбленную душу страдающей. Я и сама много страдала при жизни, но и много любила. Человек без любви – ничто. Итак, жди ответа от Небесных Чиновников.

И Янгуйфэй пропала, разлив в воздухе аромат лотосов.

Владимир вышел из медитационного транса. И увидел, что его спутники стоят кучкой у скалы и что-то жаростно обсуждают.

Лемуриец подошел к ним:

– Отчего вы не пробудили меня? Вижу, тут у вас спор.

– Да мнения разделились, – сказала Анна Николаевна. – Видишь ли, Вольдемар, гора Куньлунь, где мы сейчас имеем честь находиться, считается священной горой у китайцев. В ней есть девять врат, ведущих к невероятным сокровищам духа и прозрения. Эти девять врат охраняет Кайминшоу. С ним бы нам лучше не встречаться.

– Почему?

– Да потому что это жуткий зверь! Не думаю, что ему понравится, как мы проникли на священную гору!

– И тем не менее, – значительно сказал Малыш Бун. – Мы должны подойти к чертогам чудовища и поклониться ему. Иначе это будет неуважительно и разбудит в нем гнев.

– Вольдемар, как ты считаешь? Идти нам к Кайминшоу или нет?

– Идти, – ответил Владимир. – Раз на горе мы в гостях, то и должны выполнять правила гостей. Не съест же нас это чудовище!

– Съест не съест. Но покалечит...

– Это еще вилами по воде писано. Кроме того, чудовище может знать хоть что-нибудь о цели нашего путешествия.

– Ну что ж, Вольдемар, ты сам решил. Ладно, – подытожила Анна Николаевна и вдруг пронзительно свистнула.

Этот жуткий свист пронесся по горе как порыв ветра. Там, где росла трава, появились обугленные проплешины. Скала ощутимо затряслась.

А в небе появилась темная точка, увеличивающаяся с каждым мигом.

Наконец они все увидели, что к ним, перебирая копытами в воздухе, явился сам цилинь – священный зверь, воспетый китайскими поэтами.

Цилинь опустился на землю, и наши герои смогли наконец подробно рассмотреть удивительное животное. У цилиня было тело оленя, шея волка и хвост быка, кожа его была усеяна твердыми зелеными и красными чешуйками. Из гладкого лба торчал перламутровый рог, на кончике которого сиял драгоценный камень.

– Позвольте представить вам священного и благочестивейшего цилиня Кэ, – сказала

Анна Николаевна. – В моих длительных странствиях по Поднебесной и Подземной Кэ однажды явился мне, и мы заключили с ним дружественный союз.

– Почему вы единорога называли цилинем? – удивился Сидор, который вообще плохо разбирался в чудесных животных. – Вообще-то он жуткий какой-то.

Сказал это Сидор по-русски, но цилинь понял. Он обнажил крепкие клыки и рыкнул.

– Ты оскорбил священное животное, Сидор, – вспылила Анна Николаевна. – Немедленно поклонись ему.

– Ну прошу прощения, – опасливо посторонился Сидор и поклонился чудесному зверю.

– Надобно вам знать, что цилини – самые древние единороги в истории, – заметил Малыш Бун. – Есть легенда о том, как бог Паньгу создал весь мир. Ему в этом помогали четверо животных: дракон, феникс, черепаха и цилинь. Когда работа была закончена, цилинь удалился в лес. Он может жить тысячу лет и считается животным доброго предзнаменования. Есть также легенда об императоре Фу Си. Однажды он увидел цилиня, выходящего из реки, на его спине были написаны магические знаки. Император скопировал их, и позднее они стали основой китайской письменности.

– Это, конечно, замечательно, – сказал Сидор. – Но для чего вы вызвали цилиня?

– Он отвезет нас туда, где находится Кайминшоу. Сама я этой дороги, к сожалению, не знаю.

Цилинь стукнул копытом о камень, и оказалось, что он запряжен в прекрасную вместительную повозку, украшенную коврами и молитвенными флагами.

– Благодарю тебя, Кэ, – сказала ведьма. – Ты, как всегда, заботлив.

Все забрались в повозку. Волшебный зверь снова ударил копытом, и пред ним расстелилась довольно широкая, мощенная булыжником тропа.

Цилинь поскакал, повозка покатила.

– Пока мы едем, я хотела бы вам рассказать о Кайминшоу. Это удивительное существо. Ростом он выше четырех метров, туловищем напоминает тигра, а все девять голов у него человеческие. Он охраняет девять врат на горе Куньлунь, а также дворец, который называется Обителью Духов. Он довольно грозен, но умиляется хорошими стихами. Любит музыку, пение и танцы. А что касается горы Куньлунь, то на ней вообще обитает много удивительных существ. Одно из таких существ – огромная мышь, величиной более быка, живущая в волшебном пламени. Ее шерстинки тонкие как шелк и очень длинные. Когда мышь находится в пламени, она красного цвета, но стоит ей выйти из огня, шерсть ее становится как снег белой. Когда мышь выходит из огня, она обливает себя водой и умирает. Тогда ее шерсть стригут, прядут из нее нити и ткut ткань. Из этой ткани шьют чудесную одежду. Ее никогда не стирают, а если она все-таки пачкается, надо просто бросить ее в огонь, и она снова становится чистой.

– А что же с мышью?

– Каждое полнолуние она оживает и снова уходит в пламя. Мышь очень почитают в Китае. Там нет выражения «беден, как церковная мышь», там мышь – символ богатства и благополучия... Так-так. Мы, кажется, приехали.

И действительно, повозка остановилась. Запряженный цилинь повернул голову и приглашающе поглядел на Анну Николаевну. Та вместе с остальными сошла с повозки и

низко поклонилась цилинью.

– Благодарю тебя, высокорожденный Кэ. Пусть твой дом не скудеет, а сила в членах не ослабевает.

Цилинь издал короткий рык и исчез вместе с повозкой.

Перед нашими путешественниками высилось двухэтажное строение, по длине напоминающее обычный барак. Но это строение отнюдь не было бараком! Оно все было вытесано из кедровых стволов, обшито лаковыми панелями с изображением изысканных томных красавиц в китайских национальных платьях. Круглые окна были забраны узорчатыми тонкими золотыми решетками, а на коньке крыши красовался резной разноцветный дракон с изумрудными глазами.

– Наверное, это и есть жилище Кайминшоу, – сказала Анна Николаевна. – Подойдем поближе.

Они подошли и увидели, что перед домом разбит небольшой огород. В нем росли тыквы, пряности и ароматные травы для благовоний. Между грядок, склонившись, стояла старушка и поливала солидных размеров тыкву.

– О почтеннейшая! – обратился к ней Влад. – Простите, что мы отрываем вас от дела, но не могли бы вы сказать нам...

Старушка распрямилась. И оказалась совсем не старушкой, а привлекательной и даже очаровательной женщиной средних лет в простом сером платье, ярко-красном с золотом переднике и голубом платке.

– О боги! – воскликнула женщина. – Кого к нам привели вы на сей раз?

Она сделала движение, будто порываясь бежать.

Анна Николаевна заступила ей дорогу.

– Спокойнее, милочка, – прожвалила она на хорошем тибетском. – Мы не причиним вам зла и не тронем ваши тыквы. Просто скажите: это жилище великого Кайминшоу?

– Да, – кивнула женщина. Она разгладила передник и, судя по всему, успокоилась. – Здесь живет Кайминшоу.

Женщина сложила руки на животе, и стало видно, что она находится в самом приятном для женщины положении.

– О, – сказала Юдифь-Сидор. – Милочка, да вы беременны! А где же ваш муж?

– Осматривает долину Пей Мей. Позвольте узнать, кто вы.

– Мы все – странники, ищущие Дворец Прета-Локи. Нам нужно спасти возлюбленную вот этого лемурийца.

«Странники» назвали. Причем Сидор представился Юдифью, чтоб не смущать красивую огородницу.

– А вас как зовут, почтенная? – спросила Анна Николаевна.

– Вашу покорную слугу зовут Мой-нян, – ответила женщина. – Я жена Кайминшоу. Я приглашаю вас под кров нашего дома и постараюсь немедленно приготовить праздничную трапезу.

– Ой, с ума сойти! Как нам повезло – встретить саму супругу господина Кайминшоу. Будьте милостивы к нам, почтеннейшая хозяйшка, и мы надеемся, что ваш супруг также будет к нам снисходителен.

– Мой супруг не свиреп, – улыбнулась Мой-нян. – Прошу в дом. Мы не держим обычных слуг, поэтому вам придется подождать, пока я приготовлю трапезу. Любите ли вы цыплят с базиликом?

– О конечно.

– Замечательно. Тогда я прошу вас, Юдифь-нян, прихватить с собой вот этот базилик, а Владимир-чжи пусть поймает в загоне с дюжину цыплят.

– Я, конечно, поймаю, – сказал церемонно лемуриец, – но не будет ли это посягательством на право собственности?

Он так вычурно говорил только потому, что ему не хотелось ловить бедных цыплят и откручивать им головы.

Мой-нян заверила Влада, что урона собственности он не нанесет, и значит, цыплят можно ловить беспрепятственно. Влад вздохнул и пошел, куда ему было указано.

Все остальные прошли в дом. Миновав небольшой, устеленный дерюжными дорожками коридорчик, наши друзья попали в солидных размеров широкую комнату, где вдоль стен стояло множество обитых камчой и мехом лавок. Возле каждой лавки стояло по небольшому резному столику. Также здесь были высокие расписные вазы с шелковыми цветами (Анна Николаевна слегка сморщила жвалы при виде искусственных цветов, потому что недолюбливала их и считала безвкусницей). В восточной стороне комнаты находился домашний буддистский алтарь. Статуи Будды и Гуаньинь украшены были позолотой и парчовыми тканями. В ароматической лампе курились благовония.

Мой-нян усадила гостей и подала им легкого вина. Впрочем, гости сидели недолго. Пришел Владимир с цыпятами, а значит, нужно было идти на кухню и готовить. Малыш Бун сказал, что он непревзойденный мастер по части базиликового соуса, Анна Николаевна вызвалась ошипывать и потрошить цыплят, а Сидор сказал, что будет чистить топинамбур, заменяющий в горах картофель.

Итак, в кухне всем нашлось дело. Тут все жарилось, булькало, кипело и шкварчало. Мой-нян очень резво принялась готовить салаты по одной ей известным рецептам, цыпята томились на сковороде, а с соусом Малыш Бун показывал просто чудеса. За делами время пролетело незаметно, к тому же и гости, и хозяйка практически ни на минуту не закрывали рта.

– Раньше-то я держала дом певичек и танцовщиц в столице Шамбалы городе Чакравартине. И дом этот – а назывался он «Озорная пташка» – приносил неплохой доход, – рассказывала Мой-нян. – Но однажды туда заглянул на огонек совершенно удивительный человек. Я бы и простым человеком его не назвала. Выглядел он как небожитель: волосы из тонкой золотой проволоки, сам рослый и статный, богатые одежды. Звали его Друкчен. С ним спознались местные разбойники и сделали его своим главарем. Я, конечно, увлеклась Друкченом, тем более что он такая знаменитость!

– И чем же он знаменит? – спросила Анна Николаевна.

Мой-нян улыбнулась:

– Сразу видно, что вы никогда не бывали в Шамбале. В этой стране все знают Друкчена как спасителя волоокой принцессы Ченцэ, приемной дочери императора Эли и императрицы Ен.

– И как же он ее спас?

– Принцесса раньше не была принцессой, как рассказал мне Друкчен, была простой русской девушкой, приехавшей с отцом в Тибет для поклонения священной горе Кайлас. Друкчен же был их проводником. И вот, будучи в Тибете, отец девушки заболел неисцелимой болезнью – гнилостной водянкой. Его отвезли в храм целителей Дзунг, но исцелить тело было невозможно. Душа русского воспарила в Небеса и, воплотившись вновь, стала Буддой сирот – Аминукашну (да услышит он наши молитвы!), Друкчен же с девушкой хотели возвратиться к Кайласу, но по дороге в тело девушки вселилась, вытеснив прежнюю душу, душа принцессы Ченцэ, доселе бесприютной скиталицы. Об этом рассказал мне сам Друкчен. Дальше его слова были малосвязными. Он говорил о том, что их с девушкой охватило пламя, они куда-то падали, а очнувшись он уже на ложе целителей в Шамбале.

– Господи святой! – воскликнула доселе молчавшая Анна Николаевна. – Я теперь понимаю, что это за Друкчен и что за русские! Эти русские мои родственники. Дальние. Валерий и его дочь Ангелина Алейниковы. Все сходится. Это я отправила их в Тибет, потому что мне нужно было их жилище. А до этого я сама побывала в Тибете, в Лхасе встретила с Друкченом и назначила его проводником Валерки и Лины. Нет, как все закручено! Я помню этого Друкчена – щедушный мужичонка, вдовец с малым дитятей на руках (интересно, где сейчас этот ребенок). Значит, он попал в Шамбалу?

– Да, госпожа, – кивнула Мой-нян, опасливо косясь на жвалы Анны Николаевны. – Осмелюсь спросить вас, почтительно преклоняя колена, вы человек, или дэв, или ракшас?

– Я не дэв, не ракшас, но и не человек, – сказала Анна Николаевна. – Я ведьма, а выгляжу так потому, что была в Бардо. Там слишком много враждебных мыслеформ, лучше поддерживать себя в образе бойца. Когда я выполню свое предназначение, я вернусь в свое обычное тело.

– А каково ваше предназначение, великая госпожа? – спросила Мой-нян.

– Я должна помочь вот этому лемурийцу Владу вызволить из плена его жену Лизу. Она в Бардо.

– Но сейчас вы вышли из мира скорби...

– Да. Нам нужен Дворец Прета-Локи. Таково предписание, данное нам. Но Друкчен-то, Друкчен! Стал, значит, жителем Шамбалы! И красавцем, говорите?

– Да, выглядел он недурственно во всех отношениях, – усмехаясь, сказала Мой-нян. – Мне посчастливилось стать на время его возлюбленной.

– Но, по-видимому, вы расстались?

– Угу. Дело было так. Принцесса Ченцэ должна была быть девственницей, для того чтобы унаследовать трон. Но тело, которое ей досталось, оказалось недевственным. И для того, чтобы вернуть утраченное, принцесса отправила своего верного слугу Друкчена с тайной миссией – привезти воды из храма Благого Восьмеричного Пути. Эта вода священна, она возвращает потерянное, исцеляет от безумия и вообще хороша на вкус. Друкчен отправился в путь со своими друзьями-разбойниками и со мной. Я тоже хотела увидеть храм Благого Восьмеричного Пути. Но по дороге я повстречала свою настоящую любовь.

– То есть?

– К нам спустился божественный Кайминшоу, и я не смогла устоять против его девяти

прекрасных голов! Я влюбилась без памяти. И покинула мир Друкчена и других людей, отправившись с Кайминшоу на гору Куньлунь, вот сюда, в это прекрасное жилище. Здесь он сделал меня законной супругой.

– И вы счастливы?

– Безгранично! Мой господин – заботливый муж, нежный любовник, мудрый отец.

– Отец? То есть у вас уже есть детки?

– Да, наш первенец Гершам-манипур. Чудный мальчик! Ему два годика, но он уже умеет читать «Сутру Лотоса» и сведущ в точных науках. Этому, конечно, его учит отец. А я только балую его! Сейчас мальчик спит, но к обеду я разбужу его, чтобы он познакомился с такими замечательными гостями.

– Я обожаю детей! – с придыханием сказала Анна Николаевна. Но, увидев жуткий испуг в глазах Мой-нян, опомнилась: – Вы не волнуйтесь, пожалуйста, милочка, я их не ем. Итак, вы не знаете, что потом стало с Друкченом, его друзьями и принцессой?

– Нет, – пожала плечами Мой-нян. – Мы с супругом живем очень закрыто. У нас редко бывают гости. Все готово? Давайте трапезничать.

Мой-нян накрыла на стол, ей помогал Влад и Малыш Бун. Сидор-Юдифь только болтался без дела.

Наконец они произнесли молитвенное обращение к Буддам четырех сторон света и сели есть. Отведали салатов, немного вина из персиков, и тут Мой-нян хлопнула в ладоши.

– Сейчас вы увидите моего сыночка, – сказала она. – Кормилица!

Вошла потрясающих параметров женщина. До пояса она была голая, и все увидели, что у нее девять грудей. Они ей очень шли. Четырьмя руками кормилица держала совершенно удивительного девятиголового ребенка. Его головы на длинных шеях сонно покачивались – малыш еще не очнулся от дневного сна. Однако глазки первой головы уже сияли любопытством.

– Он прекрасен! – с чувством сказала Анна Николаевна о малыше.

– Весь в отца, – гордо промолвила Мой-нян.

Малыш протянул к ней ручки, и все увидели на его запястьях дивной красоты и совершенства браслеты.

Мой-нян подхватила Гершам на руки и посадила на колени.

– Милый, – сказала она мальчику, – познакомься с нашими гостями!

Знакомство состоялось вежливо и чинно. У Сидора создалось такое впечатление, что сынок Мой-нян знает все об этикете. Бывшая певичка стала кормить малыша пюре из топинамбура. Гершам-манипур чинно ел, головы по порядку получали по ложке пюре и не ссорились между собой.

– А теперь мы надеемся, что родится сестренка для Гершам, – улыбнулась Мой-нян.

После трапезы все вышли в небольшой садик, где росли персики и сливы. Мой-нян рассадил всех по удобным лавочкам, а сына пристроила на мягком одеяле из ячьей шерсти. Они не прекращали болтовни, и Анна Николаевна поведала бывшей певичке о том, почему Лиза оказалась в заточении и у кого.

– Есть дхиан-коган Хаоса, ее зовут Лалит. Она поссорилась со своим возлюбленным – дхианом Порядка по имени Лекант. Она заточила его в особой гробнице на много сотен лет,

но та девушка, которую мы разыскиваем в Бардо, освободила и оживила его. Она влюбилась в него, он же просто воспользовался ее доверием. У него были браслеты богов, с их помощью он мог одолеть Лалит, но он потерял их. Точнее, отдал в заклад. Лалит снова напала на него, да к тому же похитила браслеты богов и Лизу. Мы должны освободить Лизу из плена этой чертовой Лалит и вернуть ее мужу.

– Все время, пока вы мне это рассказывали, – задумчиво проговорила Мой-нян, – я не могу отделаться от мысли, что имена Лалит и Лекант мне знакомы. Вспомнила! Лекант – так звали раба, который рубил мясо в моем заведении. Это был потрясающий мужчина, но очень немногословный. С ним часто встречалась некая дама по прозвищу Золотая Госпожа, очень красивая и богатая. И однажды произошло вот что в моем заведении. Раб Лекант зарубил Золотую Госпожу и бежал. Нам пришлось уничтожить труп, но от нее кое-что осталось.

– Что именно?

– Вот эти браслеты. – Мой-нян указала на украшения на руках своего сына. – Их подарили мне, я не смогла от них отказаться, слишком уж красивы.

– Да, – согласился Влад, – они красивы. Они могут творить любое волшебство и наделяют своего носителя потрясающими способностями абхиджны. Потому что эти браслеты созданы ювелиром Лемурии, великим мастером. Их еще называют браслетами богов.

– Так это те самые браслеты, которые нужны Лалит! – воскликнула Анна Николаевна Гюллинг. – Если вы продадите их нам, мы сумеем выкупить у Лалит нашу девушку!

– Нет, – спокойно сказала Мой-нян.

– Что значит «нет»? – не поняла Анна Николаевна.

– Я не продам вам браслетов. Это любимая игрушка моего сына.

– Мы подарим Гершаму взамен тысячи игрушек. Миллионы! Со всех миров.

– Нет, – повторила Мой-нян. – Они мне дороги как память. Да где же мой муж? Что-то он задерживается...

– Любезнейшая Мой-нян, – сказал Влад, – в ваших руках судьба моей жены. Неужели вы не будете столь милосердны...

– Не буду. И не надейтесь. – Хорошенькое личико Мой-нян стало личиком базарной торговли. – А если вы вздумаете применить силу, вспомните о том, что мой муж – сам Кайминшоу.

– Дорогая! Не стоит тыкать этим в глаза нашим дорогим гостям! – раздался громовой голос.

Облако, доселе спокойно висевшее над садом, буквально разлетелось на мелкие клочья. И нашим героям предстал великий Кайминшоу – такой, что и не каждому любителю сверхъестественного в кошмаре приснится.

Кайминшоу виртуозно приземлился между деревьями сада. Его девять голов поклонились гостям.

– Сказано: что ни попросит гость, дай ему, – объявил Кайминшоу. – И если гость просит даже то, что дороже всего, отдай.

– О великий господин! – поклонилась чудищу Анна Николаевна. – За эти браслеты мы готовы отдать, что имеем. Нам нужно спасти из когтей Лалит нашу милую девочку, которая,

кстати, тоже ждет ребенка!

– Если ты, о супруг мой, прикажешь мне отдать браслеты, я, конечно, отдам, – погрузнев, смирилась Мой-нян. – Но сердце мое будет разбито.

– Утешься, – сказал ей муж. – Ибо я и сам не знаю, что делать.

– То есть? – удивилась Анна Николаевна.

– В своем путешествии по Куньлуню я встретил давнего знакомого. И что же оказалось? Он по обету Гуаньинь пустился на поиски этих злосчастных браслетов. И я пообещал ему, что браслеты будут его.

– Кому ты пообещал? – воскликнула Мой-нян.

– Нам.

И с неба спустилась такая компания, что просто загляденье.

Первым шел китаец в тибетском халате и мягких туфлях. Поверх халата у него была накидка, расшитая цветами лотоса. Волосы у китайца были из тончайшей золотой проволоки и, развеваясь, издавали мелодичнейший звон. Держа за руку этого китайца, по облачкам, как по ступеням, шла очаровательная юная девица в желтом платье, затканном голубыми ирисами. На голове у девушки красовалась сложная прическа, украшенная многочисленными шпильками и лентами.

Следом за милой парочкой с небес сходили пятеро мужчин (один в одежде даосского монаха), вооруженные мечами, копьями и луками со стрелами.

– Ничего себе экскурсия, – пробормотал потрясенный Владимир.

Сад немедленно раздвинулся в пространстве, деревья, пропуская Кайминшоу и его гостей, потеснились, шевеля лепестками. Пораженная Мой-нян во все глаза смотрела на спутников своего мужа.

– О милостивое Небо! – воскликнула она. – Супруг мой, знаешь ли ты, кого привел к нам?

– Конечно, он знает, – встряла доселе молчавшая Анна Николаевна. – Даже я знаю. Вот этот золотоволосый тип – лхасец Друкчен, с которым я когда-то договорилась насчет своих родственников.

– Да, это Друкчен, – подтвердила и Мой-нян. – Уж кому знать, как не мне. Здравствуй, Друкчен и твои спутники!

Друкчен медленно опустился на колени:

– О благороднорожденные! Не считите за труд назвать свои имена бедному человеку. Меня же действительно зовут Друкчен, это моя жена Цыси, а это мои друзья: Жуй по прозвищу Железная Крыса, Дуй, прозванный Ветром В Ракитах, монах Куй, именуемый Аистом Не Вовремя, а также Лей Яшмовый Таз и Пей Волшебник Лазуритового Города.

– Друкчен, неужели ты не узнаешь меня? – воскликнула Мой-нян. – Это же я!

– Мой-нян? – опасливо спросил Друкчен.

– Да!

– Так ты все-таки стала женой божественного Кайминшоу?

– Да, и вот наш первенец!

Друкчен посмотрел на девятиголового Гершама и, вздрогнув, сказал:

– Он очарователен. А кто это существо с видом огромного насекомого?

– Друкчен, дорогой! Меня зовут Анна Николаевна Гюллинг! Помнишь русскую ведьму, которая излечила твоего сынка от порчи и поручила тебе сопровождать к Кайласу двух туристов из России? Так эта ведьма я и есть. Иди, я тебя обниму! Столько времени не виделись и где встретились!

– Ой, а можно без объятий? – пискнул взволнованный Друкчен, избегая пристального взгляда фасеточных глаз Анны Николаевны.

– Дорогая, – сказал Кайминшоу, – неси еще вина и закусок. Сегодня у нас много гостей и мои девять сердец несказанно радуются этому!

Наконец все друг другу представились, все перезнакомились, всё объяснили и поведали, и осталось только сидеть, попивая вино да вкушая засахаренные сливы и печенье.

– Расскажи же мне, Друкчен, – оживилась Мой-нян, – о том, как сложилась твоя судьба и судьба твоих друзей после того, как я улетела с Кайминшоу.

– О, мы попали в ставку знаменитого Ли Пина, поэта, главаря разбойников из Ляншаньбо. Мы побратались, кроме того, я стал мужем вот этой прекрасной девушки – внучки главаря. Мы отправились добывать священную воду для принцессы и добыли ее. Только, когда мы вернулись в Чакравартин, оказалось, что о порочности принцессы знает уже вся Шамбала. Принц Нампхон отказался брать ее в жены, как уже просверленную жемчужину, родители хотели ее казнить. Но принцесса, увидев нас, кликнула стражу, требуя арестовать и меня, и моих друзей. Она решила оклеветать нас перед всей Шамбалой!

– Как же вы спаслись?

– С помощью воинов Ли Пина. Великий поэт пообещал разрушить весь Чакравартин, если нас не освободят. И мы вернулись в Ляншаньбо. А мне стал сниться один и тот же сон. Мне являлась всемилостивая богиня Гуаньинь и повелевала забрать у тебя браслеты богов и отдать их тому рабу, помнишь? Леканту. Этот сон так меня измучил, что я решил отправиться в путешествие за браслетами. На перевале Синей Тучи мы остановились, чтобы поставить жертвенник Гуаньинь, и тут произошла наша встреча с господином Кайминшоу. Мы все рассказали ему, и великий господин пообещал нас облагодетельствовать.

– Да, дорогая, – промолвил громовым голосом Кайминшоу. – Я пообещал им эти браслеты. И от слова своего не отступлюсь.

И тут всех потряс Гершам-манипур. Малыш аккуратно стащил со своих ручек злополучные браслеты и, встав, подошел к Друкчену.

– Возьмите, о благороднорожденный, – чуть шепелявя, сказал малыш. – Эти браслеты ваши по праву.

– А как же мы? – чуть не взвыла Анна Николаевна.

– Ничего не поделаешь, – развела руками Мой-нян. – Слово моего мужа тверже алмаза. Друкчен взял браслеты и бережно спрятал их в заплечную сумку.

Цыси вздохнула:

– Ах, они такие красивые!

– Не в красоте дело, а в силе, – сказал жене Друкчен.

– Красота – это и есть сила, – вымолвил Владимир. – Так считали наши лемурийские мудрецы.

– И еще писатель Достоевский, – счел нужным встрять Сидор-Юдифь.

– Что ж, раз браслетов нам не видать, – сказала Анна Николаевна, – попробуем вызвать Лизочку другим путем. В конце концов, ведь надо же нам зачем-то во Дворец Прета-Локи. О великий Кайминшоу! Не укажешь ли ты нам дорогу в этот Дворец?

– Укажу. – Головы монстра согласно закивали. – Но не ранее чем вы как следует отдохнете у меня в гостях. А кстати, господин Друкчен!

– Да, мой повелитель.

– Где ты найдешь дхиана Леканта, которому должен отдать браслеты? Ты знаешь к нему дорогу?

– У меня есть с собой гадательные стебли тысячелистника, – сообщил Друкчен. – По ним я определю, где находится Лекант.

– Мы вам вот что предлагаем, – посоветовавшись, сказала Анна Николаевна. – Идемте с нами во Дворец Прета-Локи. При Дворце наверняка есть гадатели и прорицатели, они укажут всем нам, как быть.

– На это я скажу вот что, – вмешался Кайминшоу. – Во Дворце Прета-Локи живет моя тетушка – двенадцатоголовая госпожа Дзендзян. Она и жрец, и пророчица, каких больше нет. Она действительно укажет вам, что делать. И я всех вас отвезу к тетушке, но не раньше чем послезавтра. Видите ли, завтра тетушка постится и потому никого не принимает. А послезавтра – пожалуйста.

– Ах, какая досада! – воскликнула Анна Николаевна и воздела лапки горé. – Мы идем к такой солидной госпоже и не имеем никакого подношения.

– Моя тетушка нетребовательна и скромна в быту. Однако она страдает от отсутствия общения. Если бы вы оставили с ней на время кого-нибудь, тетушка была бы вполне удовлетворена.

Все испуганно переглянулись. Наступила неловкая пауза, после чего монах Куи по прозвищу Аист Не Вовремя сказал:

– Я даосский монах и не бегу от трудностей. Поэтому я, с вашего позволения, и останусь во Дворце.

– Договорились, – быстро ответил Сидор-Юдифь. Он очень боялся, как бы его где-нибудь не оставили.

Между тем свечерело. Мой-нян с кормилицей устроила поудобнее каждого гостя и поспешила заняться сыном. Кайминшоу отправился поохотиться неподалеку – он хотел на завтра устроить для своих гостей настоящий пир.

Сидора поселили в комнатке на верхнем этаже. Была она небольшая, но уютная: ковры, лежанка – теплый кан, застеленный свежим бельем, туалетный столик с зеркалом. Сидор умыл лицо из фарфорового кувшина, разделся и юркнул на лежанку. Натянул до подбородка одеяло и заснул как убитый.

Снились ему тревожные сны. Снился Собхита, выпивающий кровь у всего человечества, рушащиеся города, ядерные взрывы, – словом, апокалипсис. Расстроенный такими снами, Сидор не сразу понял, что его деликатно пожимают за лодыжку. А когда понял и окончательно проснулся, то притворился, что ничего не чувствует.

Однако притворяться было все сложнее. Чья-то шаловливая рука ласково погладила его правую ногу, задержалась на колене (а у Юдифь были прекрасные колени) и двинулась выше.

Когда рука неизвестного дошла до критической отметки, Сидор открыл глаза и прошептал громовым фальцетом:

– Сунешься дальше – урою, как мамонта!

И увидел, что с ним на лежанке практически лежит монах Куй.

Кажется, он не внял предостережению Сидора, и тогда Сидор выпростал из-под одеяла руки и крепко схватил монаха правой рукой за бороду, а левой – за ушко.

– Ах ты, старый греховодник! – громко сказал Сидор. – Ты что же себе позволяешь?! Ты же монах!

И потянул греховодника за бороду.

Тот взвизгнул и убрал руки.

– Так-то лучше, – хмыкнул Сидор. – Тебе чего надо?

Куй захихикал:

– Что нужно мужчине в самом соку от прекрасной женщины? Всего лишь немного ласки. Давай поиграем в тучку и дождик.

– Слушай, ты, Гидрометцентр! С тобой играть даже жабы из пруда не согласятся! А еще монах!

– Устав моего монастыря разрешает...

– Так я тебе и поверила! А ну убирайся и не мешай мне спать!

– Ну хоть один поцелуй!

– Проваливай! А то оторву бороду и все остальное.

– Ах, жестокая! У тебя нет сердца!

– Да, у меня вместо него кардиостимулятор.

– Что?

– Тебе не понять. Выметайся.

Куй обреченно встал с лежанки и оправил свою немудрящую одежку.

– Вот так всегда, – всхлипнул он. – Нет мне с женщинами удачи.

– Хочешь объясню почему? – спросил Сидор. – Потому что ты страшней смертного греха. Спокойной ночи.

– Ах, спокойной ночи! – вздохнул даос и вышел.

Сидор дождался, когда за ним задвинется дверь, и встал. Спать расхотелось. Сидор чуть не плакал от обиды, которую ему нанесли как женщине. Он вспомнил время, когда еще был просто Сидором, и очень пожалел о том, что то время нельзя вернуть назад.

Что ж делать? Спать не хочется, ночь долгая, и не с кем поболтать. Сидор вспомнил, что Кайминшоу, показывая им свое жилище, особо отметил комнату, отведенную под библиотеку. Там хранились редчайшие свитки по истории, религии, астрономии и магии. Сидор решил, что уж в библиотеке-то его не достанут, и потому, выйдя из своей комнаты, отправился напрямик туда.

Было темно, но не так, что глаз коли. В коридоре стоял тростниковый светильник, и его неяркое пламя помогло Сидору сориентироваться в доме. Он вошел в библиотеку и затворил за собой дверь.

В библиотеке пахло какими-то цветами. Сидор понял, что где-то на столе стоит букет. От этого аромата ему смертельно захотелось спать. Он и не стал противиться – сел в

ротанговое кресло и уснул.

Спал он, как показалось ему, недолго. Разбудили его тихие голоса.

– Смотри-ка, господин мой, здесь спит женщина, которая пришла из Бардо. Что ей понадобилось в библиотеке?

– У этой женщины душа взрослого мужчины.

– Как понять тебя, господин?

– Буквально. В тело женщины вселена душа мужчины.

– Ах, это великое колдовство!

– Не такое уж и великое. Дорогая, сейчас не об этом. Я не зря посреди ночи позвал тебя в библиотеку.

Сидор, не открывая глаз, узнал голоса Кайминшоу (его трудно было не узнать, у него был голос как у солиста группы «Пикник») и его жены Мой-нян. Интересно, им-то что не спится?

– Дорогая, ты должна мне помочь, – сказал Кайминшоу.

– Приложу все силы, – ответствовала Мой-нян. – Жду распоряжений.

– Мы должны сейчас найти Свиток Запретной Премудрости и кое-что вычитать оттуда. Помогай мне. Ты же знаешь, как мне неудобно шарить в книжных шкафах.

– Конечно, мой господин.

Послышался звук раскрывающихся стеклянных дверей большого книжного шкафа.

– Как выглядит этот свиток, господин?

– Он темно-коричневого цвета и отделан золотой тесьмой.

– Не этот ли?

– Да, этот. Неси его на стол.

Стол оказался неподалеку от Сидора. Он сидел в кресле, все еще притворяясь спящим, но приглядывая за хозяевами сквозь густые ресницы Юдифи.

Мой-нян развернула свиток.

– Какие странные иероглифы, – сказала она. – Господин мой, чей это язык?

– Это не иероглифы, это латынь, мертвый язык, на котором говорили древние римляне, пытавшиеся когда-то завоевать Китай.

– И что же ты ищешь?

– Пророчество. Этот свиток полон пророчеств о последних временах. О конце света. Вот, остановись-ка здесь. – И Кайминшоу прочел, сразу переводя с латыни: – «Итак, будут в последние времена, что восстанут лжепророки и ложные целители. Они будут пророчествовать ложь и исцелять людей так, что те горше заболеют. И восстанет среди сонма один – дитя по виду, но зло по разуму – и станет вредить людям через подачу милостыни и исцеление. Но восстанет великая страна, и в ней будет спасение».

– Для чего ты прочел это, господин мой? – спросила Мой-нян.

– Для того, чтобы ты знала – восстал среди людей царь зла. Тот самый, дитя по виду, но зло по разуму. Он в стране индов сейчас совращает народы. Имя его Собхита.

При упоминании этого имени Сидор непроизвольно содрогнулся.

– О боже, муж мой, неужели грядет конец света?

– Да, – кивнули головы монстра. – И его не отсрочить. Осталось лишь думать, как

спастись.

– Что это за великая страна, которая появится с воцарением Собхиты?

– Я еще не ведаю этого, – признался Кайминшоу, сворачивая свиток. – Но одно могу сказать – лишь в этой стране и возможно будет выжить. Как только я буду осведомлен о восстании страны, я заберу туда тебя и Гершама.

– Но как мы покинем Куньлунь? Ведь он священен!

– Приходит время осквернения святынь. Мне ведомо, что Куньлунь захватят люди в одеждах цвета болота, с красными значками на груди и лбу. Все будет поспрано. Я сейчас расскажу тебе, куда летал и что видел.

– Я внимательно слушаю, мой господин.

– Ты знаешь, что я могу становиться невидимым, если надобно. И вот я произнес заклинание невидимости и полетел в город Чакравартин, столицу Шамбалы. Там гибель и запустение. Дома стоят разрушенными, красота исчезла, а бессмертные стенают от ужасных язв и гнойных ран. Их мучения велики – они поражены всеми болезнями, но не могут умереть и мучаются бесконечно.

– О горе тебе, Чакравартин!

– После этого я вышел в мир смертных людей и отправился в город Лхасу.

– Лхаса? Что это за город? Никогда не слыхала! Расскажи мне о нем, господин мой.

– Я и хотел это сделать. В человеческом мире всего девять городов, из которых можно перейти во Внемирье. Лхаса – главный из этих городов, столица столиц.

– Что означает слово Лхаса?

– Это тибетский язык. На нем слово Лхаса означает «божественное место» или «обитель богов». Видишь ли, дорогая, задолго до того, как на этом месте появились люди, там жили боги. Они были добры и милостивы и учили первых людей разным искусствам. Но потом наступила пора, когда в Лхасе стало слишком много смертных, и тогда боги, отдав последние наставления, поднялись во Внемирье. Помня заветы богов, великий царь Сронцангамбо основал вокруг Лхасы первое Тибетское государство. Он перенес в Лхасу свою столицу из долины реки Ярлунг. На вершине холма Марпори великий царь построил свой дворец, которому не было равных по красоте. Тогда же были основаны храмы Джоканг и Рамоче. Храм Джоканг был построен великим царем для хранения священного изображения Будды Акшобья. Это изображение в качестве приданого привезла в Тибет непальская принцесса Бхрикути, одна из двух жен царя. Тогда же для другого изображения Будды – Джово Шакьямуни, которое привезла китайская принцесса Вэньчэн, вторая супруга царя, был построен храм Рамоче. Потом было время, когда над Лхасой возвышались другие города, но когда к власти пришел далай-лама, великий духовный отец, Лхаса снова стала столицей. К тому времени дворец великого царя пришел в упадок и далай-лама построил на его руинах дворец Потала. О как прекрасен этот дворец! Даже дворцы Небесного Отца Амитабы Акшобья не так красивы! Дворец огромен и напоминает гигантскую бело-красную стену, раскинувшуюся над всем городом. Потала означает «священная гора» или «рай». Там множество золота и драгоценных камней, а главное – религиозных святынь.

– Вот бы мне увидеть этот дворец!

– Дорогая, не знаю, возможно ли это. Какие-то люди, называющие себя революционной

армией Китая, действуют сейчас в Лхасе. Они захватили дворец Потала, дворец Норбулингка – летнюю резиденцию далай-ламы – и храм Джоканг. Говорят, со священных ступ ободрали все золото и драгоценные камни. Некому больше крутить молитвенные барабаны и почитать Будд, паломников держат в тюрьмах и не пускают к святыням.

– Какое кошунство!

– Да, милая. Но боги наслали за это смертную язву на людей, особенно на революционную армию. Многие умирают прямо на улицах, труповозки переполнены. Иногда даже некому прибрать трупы. Зловоние восходит до небес.

– Горе тебе, милая Лхаса!

– И наконец, я отправился в землю индов, в их столицу Дели, и узрел своими очами Погубителя.

– Как же он выглядит?

– Это самый красивый и разумный мальчик двух лет, если б у нас не было нашего сына.

– О боже!

– Он великое зло, и нет того, кто противостоял бы ему...

– Есть! – подпрыгнул Сидор.

– О небо! – воскликнула Мой-нян. – Она проснулась!

– Скорее уж оно, – сыронизировал Сидор.

– Страдалец, – покивал головами Кайминшоу. – Крепись. Где твое настоящее тело?

– Его разрубил на куски бог Мара и продемонстрировал эти куски Собхите, – сказал Сидор. – В общем, все весело, да?

– Что ты можешь нам сказать, страдалец?

– Я – мессия, – сурово поведал Сидор. – Есть такое тайное общество «Предвестники зари». Они подготовили меня для того, чтобы я уничтожил Собхиту.

– Но как ты сможешь это сделать?

– Пока не знаю, – развел руками Сидор. – Раньше я был просто журналистом, потом стал писателем, а теперь вот я – мессия.

– Знаю одно – мы должны помочь тебе, – сказал Кайминшоу. – Вот что. Я сам отправлюсь с вами во Дворец Прета-Локи и расспрошу обо всем тетюшку Дзендзян. А теперь отдохни, страдалец. Жена, отведи гостью в его спальню. Ох, теперь я буду путаться с родами!

Сидор на это только горько усмехнулся.

Мой-нян отконвоировала Сидора в его спальню и пожелала спокойной ночи. И Сидор, хоть поначалу и мучился от бессонницы, все-таки задремал. И на сей раз снилось ему, что он в совхозе «Кривая Мольда» раскапывает с учеными метеорит.

Пришло утро, а с ним – день беззаботного времяпровождения. Пока тетюшка Дзендзян постилась, наши герои решили отправиться на пикник. Всей компанией, включая маленького Гершаму и его кормилицу.

Для пикника нашли прекрасное место – возле озерка, где росла изумрудная мягкая трава. Мужчины стали заниматься шашлыками (идею именно шашлыков, а не утки по-пекински предложил Сидор), женщины болтали и играли с Гершамом. Когда же вино было выпито, шашлыки съедены, а Гершам наигрался и заснул около брюха Анны Николаевны, наступило время какого-нибудь интересного рассказа. Его и предложила

внимательным слушателям ведьма Анна Николаевна Гюллинг.

– Дошло до меня, о благороднорожденные, – так начала она свое повествование, – что жил в великом городе Нью-Йорке один человек. Звали его Билли, и был он весьма искусен в создании сайтов, чатов, блогов и прочих таких же компьютерных чудес. Для тех, кто не знает, что такое компьютерные чудеса, я потом дополнительно объясню, а пока, во славу пророка, двинемся дальше, повествуя эту историю.

И было у Билли, о благороднорожденные, всего шесть жен. Да не простых, а виртуальных. Встречался он с ними на своем сайте (адрес этого сайта я, простите, вспомнить не могу) и предавался различнейшим виртуальным наслаждениям. Для тех, кто не знает, что значит виртуальный, я предложу подставить слово «воображаемый», и все станет практически понятно.

Вы спросите, как шесть жен делили Билли между собой и не ссорились. Я вам отвечу: в воображаемом мире все можно. И шесть жен тоже. Они не ревнивы, не буйны, только остры на язычок. А теперь пора пришла рассказать о каждой жене.

Первую жену звали Эликсир Разума, и была она очень-очень умной. В четыре года она могла решать задачи по тригонометрии, в десять лет доказала теорему Ферма, в двенадцать лет опровергла аксиому Крейтцфельдта – Якоба. Она защитила две докторские диссертации (не спрашивайте у меня, что это такое), написала двенадцать научных книг и взялась за писание тринадцатой. Не было в мире вопроса или проблемы, по которым она не составила своего суждения. Эликсир Разума в реальной жизни преподавала концептуальную генетику в престижнейшем университете и при этом была просто красавицей.

Вторая жена звалась Беззаботной Птичкой, и была она при всех своих несомненных внешних достоинствах абсолютно глупой. Она могла написать слово «корова» с тремя орфографическими ошибками, с детства не любила читать и писать, а уж про математику и говорить нечего – тут Птичке в тупости просто не было равных. Зато она до смерти любила наряжаться в яркие наряды, красить лицо дорогой косметикой и покупать бесчисленные сумочки. Не было в мире загадки более удивительной, чем загадка Беззаботной Птички, а именно – как она при своих малых мозгах ухитрилась стать ведущей моделью модного дома Нины Риччи. Не спрашивайте у меня, как это вышло, просто примите на веру.

Третью жену именовали Бриллиантовой Зарей, и главным ее достоинством были несметные богатства, доставшиеся ей в наследство от отца и матери. Бриллиантовой Заре по всему миру принадлежали нефтяные скважины, соляные копи, золотые прииски, рудные месторождения, курорты, отели, таунхаусы, заводы, газеты, журналы, дома моды, яхт-клубы, интернет-кафе и залы для игры в го. Каждый день приносил ей столько денег, сколько она не могла потратить и за год. На Бриллиантовую Зарю работали брокеры, риелторы, экономисты, инженеры, программисты и логисты. Сама же она даже причесываться ленилась и для этого наняла двенадцать парикмахеров. В ее загородной резиденции было восемь этажей, четыре лифта, пятьдесят ванных комнат, четыреста наименований произведений искусства разных эпох и двадцать золотых унитазов. Бриллиантовая Заря ездила на ста автомобилях ведущих автомобильных фирм, покупала целые города вместе с жителями, и все равно ее богатства только приумножались и приумножались. На завтрак ей подавали павлиньи язычки в ослином молоке, страусиные яйца пашот, вино из лучших винных погребов мира и хлеб,

выпеченный вручную по древнеегипетскому рецепту. Для сохранения собственной красоты и молодости Бриллиантовая Заря каждый день принимала по пять ванн: молочную, розовую, чайную, кофейную и винную. Ее жизнь охраняли полторы тысячи отлично обученных охранников, умеющих сливаться с обстановкой так, что их принимали за фикусы.

С алмазом «Орлов» она играла в детстве, а Янтарных комнат у нее было семь. Много еще можно сказать о богатстве Бриллиантовой Росы и о ее красоте, так что язык устанет и онемеет, поэтому мы лучше перейдем к следующей жене.

Четвертая виртуальная жена Билли звалась Церковной Мышкой, и была она очень красива, но при этом бедна, именно как церковная мышь. Прежде всего надо сказать, что в реальной жизни она работала библиотекарем в деревенской библиотеке. Это многое объясняет. Компьютер она нашла на свалке и сама придала ему рабочий вид, за Интернет платила вся деревня в складчину, а ела Церковная Мышка всего три раза в неделю – по понедельникам, средам и пятницам. Еще в детстве мама с папой говорили этой девушке: «Не в деньгах счастье», и она поверила. Поэтому всю свою зарплату перечисляла в фонд помощи диким животным, а сама жила подаванием. Читатели, приходящие в ее библиотеку, помогали ей кто чем может – кто гречневой каши принесет, кто хлеба, а кто дров для печи. Жила Церковная Мышка в комнате при библиотеке, и была эта комната размером с сарай для кроликов. Но даже будучи сверхъестественно бедной, Церковная Мышка испытывала и счастье, и любовь, и гордость за свой крепкий характер. Церковная Мышка много читала, и не какие-нибудь детективы или сентиментальные романы, а строго классику. Очень любила Церковная Мышка философию, а поскольку философы и сами были людьми небогатыми, Мышка в философии черпала подтверждение своей позиции и жизненные силы. Одевалась она очень скромно, умывалась росой, спала вполглаза. Зато дикие животные, облагодетельствованные ее зарплатой, процветали в своих диких пампасах и прериях.

Но перейдем к пятой виртуальной жене. Имя ей – Роза Миров, потому что она являлась несравненной красавицей, перед красотой которой блекла даже красота полотен поздних импрессионистов. У Розы Миров была непередаваемой прелести и совершенства фигура, изумительное, волшебное лицо и роскошные, на зависть всем женщинам, волосы. Роза Миров постоянно была окружена поклонниками и ненавистниками, поэтому жила довольно нервной и тяжелой жизнью. Ее восхитительный нос приводили как эталон в глянцевых журналах, ее ноги вводили мужчин в блаженный ступор, ее метрические данные (90-60-90) умиляли модельеров и сотрудников ателье. Помимо своей выдающейся внешности Роза Миров имела изумительный голос и артистические данные. Она пела лучше Монтсеррат Кабалье, танцевала грациознее Майи Плисецкой, а ее актерской игре мог позавидовать со слезами весь театр имени Вахтангова. Роза Миров никогда и ни за что не платила – сраженные ее красотой продавцы, таксисты и официанты с превеликой охотой и радостью предоставляли ей свои товары и услуги совершенно бесплатно, ну максимум за один воздушный поцелуй. И конечно, как все красавицы, Роза была очень избалованна и капризна. Она сменила уже шестнадцать мужей, и Билли был ее семнадцатым мужем, правда, лишь виртуальным, и не спрашивайте меня, о благороднорожденные, как такое может быть на свете. Мало того. У Розы Миров взяли одну яйцеклетку и заморозили ее, дабы потом, в далеком будущем, получить из этой яйцеклетки совершенного младенца. Но довольно

говорить о Розе Миров. Она прекрасна, этого у нее не отнять, и это всё о ней.

И наконец, шестая, последняя в списке, но не последняя по значимости жена Билли именовала себя Зеркалом Правды. Ей не повезло при рождении – природа обделила ее красотой и даже просто симпатичной внешностью. Зеркало Правды была крайне некрасива. Среди людей она напоминала лягушонка, в ее лице не было ни одной привлекательной черты, в фигуре – ни одного симпатичного выступа или углубления. Когда Зеркало появилась на свет, ее собственная мать, поглядев на уродливую дочурку, решила отдать ее на воспитание обществу слепых и слабовидящих. Слепые воспитали девочку, но, понимая, что некрасива, Зеркало Правды, преисполнилась желчи ко всем, кто хоть немного симпатичнее ее, и стала зоотехником. Ведь животные не понимали – красива она или нет, просто радовались, когда она ухаживала за ними. А один шимпанзе даже стал ухаживать за ней. Зеркало Правды совершенно случайно стала виртуальной женой Билли. Она просто выиграла это право в интернет-лотерею и не преминула им воспользоваться. Иначе бы так и сидеть ей весь век в девках, а так хоть и виртуальная, да все же жена.

Что же объединяло столь разных женщин, спросите вы? А я вам отвечу, благороднорожденные: конечно, Билли! Он собрал их на своем сайте, как букет из разноцветных вешних цветов, где каждый имеет свой аромат. И еще. Все эти женщины имели одну, но пламенную страсть: они писали стихи. И эти самые стихи выкладывали в своих Живых Журналах. А Билли очень любил поэзию, особенно самодетельную. Вот и предложил женщинам виртуальное замужество и творческую дружбу.

И вот дошло до меня, что как-то в интернет-вечерок зашел Билли на свой сайт и увидел, что все его жены собрались и ждут от него нового стихотворения. И тогда он выложил свеженаписанное:

Ты почти убила меня,
Ты почти меня потеряла.
Новый снег пришедшего дня
Был пуховым, как одеяло.
Наступала кругом белизна.
Наступало кругом новоедье.
Я убит, и теперь ты одна,
Ты меня заменяешь сегодня.
С елей сыплются наземь шары,
И стекло без усилия бьется.
И по правилам этой игры
Кто-то вечно убит остается.
Ни к чему мне теперь отклонять
От печалей и бед свою душу.
Ты почти убила меня –
Я покой твой уже не нарушу.

«Ну как вам, девчонки?» – спросил Билли, имея в виду свое новое стихотворение.

«Ригористично», – написала Эликсир Разума.

«Фью!» – написала Беззаботная Птичка.

«Бедно», – написала Бриллиантовая Заря.

«Богато», – написала Церковная Мышка.

«Мило», – написала Роза Миров.

«Недостаточно романтично», – заключила Зеркало Правды.

«Ах вы, мои милашки, – обрадовался Билли. – Вы у меня самые потрясающие, ни у кого таких жен нет. И все вы пишете стихи! Что не может не радовать. Поэтому я предлагаю следующее: пусть каждая из вас представит по одному стихотворению, а я, как всегда, объективно оценю».

«Отлично! – обрадовались все жены. – Давно у нас не было никаких конкурсов и соревнований, мы даже заскучали. Что ж, начнем в строгой очередности. Эликсир Разума, просим, просим!»

И умнейшая Эликсир Разума представила такое стихотворение:

Свет зимы спокоен и неярок.
На деревьях виснет кисея.
Для меня теперь большой подарок
Жизнь незавершенная моя.
Я люблю в серебряную осыпь
Просто так, без умысла брести –
В час, когда уже никто не спросит,
Для чего мне этот крест нести.
Как сияют золотые елки!
Как плывут в распутицу дома!
Словно в стоге сена, как иголку,
Потеряла меня вдруг зима.
Я ее любить не перестану.
Я ей до последнего верна.
И холодным светом осияны
На окне мороза письма.

«Прекрасно, Эликсир Разума! – виртуально вскричал Билли. – Ты, как всегда, превзошла саму себя. Мудро, гениально, строго! Какая рифма, какие аллюзии. А образ израненной птицы вообще великолепен».

«Мне понравилось про молву, пьющую ненависть из черного сосуда. Это так метко!» – вставила свое слово Церковная Мышка.

«Ты уже где-нибудь в реале напечатала это стихотворение, Эликсир?» – спросила Роза Миров.

«Нет, – ответила Эликсир Разума. – Свои стихи я предлагаю лишь вашему вниманию. Я боюсь толпы, которая ничего не понимает в поэзии».

«Что ж, Эликсир, ты мудрейшая из нас, – сказал Билли, – но нужно дать слово и другим

женам. Беззаботная Птичка, как насчет поэзии? Хватит обсуждать в чате свою новую сумочку! Порадуй нас ямбом иль хореем».

«Чем? – переспросила Птичка. – Ребята, я не сильна в кулинарии...»

«Ямб и хорей – это стихотворные размеры, – терпеливо объяснила Эликсир Разума. – Не прибедняйся, Птичка. Все мы знаем, что стихи ты пишешь замечательные».

«Да ладно вам! Вот сумочку я купила – закачаешься. Натуральная кожа, стразы, бахрома!»

«Читай стихотворение, Птичка, – потребовал Билли. – И я куплю тебе еще одну сумочку».

«Ну хорошо», – смиловилась Беззаботная Птичка и прочла:

В тишине свершается печаль,
В тишине рождается смирение.
Все мы в этом мире только тени,
Только тени, милый, как ни жаль.

И лишь время может отделить
Нас от всех потерь, от всех несчастий.
Но, увы, совсем не в нашей власти
Время хоть на миг поторопить.

И приходит мудрость. Вслед за ней
Снизойдут терпение и нежность.
И простят нам всякую погрешность
Те, кто были нам всего родней.

И, поверив в то, что каждый атом
Богом подведен к своей черте, –
В тишине от нас уходят те,
Кто навеки в сердце запечатан.

«Браво, Птичка! – воскликнула Церковная Мышка. – Ты просто поразительна! Плела нам тут про сумочки и стразы, а сама написала великолепное стихотворение».

«А твое ли это стихотворение? – ядовито поинтересовалась Зеркало Правды. – Как-то раз ты выдала за свое стихотворение Юлии Друниной».

«Это когда было! – смутилась Беззаботная Птичка. – И потом, я просто вас проверяла на знание поэзии».

«Скажите пожалуйста, она проверяла, – хохотнула Роза Миров. – Смотри, как бы тебя не проверили!»

«Девочки, девочки, не ссорьтесь, – немедленно появился в Сети Билли. – Птичка написала хорошее стихотворение, и я хвалю ее за это».

«Ты обещал купить сумочку», – виртуально надула губки Птичка.

«Куплю обязательно».

«Со стразами!»

«И бахромой!»

«Ну вот, – пробормотала Церковная Мышка. – Птичка опять выпросила себе безделушку. А я не могу выпросить полугодовую подписку на «Новый мир»!»

«Так, закончили прения, – властно сказала Бриллиантовая Заря. – Сейчас моя очередь читать стихотворение. Попрошу не отвлекаться».

И в виртуальном мире появились следующие строки:

Северная странница, надменная царевна!
Ты и под секирой лишь подымешь бровь.
Ты всегда чиста, спокойна и безгневна.
У тебя морозная роковая кровь.
Ты не знаешь страсти пляса колдовского,
Яростного плача, поцелуя влет.
Ты не красишь губы, не проронишь слова,
Даже если боль тебя наотмашь бьет.
Ты еще напишешь золотые строки,
Сказочные песни ты еще споешь.
Примет тебя мир, прекрасный и жестокий.
Будет каждый день по-новому хорош.
Ты же не смягчишься, ты готова к бою.
И разит твой меч как Божия гроза.
Только знай, царевна: вечно за тобою
Будут наблюдать холодные глаза.

Некоторое время на сайте царила тишина. Потом Билли прочистил голос:

«Зорюшка, откуда такое мрачное стихотворение?»

Бриллиантовая Заря смутилась:

«Да вот было настроение кислое, когда акции «Бритиш Петролеум» упали, вот и написала».

«Гениально! – сказала Церковная Мышка. – «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...»

«Мышь, помолчи, – возникла Роза Миров. – Мне стихотворение не понравилось».

«Это почему?» – подобралась как перед боем Бриллиантовая Заря.

«Потому что оно не соответствует твоему социальному статусу. Такое стихотворение могла бы написать скромная студентка, но не ты».

«Это почему? Потому что у меня двадцать золотых унитазов?»

«Хотя бы».

«Тебе, Розочка, просто покою не дают мои унитазы. А ведь я не лезу в твои отношения с пластическим хирургом!»

«Ха-ха-ха! – неестественно рассмеялась Роза Миров. – У меня нет никакого

пластического хирурга. Моя красота природная, естественная, ясно?»

«Дамы, не ссорьтесь, – мирно сказал Билли. – Все вы прекрасны, каждая по-своему. И пишете отличные стихи. Зорюшка, тебе от меня браво и поцелуй. А теперь послушаем, что нам прочтет наша милая Мышка».

Церковная Мышка послала Билли смайлик и прочла:

А я хочу такой любви и ласки,
Которых ты мне никогда не дашь.
Пишу впотьмах и сочиняю сказки,
Оттачивая острый карандаш.

А я хочу такой беды и боли,
Которых не случилось и в раю.
Я птица, одичавшая в неволе,
Сама не понимаю, что пою.

А я хочу! И прочь идут желанья.
Становятся прогорклыми мечты.
Я умерла в борьбе за выживание.
И слава богу, это понял ты.

«Мне нравятся твои стихи, Мышка, – сказала Бриллиантовая Заря. – В них так много метафор, и таких ярких».

«Спасибо», – робко прошептала Мышка.

«Слушай, хватит тебе жить в бедности, – продолжала Заря. – Заведи себе банковскую карту, я перечислю на нее миллион долларов».

«Зоренька, не надо! – умоляюще сложила руки Церковная Мышка. – Лучше перечисли эти деньги в фонд помощи диким животным. А я как-нибудь на зарплату проживу...»

«Мышка боится разбогатеть, – сказала Беззаботная Птичка. – А я вот не боюсь. Перечисли мне миллион, Заря. У меня есть кредитная карта».

«Ты обойдешься, – отрезала Бриллиантовая Заря. – Все потратишь на сумочки и косметику, я ж тебя знаю. Нет, я выполню просьбу Мышки и перечислю миллион фонду помощи диким животным».

«Спасибо тебе!» – рассыпалась в смайликах Церковная Мышка.

«Ладно, хватит об этом, – встрял Билли. – Давайте послушаем новое стихотворение нашей прекрасной Розы».

«Ой, я, право, не знаю, все наброски у меня, наброски...» – засмушалась Роза.

«Да ладно тебе выкрутасничать, – хмыкнула Зеркало Правды. – Все знают, как ты любишь читать свои стихи на публике. Так что давай».

И Роза Миров прочла:

Снег кружится, медленно падает,

Сыплет, сыплет всё без конца.
Ничего меня в жизни не радует.
Холодеют близких сердца.
Сыплет снег, тишина под окнами.
Тишина в опустелых домах.
Что ходить мне вокруг да около,
Что мне жизнь проживать впотьмах.
И захочется снова ясности
Света чистого бытия,
Чтобы стала высокой явностью
Невысокая жизнь моя.

«Какое печальное стихотворение, – вздохнула Церковная Мышка. – Тема ухода, вообще, характерна для женской поэзии».

«Характерна или нет, мне все равно, – сказал Билли и вклинил в слова ободряющий смайлик. – У Розочки прекрасное стихотворение. Главное, чтобы ты, Роза, не вздумала уходить от меня. Этого я не переживу».

«Мы все не переживем, – заверила Беззаботная Птичка. – Без Розочки скучно. Кто, как не она, снабжает меня каталогами новинок женского белья?»

«Кто про что, а Птичка все про тряпки, – хмыкнула Бриллиантовая Заря. – Дело разве в каталогах? Главное, что мы обрели друг друга и Билли, общаемся, пишем стихи... Верно, дорогой?»

«Абсолютно, – с жаром заверил Билли. – Ну а сейчас пришло время нашему Зеркалу Правды прочесть свое творение. Зеркало, просим!»

«Просим, просим!» – принялись сыпать смайликами все.

Зеркало Правды немного поломалась для приличия, а затем прочла:

Дева светлая моя!
Зная, что с тобой случится,
Все ж благословляю я
Эти руки и ресницы.

Ты сейчас прекрасна, да,
Ты смеешься, ты – любима.
Приходи ко мне, когда
Станет жизнь невыносима.

Ибо в жизни никогда
Ничего не будет вдоволь.
И невестина фата
Станет покрывалом вдовьим.

Я одна тебя приму
В час твоей тоски и боли,
Ибо сердцу моему
Надо быть всегда с тобою.

Приходи! В моем дому
Снова свадьбу сменит тризна,
Свадьба – тризну. По всему
Это жизни явный признак.

«Зеркало, ты, как всегда, в своем репертуаре, – сказали виртуальные жены. – Как называется стихотворение?»

«Посвящение невесте».

«Вот погоди, Зеркало, сделают тебе пластическую операцию, станешь ты красавицей и больше не будешь завидовать симпатичным женщинам».

«Я и не завидую».

«Завидуешь!»

«Нет!»

«Ти-хо! – навел порядок и благочиние виртуальный муж Билли. – Все мои жены должны жить в мире и согласии. Зеркало, ты молодец. А теперь перейдем все вместе на страницу kamasutra.com. А то что-то мы давно не развлекались».

И они стали развлекаться и веселиться настолько, насколько позволяет виртуальное пространство. И любил Билли своих жен, а жены – любили его. И на этом я заканчиваю свою историю.

Анна Николаевна замолчала и перевела дух.

– Вы это сами сочинили? – нарушил молчание Сидор.

– Какая тебе разница? – шевельнула жвалами Анна Николаевна. – Скажем так, мне в этом помогли.

– Кто? – не отставал Сидор.

– Вот смертный прыщ! Все тебе надо знать! – возмутилась ведьма. – Помнишь, к нам как-то приезжала в Щедрый писательница Надежда Первухина. Вот мы с нею за крымским портвейном и придумали эту историю. И даже продолжение. Но продолжение я расскажу потом как-нибудь. А сейчас давайте выпьем за дорогого Кайминшоу и его благородную супругу.

Тосты и возлияния продолжались до глубоких сумерек. Затем все вернулись в жилище Кайминшоу, развели на заднем дворе костерок и, сев вокруг, пели старинные русские и китайские песни. Особенно пришлась на душу песня, которую спела Анна Николаевна:

Сухой бы я корочкой питалась,
Холодну воду б я пила.
Тобой бы, мой милый, любовалась
И век довольная была...

Самое интересное, что Анна Николаевна исполнила эту песню на русском и на тибетском и сорвала шумный аплодисмент.

Разошлись по комнатам за полночь. Гершама унесла кормилица, а Сидор попросился ночевать с Анной Николаевной – очень уж его раздражали беззастенчивые взоры разбойников, подчиненных Друкчену.

Тишина снизошла на Куньлунь и дом хранителя священной горы. Даже сверчки не нарушали этой тишины. И поэтому легкие шаги призрачной, как облачко тумана, женщины были все-таки слышны кое-кому.

Первой эти шаги услышала Анна Николаевна – ее слуховой аппарат был совершенен. Боевая ведьма бесшумно перетекла из состояния покоя в состояние боевой готовности и приняла соответствующую позу у двери. Сидор безмятежно спал, но ведьма и не хотела его беспокоить.

Дверь медленно отъехала в сторону. На пороге появилась женщина в одеянии из темно-серого шелка. Лицо ее было спрятано под бахромчатым шарфом. Медленным, выверенным шагом женщина направилась к кровати Сидора. Легкое шуршание складок одежды – и над Сидором взметнулся сверкающий кинжал.

Но опустить кинжал женщина не успела – ее рука буквально утонула в зазубренной клешне Анны Николаевны. Шарф упал, и боевая ведьма увидела, как лицо женщины посерело, а глаза наполнились ужасом.

– Отвечай на мои вопросы, или я отрежу тебе руку, – прошипела Анна Николаевна. – Кто ты такая? Кто тебя послал?

– Меня зовут Тимина, я боевик группы «Тигры Кали», – сказала женщина. – Руководитель группы послал меня убить это исчадие ада!

И Тимина указала глазами на Сидора. Но потом ее глаза снова метнулись к ужасающей в своем реализме Анне Николаевне.

– Пощади меня, – сказала Тимина, – я уйду и не трону эту тварь.

– Почему вы хотите его убить?

– О нем пророчество. Он встанет на пути Исцеляющего и сумеет погубить его. И Кали не придет еще две тысячи лет. Будут царить шудры и неприкасаемые.

– Так. Как ты нас нашла?

– В тело этой твари мы вживили микрочип. По сигналу можно найти хоть блоху, не то что... Скоро весь мир получит чипы. Их внедряет своим укусом Исцеляющий. Он берет кровь и вживляет чип. Только те, кто дал свою кровь Исцеляющему и получил чип, выживут в Кали-югу. Остальные погибнут, будут есть землю и пить мочу!

– Ох и картинку ты нарисовала. Ладно. Давай сюда кинжал.

– Нет. Это ритуальный кинжал Кали!

– Глупости. Обойдется Кали и без кинжала. Решайся, или я откушу тебе руку.

Кинжал зазвенел о каменный пол.

– Вот и умница, – сказала Анна Николаевна. – А теперь...

Но Анна Николаевна не успела сказать, что именно «а теперь». Убийца извернулась и бросила себе в рот крохотную таблетку.

И проснувшийся Сидор с ужасом наблюдал за тем, как на пол падает с почерневшим лицом его убийца, а Анна Николаевна в отчаянии скрежещет жвалами.

– Что здесь произошло? – подтягивая одеяло к подбородку, прошептал Сидор.

– На тебя покушались. Вот эта красотка. Но я не дала ей свершить затеянное.

– Анна Николаевна, не знаю, как вас и благодарить...

– А и не надо. Спи, Сидор. Завтра вставать рано.

– Ну уж нет! После такого кошмара не уснешь! Да и потом, надо куда-то деть тело убийцы.

– Пусть тебя это не беспокоит. Я потихоньку растворю его.

– Как же вы это сделаете?

– Поверь, смотреть тебе будет неприятно...

– Я не буду смотреть, я отвернусь. Но и заснуть не смогу. Анна Николаевна, расскажите мне что-нибудь! У вас так здорово получается!

– Ох и лстец ты, Сидор. Ну да ладно. О чем тебе рассказать?

– Ну о том, например, как вы стали ведьмой.

– Ох, это такая история. Ну ладно. Поворачивайся к стеночке и слушай.

И шипасто-хитиновая Анна Николаевна стала плести нить повествования.

– Все началось, дорогой Сидор, еще тогда, когда я училась в консерватории. Я была нежной студенткой, любила Листа и позднего Шумана и слыхом не слыхивала о таких вещах, как контагиозная магия.

Но магия уже жила во мне, и нужно было совсем немного, чтобы она проявила себя.

Однажды я влюбилась. Он был флейтистом со старшего курса, избалованным мальчиком с блестящими ноготками. Ах, эти ноготки просто сводили меня с ума! Ты же знаешь, Сидор, мужчины не особенно-то ухаживают за своими руками, а тут... Словом, влюбилась, и все тут. Но дело в том, что на курсе я не одна была такая дурочка, влюбленная в Геру (его звали Гера), и соперниц у меня было хоть отбавляй. Хоть связками носи!

А Гера на меня внимания особого не обращал – подумаешь, подающая надежды пианистка, много нас таких! И я в бессилии кусала себе локти. Это сейчас я бы его за полсекунды приворожила, но тогда, повторяю, я ничего не знала о магии.

Но судьба смилостивилась надо мной. В те времена было принято, чтобы студенты ездили в подшефные колхозы и совхозы, особенно летом, и выступали, показывали селянам, что умеют, развлекали, так сказать. И вот однажды приходит от ректора приказ набрать группу учащихся для поездки в совхоз. И кто же, как ты думаешь, в эту группу попадает?

– И Гера, и вы! – подал голос Сидор.

– Верно, – методично уничтожая клешнями останки наемной убийцы, сказала Анна Николаевна. – Я была сама не своя от счастья, хотя с нами еще ехали двенадцать девчонок-виолончелисток, читай – лютых соперниц. Я с ними расправилась, но об этом разговор позднее.

Итак, приехали мы в совхоз, поселились у местных жителей. Я определилась на постой к семидесятилетней, крепкой, как дуб, хозяйке по имени Прасковья Микулишна. Первым делом она показала мне, где у нее, пардон, сортир, а где огород. И то и другое было в дюжине шагов от избы. В сортире, деревянном, крепком, вместо привычной нам туалетной бумаги

лежала книга «Цемент» писателя Гладкова. Я не думаю, что Прасковья Микулишна за что-то не любила именно писателя Гладкова, просто страницы в книге были мягкие. А еще изнутри туалет оклеен был старыми плакатами советских времен. Призыв одного был очень актуальным: «Даешь продукцию сверх плана!» В общем, живописный был сортир.

А в огороде у тетки Прасковьи все ходило по струночке. В теплице плодились бокастые румяные помидоры, на грядках поспевали огурцы, баклажаны, кабачки да тыквы. Ну и картошки было посажено соток двенадцать. Тетка Прасковья еще к тому же держала кур, поросят, корову и как-то ухитрялась командовать всем этим хозяйством в одиночку – муж, по ее словам, давно помер от цирроза печени.

Вот к ней и подселась юная закомплексованная пианистка с чемоданом, полным нот и стихов Беллы Ахмадулиной.

Пару дней ушло на знакомство с деревней и местным клубом. Пианино в клубе оказалось на удивление хорошо настроенное, так что к вечеру второго дня я уже дала маленький фортепианный концерт трем кошкам и одной собаке, случайно забредшим в клуб.

На третий день, прямо в пять часов утра, будит меня тетка Прасковья и говорит:

«Неча скалдырничать! Иди свиньям помоев дай! И кур на точок выгонь!»

Я онемела, сначала от изумления, потом от возмущения. Как?! Мне – пианистке – велят нести помой свиньям! Да еще этот «точок» и куры!

«Я не за этим приехала, – сварливо сказала я тетке Прасковье. – Я приехала знакомить вас с моим искусством».

«Заладила: искуста, искуста! Жрать хочешь? Тады работай!»

И веником шуганула меня с полатей.

Пришлось мне нести помой злобному борову по кличке Басурман и его женам Нюхе, Трюхе и Ряхе. Потом я разобралась с курами, а тетка Прасковья подоила корову. Она сделала небольшой перерыв на завтрак, после чего дала мне в руки тятку и показала, как окучивают картошку. И я поняла, что Листу и позднему Шуману так и суждено пылиться у меня в чемодане, тогда как главная моя задача – окучить двенадцать соток проклятой картошки.

Естественно, за один день это невозможно. Картошка бескрайне простиралась вокруг моей хрупкой фигурки, я натерла мозоли на ладонях и оттого плакала. Но все же вечером, вернувши тятку в сарай и получивши от тетки Прасковьи неулыбчивое «будя» вместе с ужином, я надела свое лучшее платье и отправилась в клуб, где встретилась с сокурсниками. Выглядели они нагло и свободно. Ни одной виолончелистке не досталась хозяйка, которая прописала бы трудотерапию тщедушной студентке.

Начались танцы. Все девчонки, конечно, просто мечтали о том, чтобы их пригласил Гера. Но Геры на танцах не было. Он куда-то запропастился вместе со своей флейтой.

Я подпирала спиной дощатую стену и сверлила взглядами ненавистных виолончелисток. Они похватили себе кавалеров из местного населения и вовсю отплясывали в своих модных юбках. И тут ко мне подошел танк. Или трактор «Беларусь». В общем, по-другому описать эту гору блестящих от пота смуглых мускулов не представлялось возможным.

Одет танк был в тельняшку и спортивные штаны, ступни сорок седьмого примерно размера ласково обхватывались непомерной величины кедами. Моя голова приходилась

примерно на его пуп. И вот с высоты своей многопудовости танк пробасил мне:

«Потанцуем?»

Я быстро прикинула варианты. «Да» – и его лапищи раздавливают в кисель мою талию. «Нет» – и многопудовая длань опускается мне на голову, гася последние остатки самолюбия.

И еще я вспомнила, что я – храбрая девушка. В нашей консерватории мне даже по этому поводу немного завидовали.

И я сказала, вернее, пропищала в районе фа-бемоль:

«Потанцуем!»

Одна рука гиганта на удивление бережно обвила мою талию, а другая нежно подхватила мою ладонь. Танк повел меня в танце под заигранную мелодию Доги из фильма «Мой ласковый и нежный зверь», и танцевать с ним было довольно приятно. Уже хотя бы потому, что остальные парочки расступались перед нами, как яхты перед ледоколом.

Мы потанцевали и вернулись к стенке. Но теперь возле стенки стоял диванчик, и на него мой кавалер посадил меня.

«Меня зовут Сергей», – неожиданно застенчиво объявил мой кавалер.

«Аня», – без чопорности представилась я.

«Ты у Микулишны живешь?» – спросил Сергей.

«Да. А как ты догадался?»

«У тебя мозоли на ладонях. Все городские, кого к Микулишне селят, быстро такими мозоляками обзаводятся».

«Я картошку окучивала».

«Ну и как?»

«Ужасно! – сказала я и вдруг рассмеялась. – Все равно я ее победю. Побежду. Эту картошку».

«Ты в консерватории учишься?»

«Угу. – Я удивилась тому, что трактор с первого разгона так умело проскочил заковыристое слово «консерватория». – По классу фортепиано».

«Это в смысле пианино?»

«Совершенно верно».

«Люблю пианино. Или рояль. Я сам могу играть немножко – школьная учительница по музыке меня обучила».

Я вежливо это слушала, понимая, что союз пианино и Сергея – еще один житейский абсурд. И тут мой кавалер говорит:

«Пойдем в актовый зал. Я хочу послушать, как ты играешь».

Я слегка задрала нос, и мы ушли с танцев на второй этаж клуба, где находился актовый зал. Там на сцене стояло пианино, на котором я уже давала сольный концерт перед местной живностью.

Сергей двумя пальцами приподнял меня за талию и отправил на сцену. А сам сел в переднем ряду – слушать.

Я сыграла «Баркаролу» Чайковского, потом его же «Вальс цветов», потом пару ноктюрнов Шопена. Сергей весь превратился в слух. И даже кеды его не портили.

«Ну как?» – спросила я.

«Ты здорово играешь».

«Ты, кажется, говорил, что тоже умеешь играть. Прошу», – сделала я приглашающий жест.

Сергей взобрался на сцену (полы утробно загудели) и сел за инструмент. Я стояла рядом, чего-то стыдась. Я понимала, что этот деревенский увалень сыграет мне максимум вступление из «Лунной сонаты» и будет этим гордиться, как дурачок – красной рубахой...

Пальцы Сергея уверенно легли на клавиши. И так легко! Я вдруг увидела, что его пальцы вовсе не грубы, а, наоборот, очень чутки. И он заиграл.

Сначала я ничего не поняла. То, что он играл, казалось мне хаосом, бессмысленным набором нот. А потом... Потом я поняла, что он играет одну из сложнейших композиций Гершвина.

Вот тебе и трактор.

Я слушала его, зачарованная и одновременно стыдящаяся своего городского снобизма.

Сергей закончил играть.

«Ну как?» – спросил он.

«Потрясающе! – выдохнула я. – Ты все врешь. Ты пианист от Бога, никакая учительница не может выучить такому...»

«В общем, ты права. Я самоучка. – Сергей встал и закрыл крышку пианино. – Как-то так само получилось».

«Тебе надо в консерваторию!»

«А механизатором кто за меня будет?» – грустно усмехнулся Сережа.

Я, помнится, приводила ему массу доводов в пользу консерватории, но он выслушал это как детский лепет и предложил прогуляться.

На улице уже был поздний вечер, но главная совхозная улица просто ломилась от фланирующей по ней публики. Все виолончелистки повстречались нам с Сережей. У виолончелисток были нормальные парни. Представляю, как я и Сергей смотрелись со стороны: гигант и пигалица! А Геры нигде не было видно. Ну и черт с ним, решила я.

Пока мы шли до дома Микулишны, мы успели сменить массу тем для разговора. Мне было действительно интересно с Сергеем. Но куда интереснее было то, как отнеслась к нему моя хозяйка.

«Чаво приперсси?» – мрачно рявкнула она с порога на Сергея.

Я ужасно удивилась и разозлилась. Да какое ей дело?

«Я Аню провожал, – сказал Сергей. – Ухожу».

И мне:

«Еще увидимся».

И растаял в темноте яблоневого сада, примыкавшего к дому моей хозяйки.

Тетка Прасковья смерила меня взглядом и спросила:

«Больше себе никого не смогла найти?»

«Я и не искала», – отрезала я.

Микулишна смягчилась:

«Ладно, иди ужинать. Серега – малый неплохой, да только...»

«Что – только?»

«Много будешь знать, скоро состаришься. Иди в хату».

Я поужинала и легла спать. А посреди ночи проснулась от стука в окошко.

Я испуганно приподняла занавеску, но тут же успокоилась – это был Сергей.

«Тебе чего?» – спросила я, открыв окно.

«Пойдем погуляем».

В те времена девушка, услышав ночью такое от парня, должна была требовать от него сначала прогулки в загс. А во мне вдруг проснулась какая-то бесшабашность. И еще аромат. Я услышала терпкий аромат каких-то цветов, они были явно незнакомы мне, но почему-то создавали ощущение дежавю.

Я быстро натянула платье, Сергей помог мне выбраться в окошко. И протянул мне венок из цветов, немного напоминавших ромашки. Эти-то цветы и пахли так дурманяще.

«Что это за цветы?» – спросила я.

«Ведьмины», – ответил Сергей.

«Как это?»

«Да так их называют».

Я надела венок на голову и...

Мир перевернулся.

Я словно вошла в теплую воду. Все замедлилось. Вокруг меня плавно кружили ночные бабочки, четко и отрывисто выводили свои песни ночные птицы... Ночь стала яркой, полихромной, ароматной, звучащей. Как будто вся ночь вдруг решила сыграть Второй концерт Рахманинова!

И тут я взглянула на Сергея. Он тоже изменился. Теперь это был дивной красоты белый волк с горящими желтыми глазами.

«Ты оборотень», – тихо проговорила я первое, что пришло в голову.

«Да, – раздалось в моей голове. – А ты ведьма».

«Я ведьма?»

«Да».

«Но я об этом ничего не знала!»

«Теперь знаешь. Ведьмины цветы разбудили твою память».

«Но я не умею, как это... колдовать!»

«Научишься. А теперь поскачем!»

Я села на спину волка, вцепилась в его мощный загривок, и он понес меня в ночь. Это было самое прекрасное ощущение в моей жизни: скачка сквозь ночь, навстречу хлещущим тебя по щекам звездам.

Мы долго скакали, наконец остановились в лесу, в овраге. Тут рос папоротник и мох, журчал ручей – радость для наших разгоряченных тел. И... да, я ему отдалась.

– Волку? – спросил Сидор.

– Нет, на тот момент он перекинулся. До него у меня не было мужчин, да и после – таких – тоже.

А утром я оказалась в своей постели, и о ночном приключении напоминал только увядший венок на тумбочке. Этот венок усекла Микулишна и сказала мне с неожиданной злобой:

«Теперь ты знаешь, кто ты! А это все равно ничего не меняет! Картошку иди окучивай!»

И тут у меня само сорвалось. С пальцев. По язычку пламени. Микулишна на это поглядела и присмирела. И больше не приказывала мне заниматься сельским трудом, хотя я, наоборот, почуяла в себе небывалые силы и ухаживала за картошкой, огурцами и кабачками так, что любо-дорого.

По ночам мы проводили время с Сережей. Ах, это была такая любовь! Гера с его флейтой был мною прочно забыт. Мы устраивали бешеные скачки по полям, бродили по глухим лесам и, конечно, занимались любовью так, что никакой «Камасутре» и не снилось. Но все подходит к концу, подходил к концу и срок нашего пребывания в совхозе.

В ночь перед отъездом Сережа сделал мне предложение. Я согласилась, но с тем условием, что сначала окончу консерваторию. Мы решили жить в деревне, оборотню да и ведьме в деревне легче скрыться от посторонних глаз.

Но нашему счастью не суждено было состояться. Зимой Сережу застрелили. Серебряной пулей. Причем тогда, когда он был в образе человека. Милиция так и не нашла преступника, а для меня кончилось все, что называлось счастьем.

Потом был ковен, я вошла в круг сестер-ведьм, получила сан Посвященной. Но все это не могло унять мою боль и тоску. Я до сих пор тоскую. Я ведь так и не вышла замуж, Сидор. Больше никогда.

Сидор поплакал, Анна Николаевна доела убийцу. Так и закончилась эта во многом замечательная ночь.

А наутро всех разбудил Малыш Бун.

– Господа и дамы! – возгласил он. – Дело не ждет! Пора в путь.

И вся компания во главе с Кайминшоу отправилась в путь, во Дворец Прета-Локи, в гости к тетушке Дзендзян.

Путешествие проходило спокойно, и погода путников поначалу сопровождала замечательная. Но сразу же после полудня небо затянули мрачные облака, задул ветер, засакакали между небом и землей ветвистые молнии.

– Беда! – проревел Кайминшоу. – Боги чем-то недовольны, вот и испортили погоду. А в Прета-Локи можно добраться только по хорошей погоде. Вернемся!

Но вернуться они не успели. Полыхнули одна за другой две особенно яркие молнии, и перед нашей честной компанией материализовались два светящихся яростным светом воина в доспехах и с мечами.

– Воины! Кто вы? – прогремел Кайминшоу. – Никто не смеет обнажать оружие в этих священных местах! Назовитесь!

– Я – Лалит, дхиан Хаоса, – назвался первый воин, точнее, воительница.

– Я – Лекант, дхиан Порядка, – прокричал второй воин.

Вот уж кто в зубах навяз!

– Мы вас не ждали, – заговорил Кайминшоу. – Среди этих мест хозяин – я, поэтому вы должны выполнять мои повеления. Первое повеление: мечи в ножны!

– Хорошо, мы уберем оружие, – торопливо заговорила Лалит, вбрасывая меч в ножны и подходя к Кайминшоу. – Но вы, господин, должны понять...

– Ничего я вам не должен, дхианы, – отрезал Кайминшоу. – То ваши небесные разборки. Что вам надо?

– Браслеты богов, – сказала Лалит. – Я узнала, что они находятся у твоей жены, повелитель Куньлуны. Отдай мне их, и твоя жена не пострадает.

– Угрозы?! – зашипел Кайминшоу. – Да кто ты такая!

И пара голов монстра дунула на Лалит пламенем.

Лалит пошатнулась и все-таки устояла. Доспехи на ней почернели от сажи, но сама она была как свежий огурчик.

– Отдай браслеты! – завизжала она.

– Ты их недостойна! – сообщили восемь голов, а девятая повернулась к Друкчену и подмигнула желтым глазом.

И Друкчен все понял. Пока чудовище отвлекало спором воительницу Лалит, он, замирая, подошел к Леканту и сказал:

– Господин, вот браслеты. Возьми их.

Лекант схватил браслеты:

– Откуда они у тебя, бессмертный?

– Это неважно, – сказал Друкчен. – Важно, что теперь они у тебя, а я выполнил свое дело.

Лекант надел браслеты. И тут все увидели, как за спиной его выросли крылья из тысячи тысяч золотых перьев.

– Лалит! – громовым голосом крикнул Лекант. – Ты проиграла!

Лалит обернулась и увидела браслеты на руках своего заклятого врага. Лицо ее исказила неистовая злоба.

– Будь ты проклят! – крикнула она Леканту. – Тебе все равно не победить меня!

– Поздно, – сказал Лекант. – Теперь и ты и Собхита в моих руках.

– погоди, – крикнула Лалит. – У меня есть еще козырь!

Она развела руки в стороны, а затем резко соединила их. Меж рук проскочила молния. Молнии в ответ ударили и с неба. А когда этот кошмар прекратился и хлынул обычный ливень, все увидели у ног Лалит нагое девичье тело.

Лалит потолкала тело носком изящного сапога.

– Эй, поднимайся, маленькая дрянь! Посмотри-ка, все собрались здесь только ради тебя!

Тело зашевелилось. Под пинками Лалит на ноги поднялась молодая женщина с животиком, обозначающим ее как беременную.

– Лиза! – закричал Влад, бросаясь к жене.

– Тийя! – взвыл Лекант и закачался.

И тоже бросился к женщине.

– Стоять! – торжествующе взвизгнула Лалит. Ее меч оказался у горла Лизы. – Мальчики, примите мужественное решение: браслеты или эта шлюшка. Если я не получу браслеты, то на ваших глазах заколю ее. Мало того. Я вырежу у нее из чрева нерожденного ребенка и тоже покажу вам!

– Лалит, не смей! – кричал Лекант. – Она ни в чем не повинна!

– На колени, дхиан Порядка! – Лалит явно упивалась ситуацией.

Лекант упал на колени. Его упавший меч подхватил лемуриец.

– Лалит, сразись со мной! – Крик Владимира резал скалы как нож масло. – Или ты способна воевать только с беременными женщинами?!

– Лемуриец, – протянула Лалит, – в другой раз я с удовольствием сразилась бы с тобой, но не теперь. Браслеты!

Лиза меж тем открыла глаза и увидела мужа.

– Володя! – заплакала она. – Мне уже ничего не поможет! Оставь меня, живи сам!

– Глупости какие, – сказал лемуриец, поудобнее перехватывая меч. – Без тебя, Лиза, и вечность – с игольное ушко.

Он замахнулся мечом, Лалит отразила его удар. Ей поневоле пришлось оттолкнуть Лизу от себя, потому что женщина мешала ей. Лиза упала, откатилась в сторону. И тут же оказалась меж клешней Анны Николаевны Гюллинг.

– Отличненько, – прошелестела Анна Николаевна. – Здравствуй, Лиза.

– Вы кто? – ужаснулась виду ведьмы девушка.

– Я Анна Николаевна Гюллинг, а это наша честная компания. Пока твой муж сражается с Лалит, я передам тебя под защиту нашего замечательного Кайминшоу.

– Почту за честь, – пробормотал едва слышно одной головой монстр, а Мой-нян уже прикрывала плечи Лизы халатом с длинными широкими рукавами. – С возвращением, милое дитя.

– Не отдавайте меня ей, – стуча зубами, выговорила Лиза.

– Ни в коем случае. Я отвечаю за тебя, – сказал Кайминшоу.

Тут выступила Анна Николаевна:

– Великий Кайминшоу и вы, друзья! Молитесь за меня Будде Авалокитешваре, чтобы я одержала победу!

И безумная ведьма ринулась в самую гущу схватки меж Владом и Лалит.

Тут только дхиан Хаоса сообразила, что пленница ее уже свободна.

– А, ракшасы! – взвыла она. – Лизка, вернись немедленно или я убью твоего мужа!

– Лиза, ни с места, – приказал Владимир. – Я бессмертен, к тому же это лишь ментальный слепок с тела!

Лалит зарычала, и тут одна из копьевидных ног-лап Анны Николаевны пробила ее насквозь.

– Так-то, – удовлетворенно проскрежетала Анна Николаевна и выдернула ногу из раны.

Из тела Лалит хлынула золотая кровь.

– Смешно! – вскричала дхиан. – Я же неуничтожима, я всегда могу восстановиться.

И точно, через миг рана затянулась, словно ее и не было.

– Руби ее на куски! – прокричала Владу Мой-нян. – Так она потеряет тело.

– Именно! – поддакнул Кайминшоу. – Дхианам требуется время, чтобы вырастить новую плоть.

– Отруби ей голову! – крикнул кто-то из свиты Друкчена.

И тут Друкчен всех потряс. Он выхватил меч и ринулся в схватку, хотя понимал, что ему далеко до мастерства лемурийца. Лалит отмахнулась от него, как от назойливой мухи...

– Остановитесь! – прогремело вдруг с небес.

И все замерло. Замерли Влад и Друкчен, замерла Лалит – словно муха в патоке. А с неба по облакам точно по ступеням спускалась сама тысячерукая Гуаньинь – Будда Милости.

Гуаньинь остановилась перед Лалит:

– Дхиан Хаоса, твои грехи и несовершенства переполнили чашу терпения богов. Это низко, недостойно, ничтожно. Ты будешь развоплощена.

Гуаньинь легко коснулась лба Лалит, и та превратилась в стаю черных жужжащих мух. Мух подхватил ветер и унес неведомо куда.

– О Гуаньинь! – воскликнул Кайминшоу. – Смилуйся над нами и не осуди. Мы рабы твои.

И все поклонились великой богине.

– Ты восстановила справедливость, о милостивая, – сказал Владимир, отбрасывая меч.

– Нет, – покачала головой Гуаньинь. – Я только проявила милость. Справедливость подобает восстановить вам. Вы должны остановить Мальчика.

– Но как?

– Подумайте. Одно скажу: умереть он не должен. Он должен быть судим.

И Гуаньинь исчезла.

Наши герои помолчали, отдавая должное богине. А потом Кайминшоу сказал:

– Глядите-ка! Этот герой тоже исчез!

Он говорил о Леканте. Действительно, дхиана Порядка не было и в помине.

Анна Николаевна презрительно хмыкнула:

– И это называется мужчина! Схватил свои браслеты – и деру. Даже не извинился перед Лизочкой.

Лиза и Влад обнимались.

– К черту этого дхиана и его браслеты! – воскликнул Влад. – Главное, что наконец-то мы с Лизой вместе.

И тут встрял Сидор.

– Проблема-то не решена, – сказал он. – Мы должны остановить Собхиту в его решимости завладеть всем миром. Но есть кое-кто, кто тоже хочет этого, правда, более радикальным способом.

– Лекант, – сказал Друкчен. – Он убьет собственного сына!

– Мы должны его остановить!

– Но как?

– Идемте к моей тетушке, – прогремел голос Кайминшоу. – Она в таких делах первый советчик.

Дождь кончился, небо очистилось, и когда наши герои добрались до Дворца Прета-Локи, то совсем развеселились.

Дворец был вытесан из базальта и поражал воображение. Он напоминал еще одну гору, раскинувшуюся среди трав и озер. Но вот наших героев встретили слуги тетушки Дзендзян и проводили в торжественный зал.

Тетушка Дзендзян развлекалась тем, что играла в мацзян. Ее двенадцать голов спорили между собой, но негромко и без особого пыла. И тут она узрела гостей.

– О боги! – громогласно воскликнула Дзендзян. – Наконец-то я развлекусь! Кайминшоу, негодник, ты специально явился с такой славной компанией?

– Да, тетушка, – поклонился Кайминшоу.

– Эй, слуги! – кликнула тетушка. – Накрывайте столы!

Немедленно тысячи невидимых слуг раскатали ковровые дорожки, поставили и накрыли столы и лавки, загремели посудой. Зал наполнился ароматом кушаний.

– Прошу вкусить моих разносолов, – сказала тетушка Дзендзян.

И хотя гости, после пережитых потрясений, не особенно хотели есть, все-таки они вкусили от хлебосольства двенадцатоголовой тетушки, опасаясь ту разгневать или обидеть.

– Ну, – прогрохотала тетушка, когда все насытились и перешли в залу с бассейном. – Расскажите мне всё о себе.

Роли рассказчиков взяли на себя Анна Николаевна и Друкчен. Они поведали тетушке о всех приключениях, случившихся с ними. Дзендзян благословила Гуаньинь, развоплотившую дхиана Лалит, и с интересом посматривала на лемурийца.

– Я никогда не видела истинных лемурийцев, – пояснила тетушка Дзендзян. – Оказывается, у них такие хвосты!

В бассейн подали теплую воду с ароматами роз и мандаринов, и все искупались в нем. Оказывается, к тому же это был не простой бассейн. Вода его залечивала раны, как телесные, так и душевные.

После бассейна наши герои отправились отдыхать, хоть было и не слишком поздно. Просто все устали от многочисленных событий этого дня.

...Владимир и Лиза сидели, обнявшись, на балконе и смотрели, как над Дворцом Прета-Локи загораются незнакомые созвездия.

– Володик, – прижалась к мужу Лиза, – значит, это тело – ментальный слепок, а настоящее твое тело в больнице Щедрого?

– Да. Но разве я от этого слабее тебя обнимаю? Твоя близость придает мне сил.

– Слушай, а ведь теперь, наверное, твое тело очнулось!

– Вот уж не знаю. Лизонька...

– Да, милый?

– Она сильно мучила тебя?

Лиза спрятала лицо на груди мужа:

– Я не хочу об этом вспоминать.

– И все-таки.

– Она мучила меня не телесно, а душевно. Тоска из одного вечного дня в другой, тоска и тоска! Мне было так одиноко, так горько и стыдно!

– А стыдно-то почему?

– Потому что я думала плохое.

– Что именно?

– Ох, Володик...

– И все-таки скажи.

– Я боялась, что не выдержу и уйду от тебя с Лекантом. Она специально травила меня

воспоминаниями о нем. Прости меня!

– Ты ни в чем не виновата, любимая. Виноваты Лекант и Лалит.

– А ты отпустил бы меня к Леканту, если что?

– Никогда. Только если бы была угроза для твоей жизни. И для жизни нашего малыша.

– Он иногда толкается.

– Эта тварь, Лалит, не могла нанести вред ребенку?

– Нет, она даже специально поклялась, что не причинит ему вреда.

– Ладно, поверим. А теперь идем спать.

– Спать?

– Ну я так это называю. Кстати, платье, которое тебе дала тетушка Дзендзян, к твоим глазам очень идет.

– Я рада была бы любому рубищу. Лалит держала меня нагой. А человек привык стыдиться наготы. И я ужасно страдала в ее покоях.

– Но теперь все кончено, слава Гуаньинь.

...А в покоях Дзендзян сидела Анна Николаевна, и две тетушки вели неспешный разговор за гадательными принадлежностями.

– Судьба привела вас ко мне потому, что из Дворца Прета-Локи легче всего выйти в мир смертных людей. Вам пора покидать Внемирье.

– А разве мы здесь все закончили?

– Суди сама, как легли стебли! Лемуриец вернул себе жену, золотоволосый отдал браслеты тому, кому их следовало отдать... Если вы хотите остановить Собхиту, вам надо идти в Дели. А это на Земле.

– Есть еще кое-что, почтенная Дзендзян.

– Что, Анна?

– Боюсь, я не смогу по выходе из Внемирья вернуть себе человеческий облик.

– Почему ты этого боишься?

– Я слишком сжилась с этим телом.

– Ну хорошо. Я помогу тебе. Видишь этот сундук?

– Да.

– Открой его.

– Смогу ли я своими клешнями...

– Сможешь, сможешь. Открывай.

И Анна Николаевна открыла сундук.

– Видишь красную накидку? Достань ее.

– И?

– И надень.

Анна Николаевна кое-как нацепила на себя накидку. И что же?! Она немедленно превратилась в человека. В смысле в ведьму в человеческом обличье.

– Носи эту накидку, пока не покинешь Внемирья. А в нормальном мире она тебе не понадобится.

– Как мне отблагодарить тебя, почтеннейшая Дзендзян?!

– О! От своего болтливого племянника я знаю, что ты – прекрасная рассказчица. Он передал мне историю про некоего Билли и шесть его жен. Есть ли у этой истории продолжение?

– Да, и весьма поучительное.

Тетушка Дзендзян захлопала в четыре руки:

– Расскажи мне! Так и скоротаем ночь.

И Анна Николаевна принялась рассказывать:

– Дошло до меня, о почтеннейшая Дзендзян, что великий виртуальный король Билли однажды прочел арабскую сказку «Кади и шесть его жен». И конечно же он не мог не обнаружить сходства между кади и его женами и собой и женами виртуальными. И однажды, войдя на свой сайт, он обнаружил там всех шестерых своих жен и сказал им:

«О возлюбленные! Давайте-ка сегодня поупражняемся не в стихотворном мастерстве, а в красноречии. Пусть каждая из вас восхвалит себя и осудит свою противоположность: умная пусть состязается с глупой, богатая с бедной, красивая с некрасивой. А я, как всегда, буду судьей и присужу победу самой красноречивой. Начнем с тебя, Эликсир Разума!»

И Эликсир Разума немедленно сплела искусную речь:

«О господин мой и повелитель! Ежедневно благодарю я богов, хотя, конечно, все боги – суть трансцендентальные измыслы, так вот, ежедневно благодарю я богов за то, что они наделили меня столь гибким и богатым разумом! Мой интеллект высок, мои знания энциклопедичны, я могу справиться с любой теорией и опровергнуть любой факт. Мне по плечу аксиомы и апории, я, словно рыбка в воде, нахожусь среди многообразных теорий и понимаю их все. Мой разум остр, как скальпель хирурга, сверкающ, как солнечный луч во мраке неведения, непобедим, как сонмы архангелов! Ни одна книга, ни одна теория, ни одно учение не представляет для меня сложности и новизны, я все испытала и прошла. Затей со мной состязание в математике, я посрамлю тебя, как Гаусс, предложи мне состязание в физике, будешь побежден мною, как Ньютоном. Мой разум обнимает всю Вселенную и проникает до самых отдаленных галактических систем! Даже когда мое тело дремлет, разум не спит и предлагает мне многообразные бытийственные концепции. Вот как хорошо быть умной! Но посмотрите теперь на Беззаботную Птичку! Что наполняет ее жизнь? Что дает ей волю к совершенству? Ответа нет, вернее, он слишком ничтожен. Беззаботная Птичка тратит свое бесценное время на покупку сумочек и косметики, бежит по салонам красоты, бутикам и ювелирным магазинам. Спросите у Птички, сколько книг она прочла за всю свою жизнь? Боюсь, ответ будет поражающим, но предсказуемым: ни одной. Или одну, но с названием «Как удачно выйти замуж»! Наша бесценная Беззаботная Птичка тратит на маникюр столько времени, сколько среднему ученому потребовалось бы на доказательство гипотезы Пуанкаре (хотя я сомневаюсь, что этим займется средний ученый). Так вот. Подытоживая свою речь, скажу: слава разуму и позор неразумию. Ну как?..»

«Великолепно! – тут же заплодировал Билли. – Ты, Эликсир, неподражаема. Похоже, ты наголову разбила свою соперницу!»

«Ничего подобного! Фью! – немедленно возникла Беззаботная Птичка и послала всем смайлик. – Я готова защищать свою позу, то есть позицию и ответить Эликсирчику очень даже сильно!»

«Ждем! Ждем!»

«Итак, – виртуально заговорила очаровательная Птичка. – Поговорим о разуме и неразумии. То есть о глупости. Считается, что быть умной хорошо, а быть глупой – плохо. Но, спрошу я вас, к какой женщине больше льнут мужчины? К той ли, которая насквозь проедает им плешь учеными речами, или к той, с которой можно насладиться минутами беззаботного смеха? Конечно, мужчинам предпочтительнее второй вариант, я имею в виду обычных мужчин, а не Перельманов всяких. Женщина не должна быть умной, это доказывает и то, что она сотворена из ребра, а ребро – это единственная кость, в которой нет мозга. Конечно, я не считаю, что женщина должна быть круглой идиоткой, но и высокий разум ей ни к чему. Вспомните Бриджит Джонс, замечательную героиню актрисы Рене Зеллвегер! Вот уж у кого ни ума ни фантазии! И тем не менее она влюбляет в себя мужчин, как школьников! И таких примеров из кино я могу привести немало. Да, я не особо люблю читать книги, есть такой недостаток. Но что уж такого важного в книгах? Что там скажут такого, чего я не знаю? «Твори добро, не делай зла»? Об этом мне говорила мамочка. «Е равно мц квадрат»? Об этом все мозги проталдычили в школе! Куда интереснее посплетничать в компании продавщиц любимого бутика или салона красоты. Уж они-то знают цену всему на свете и даже мужчинам. А что касается сумочек и косметики, то я со всей ответственностью заявляю: их не так уж и много у меня. Всего-то два шкафа и комодик. Маленький комодик, прошу заметить. И я не понимаю, как количество сумочек или пребывание в салоне красоты может оказать отрицательное влияние на разум. «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей!» Это еще Пушкин сказал! А с Пушкиным не спорят. Всё, я на распродажу туши «Риммель». Чаочки!»

«Вот так Птичка! – развеселились все. – Вот так поддела нашу главную умницу! Теперь ты, Эликсирчик, уже не будешь так высоко задирать нос. Тем более что Птичка знает о существовании Пушкина. Это уже прогресс!»

«Раунд первый сыгран! – возгласил Билли. – Победила Беззаботная Птичка!»

«Ур-ра!»

«Начинаем раунд второй: между Бриллиантовой Зарей и Церковной Мышкой! Приступайте, девочки!»

И Бриллиантовая Заря начала:

«Я богата. Я очень богата. Ну и что такого? Просто мне всегда везет. Еще в детстве я выигрывала в однорукого бандита, бильярд и подкидного дурака. Потом все мои родственники оставили мне наследство, а я, не будь душой, его приумножила. В этом мне очень помогла книга «Виндоус для чайников». Кстати, этим я могу доказать, Птичка, что есть и полезные книги. Быть богатой – здорово. Можно позволить себе все, что угодно, любой каприз. Меня, например, отлили из воска и поставили в музей мадам Тюссо. Всего за сто тысяч долларов. Но вы не подумайте чего, я свое богатство просто так не проматываю. То, что у меня в доме двадцать золотых унитазов, еще не означает, что я просто так расшвыриваю деньги. Я делаю взносы в благотворительные фонды и фонды поддержки искусства и музыки. Я собрала самую большую в мире коллекцию импрессионистов и собираюсь завещать ее Лувру. В моем доме гостят самые знаменитые художники, певцы, актеры и прочие сливки общества. Президенты многих стран здороваются со мной за руку,

потому что их экономика зависит от моих дотаций. Я не скупая, я не жалею денег. Но – на толковые дела. И кстати, у меня сумочек всего три, Птичечка. Всё, я закончила расхваливать себя. Теперь покритикую свою пару. Бедность – это ужасно. Это только говорится, что бедность не порок, порок, да еще какой! Бедность толкает на преступления, на пьянство, на наркоманию! В бедном нет ни капли собственного достоинства, потому что все попрекают его за бедность. У него нет нормального жилища – за приличный дом надо платить приличные деньги. Он не питается нормально, вследствие чего страдает от анорексии, авитаминоза, анемии и прочих неприятных болезней. Бедную девушку никто не хочет брать замуж – что толку в бесприданнице, буде она даже и красotka, каких мало. Итак, богатству – да, бедности – нет!»

«Отлично, Заря! – воскликнул Билли. – Кстати, дорогие мои, прошу не забывать, что финансово существование нашего сайта поддерживает именно Зорюшка. Но теперь слово нашей Церковной Мышке, что она скажет в свое оправдание?»

«Я не стану оправдывать себя, – заявила Церковная Мышка. – Пусть сама моя жизнь станет моим оправданием. Да, я бедна. Но зато и совесть моя чиста. Я не ворую, не подсиживаю, не интригую бесконечно, не вырываю у других их куски добычи. Все это – удел богатых. Я же, встав утром в своем бедном жилище, радуюсь росе, выпавшей на лепестки цветка, улыбаюсь солнцу и небу, ясному-ясному, такого не увидишь в ваших городских мегаполисах. Я работаю честно и на достойной работе, меня уважают и ценят. Пусть я скромно одета и мало ем, но зато тому, кто взял бы в жены такую, как я, не пришлось бы много тратиться. Я никому не завидую, не мыслю злого, сорадуюсь истине. В конце концов, и апостолы Христовы были бедны и сами о себе говорили, что и алчут, и жаждут, и нечем им прикрыть наготу. А богатство? Это же постоянный страх – что пропадет, что украдут, что какая-нибудь катастрофа заставит лишиться его. На бедняка не охотятся наемные убийцы, о нем не ищут сплетен, его душа чиста. Тогда как за богачом везде следует охрана, да и ту можно подкупить, предложив больше денег. Нет, бедность – не порок, порок – богатство, и я молню богов, чтобы они оградили меня от этого порока!»

«Ого, Мышка, ты круто взяла, – только и заметил Билли. – Слишком переходишь на личности, а это нехорошо. В этом раунде победила Бриллиантовая Заря!»

«А я и не сомневалась, что она победит, – смиренно заявила Мышка. – Кто прислушается к голосу бедности?»

«Ладно, ладно, – успокоил ее Билли. – Переходим к нашей следующей паре: красавице Розе Миров и, скажем так, дурнушке Зеркалу Правды. Кто начнет?»

«Позвольте мне, – всунулась Зеркало Правды. – Спасибо прежде всего за то, что назвали меня дурнушкой. Все остальные кличут уродиной, ни больше ни меньше. Что я скажу в защиту своей некрасивости? Только одно: красавиц много, а настоящих дурнушек можно по пальцам пересчитать, они среди толпы выделяются, как пальмы среди кустов. Да, я некрасива. Но при этом я умна не меньше Эликсира, талантлива, как Церковная Мышка, и живу в свое удовольствие, как Заря. Мне не надо опасаться насильников и презирать мужчин – они сами боятся и презирают меня. Вы думаете, мужчина – это такое уж счастье?! Ничего подобного! Мужчина – это заботы, постоянное притворство, страх потери. Ну посудите сами: женщина, у которой есть мужчина, всегда ему врет. Как? Да по-всякому. Своим внешним

видом – красится, прихорашивается, чтобы он считал ее красоткой, старается вкусно готовить, чтобы не распробовал чужих кушаний и не ушел к другой. А может, ей вовсе не нравится готовить! Может, она лучше потратила бы это время на чтение или рукоделие! А жизнь красавицы подобна преисподней! Всегда бояться за свою внешность и фигуру, опасаться соперниц, ненавидеть визажистов и пластических хирургов, да что может быть хуже?! И потом, красота – такое слабое, относительное понятие. То, что красиво нам, вызовет отвращение у жителя Гвинеи-Бисау. И наоборот. Так что красоткам я не завидую. Я их просто жалею. Как сестра».

«Вот уж не надо мне твоей жалости! – тут же возникла Роза Миров. – Я сама умею за себя постоять. Да, я красавица. И я переживаю за свою красоту и действительно боюсь ее потерять. Но вдумайтесь: что такое красота и совершенство? Это божественные явления! В древности люди делали богов красавцами и лишь демонов – уродами. Да и сейчас говорят: красива, как ангел, и страшна, как черт. Мужчины от меня без ума, и вовсе не потому, что я стимулирую их похотливое воображение. Я воздействую на их чувство прекрасного и потому никогда не бываю одна. Меж тем как тебе, Зеркало, уже просто надоело одиночество, вот ты и злишься. Все стараются быть красивыми или хотя бы симпатичными, потому что красота – это естественно. А вот уродство всегда противоестественно, поэтому его так ненавидят и боятся. Фу, у меня все».

«Что ж, в этом раунде не выиграл никто, слишком много приведено доказательств правоты. Да, девочки, это и не нужно. Мы просто поиграли в игру. А теперь давайте сходим на сайт современной «Камасутры».

Вот так и закончилась история про Билли и его шестерых виртуальных жен.

– Ну как вам? – спросила Анна Николаевна тетюшку Дзендзян.

– Очень мило, главное, что я практически ничего не поняла. Но звук вашего голоса производит такое волшебное впечатление!

И мадам Гюллинг рассмеялась вместе с матушкой Дзендзян.

Следующие трое суток гости провели у двенадцатиголовой тетюшки, не особо страдая и заморачиваясь относительно конца света. Но пора и честь знать. Первой заволновалась Лиза.

– Мы должны вернуться домой! Владу нужно тело, да и потом, я боюсь за нашего ребенка...

Решили бросить гадательный камень – кому куда идти. Но гадательный камень не сказал ничего толкового.

– Не волнуйтесь, – успокоила своих гостей тетюшка Дзендзян. – У меня есть особая трава.

– Какая трава? – насторожилась бывшая наркоманка Лиза.

– Выпив настой этой травы, человек засыпает. А просыпается в том месте, которое загадал. Или пожелал. Все просто.

Недолго думая тетюшка Дзендзян приготовила настойку. Ее выпили все, кроме Кайминшоу и Мой-нян – им-то некуда было возвращаться, кроме собственного дома. Перед тем как выпить, все друг с другом попрощались: кого куда закинет мысль или мечта?

И тут нашему повествованию, как и героям, волей-неволей придетсяделиться. Но вы, о благороднорожденный читатель, не огорчайтесь. Автор (напоминаем про портрет с

крысами) постарается осветить пути всех своих героев. Тем более что встретиться им скорей всего придется 21 декабря 2012 года и что-то предпринять особенное. Из ряда вон.

А пока мы последуем за четой Логиновых – Владом и Лизой. Они уснули во Дворце Прета-Локи с твердым убеждением, что им надо попасть в больницу города Щедрого – именно туда, где лежит тело Владимира.

...Сон, вызванный волшебной травой, медленно проходил. После него оставалась легкая головная боль. Лиза проснулась первой и обнаружила, что они с Владом лежат на полу больничной палаты. В палате стояла одна кровать, и на ней тоже кто-то лежал.

– Во-ло-о-одик! – протянула Лиза шепотом. – Просыпайся! Кажется, прибыли.

Владимир открыл глаза.

– Узнаю потолок, – сказал он. – Это моя палата!

Они встали и подошли к кровати. На ней действительно лежало тело Владимира в состоянии глубокой комы.

– Вот странно, – сказал Влад, глядя на самого себя. – У него борода отросла, а у меня нет.

– Потому что это плоть, а ты не совсем плоть.

– Ладно. Пора воссоединяться.

– А как?

– Кулон.

– Ой, вот он. Я его все время носила на шее, боялась потерять. Возвращаю имущество хозяину.

Лиза слабо улыбнулась, снимая кулон. Она, если честно, ужасно боялась, что ментальное и физическое тела Влада не сойдутся характерами.

Влад надел кулон на шею тела. И не успел он отвести рук, как между его ладонями и грудью бородатого Влада проскочила зеленая молния.

– Лиза! – вскрикнул Влад, но все уже свершилось.

Все, что должно было соединиться, – соединилось. И самое главное – воссоединенный Влад открыл глаза и встал с кровати.

– Лизочек, – сказал лемуриец, – можешь обнять меня как новообретенного супруга.

– С удовольствием.

Они обнялись и поцеловались.

– А теперь домой!

И тут распахнулась дверь палаты. На пороге стоял мужчина, по виду совершенный медведь. Это был психиатр Олег Иевлев, друг Влада, поддерживавший в нем жизнь в отсутствие Лизы и кулона.

– Влад? Ты на ногах? Боже ж ты мой... И Лиза! Вы вернулись!

– Здравствуй, Олег, – сказал Владимир. – Мы действительно вернулись. Слушай, мы поедem домой, а ты забежишь к нам завтра? Посидим, выпьем! Мы тебе расскажем о Бардо.

– Ребята, – улыбнулся Олег, – это, конечно, здорово, но проблема в том, что отпустить я вас не могу.

– Почему? – страшно удивились Логиновы.

– Вы будете смеяться, но в Щедром эпидемия. Птичий грипп. Больница на карантине. Я не могу вас выпустить. Вы заразитесь.

– Олег, что за чушь? – возмутился лемуриец. – Выпускай нас, и дело с концом! Подумаешь, птичий грипп! Да уж если на то пошло, сделаем прививки. Правда, Лизок?

– Владимир, не гоношись, – помрачнел Олег. – Я же сказал: нельзя! В конце концов, подумайте о своем нерожденном ребенке – не дай бог, плод подхватит заразу!

– Олег, – металлическим голосом проговорил Владимир, – спасибо тебе за беспокойство, но мы уходим. Лиза, руку!

– Ну, Володька, ты сам напророчился, – вздохнул психиатр.

Дальше все произошло мгновенно. Олег вытащил из кармана медицинской куртки шприц и воткнул его в предплечье Владимиру.

Лиза закричала, бросаясь на Олега:

– Что ты делаешь, подонок?!

Лемуриец тяжело осел на пол. Глаза его закатились, в уголке губ показалась пена.

– Что ты ему вколол? Ты! – Лиза замолотила кулачками по груди Олега.

Тот отвел ее руки:

– Алпразолам. Немного полежит. Очнется, будет сговорчивее. Лиза, тебе не хочу колоть – подумай о ребенке, повторяю. Поэтому води себя тихо и скромно. В этой палате, ребята, вам придется посидеть некоторое время. Пока мы не решим, что можно вас выпустить.

– Кто это «мы»?!

– Комитет по борьбе с эпидемией. Все, я пошел. Лиз, ты не волнуйся, он скоро очнется. Еду и питье вам будут приносить. Ванная, туалет в палате. Горячая вода, мыло, шампунь – всё есть.

– Мерзавец! Предатель! Приготовился, да?

– Приготовился. Вы еще спасибо скажете.

Олег ушел, захлопнув дверь. Было слышно, как в замке повернулся ключ.

– Да что же это! – Лиза едва не заплакала.

Она попыталась приподнять мужа, но тот был слишком тяжелым. Лиза просидела около него с четверть часа, горя и размышляя о побеге. Они были в Бардо, черт побери, и сумели оттуда выбраться! А уж из больницы-то!

– Лиза, – простонал муж, открывая глаза. – Ты не волнуйся, я его еще встречу.

– Володик, ты об этом не думай, сосредоточься на том, как тебе встать. Я не могу тебя поднять, а на полу холодно, еще простудишься...

– Еще б тебе меня поднимать! Ничего, я уже практически в норме. На лемурийцев вся эта психотропная мурня практически не действует. О! Вот это номер!

Владимир встал и, пошатываясь, подошел к стене. В декоративном панно он, а за ним и Лиза увидели объектив видеокамеры.

– Мило, – прокомментировал Владимир. – Надо это чем-то залепить.

– Не надо, – качнула головой Лиза и двумя пальцами растерла объектив в порошок.

– Я все никак не могу привыкнуть к твоей силе, – восхищенно сказал Влад.

– Что я, зря была умертвием, что ли? – усмехнулась в ответ Лиза.

Тут надо заметить, что Лиза, когда была умертвием, оказалась наделенной большой,

просто сверхъестественной физической силой. Когда к Лизе вернулась жизнь, сила никуда не делась, ее даже стало больше. Правда, действовала сила избирательно. Мужа Лиза поднять не могла, а вот видеокамеру сломать – пожалуйста.

– Надо посмотреть, нет ли тут еще камер и жучков, – сказал Владимир.

Они внимательно осмотрели всю палату. Жучок нашелся в кардиомониторе, и еще одна камера над дверью ванной комнаты. Всё это, естественно, немедленно уничтожили. И плюс к тому – забаррикадировали кроватью дверь.

– Теперь у них нет за нами наблюдения, и они могут здорово разозлиться.

– И вломиться сюда со смиренными рубашками.

– Нет, не вломятся. Слушай, надо посмотреть в туалете и ванной – может, есть окошки на волю?

Осмотр ванной ничего не дал. Окошек не было. А когда они открыли дверь туалета...

...то ахнули.

На опущенной крышке унитаза сидел не кто иной, как старичок по прозвищу Малыш Бун.

– Малыш Бун?! – ахнул Влад. – Ты-то как здесь оказался?

– Тихо, – по-русски сказал старичок. – Камеры все разбили?

– Вроде да.

– Я все слышал. Насчет карантина брехня наверняка. Надо отсюда выбираться.

– Но как?! И потом, как вы, китаец...

– Хе-хе. Наивные вы.

Малыш Бун встал. Воздел руки, а потом начал ими водить по лицу и телу, как будто смывал мыльную пену. Со старичка посыпались искры, превращавшиеся в песок при соприкосновении с землей, точнее, с полом туалета.

И вот...

– Благословенны будьте! – с невыразимой улыбкой на лице приветствовала всех Юля Ветрова.

В этот момент истины она была невероятно хороша и торжественна.

Тут прямо надо сделать паузу.

Пауза пошла.

Пауза прошла.

– Юля? – ахнула Лиза.

– Губернатор? – ахнул и Влад.

– Гы, это очень мило, – сказала Юля, – что кто-то еще помнит о том, что я губернатор. Но сейчас я ведьма и как ведьма интересуюсь: что за бардак?

– То есть?

И Лиза молча повисла на шее у Юли.

– Карантин, уколы, камеры... Мне все это не нравится. Вот что. Сейчас я слеплю мороков – глубоких, на несколько часов, а сами мы с вами переместимся, набросив невидимость, в мой дом. Надо поговорить и все обдумать.

Юля взяла по капле крови у Влада и Лизы, капнула на их носовые платки, потом завязала платки четырьмя узлами и сказала:

– Нарипаю не сущее яко сущее. Пребудьте!

Тут же из платков образовались вполне плотные мороки Владимира и Лизы. Они обнялись, сели на диванчик и запели:

Не пей вина, Гертруда!
Пьянство не красит дам.
Напьешься в хлам, и станет противно соратникам и друзьям.

Держись сильней за якорь –
Якорь не подведет.
А ежели поймешь, что сансара – нирвана, то всяка печаль
пройдет!

– Пока не перепоют всего Гребенщикова, не развеются. А петь начинать будут раз в полчаса. Какова я? – похвалилась Юля.

– Гениально! – сказали Влад и Лиза. – Только что будет, если к ним в палату вломятся медики?

– Они будут громко материться, – успокоила насчет мороков Юля и набросила на друзей и себя невидимость. Так, невидимыми, они прошли сквозь стену палаты и осторожно двинулись по коридору больницы.

Коридор, кстати сказать, был просто забит кроватями с больными. Люди стонали, металась в жару, закатывали глаза в обмороке... Меж ними сустились медсестры в ватно-марлевых повязках и респираторах, делали уколы, ставили капельницы.

– Черт, – прошептал Владимир. – Не похоже это на птичий грипп...

Они вышли из больницы. Было два часа дня, но на улицах стояли сумерки. И туман. Он был вездесущим.

– Скорее ко мне, – заторопилась Юля. – Холодно в одних пижамах. Тут вам не Бардо.

Они скользили вдоль заборов переулка Чайнова, потом вышли на проспект Ленина – отсюда до Юлиного дома было рукой подать. По проспекту шли бронетранспортеры, взрывая ревом двигателей мертвую тишину. Кроме бронетранспортеров, никого и ничего не было видно.

– Нормально, – сказала невидимая Юля. – В городе что, военное положение?

– Похоже на то, – хмыкнул Влад.

Дом губернатора был оцеплен. В оцеплении стояли такие мордороты с автоматами, что любо-дорого поглядеть.

– Все страньше и страньше, – прошептала Юля. – Это что же, мой морок под арестом?

– Как мы проникнем в дом? Тут мухе не пролететь.

– А мы не пойдем в дом, – немедленно перерешила Юля. – Бункер! Он-то не охраняется! За мной!

Они добрались до огромного дуба, у этого дуба ствол был в три обхвата. Дуб рос за забором губернаторского дома, поэтому вокруг него никто не дежурил.

– Этот дуб – вход в мое личное убежище, – пояснила Юля Ветрова. – Сама наколдовала.

Ведьма приложила ладонь к стволу дуба и что-то прошептала. Влад и Лиза увидели, как в коре образовалась щель – как раз пройти нескольким довольно худым людям.

– А они это не увидят? – спросила Лиза, имея в виду оцепление.

– Нет, – успокоила ее Юля. – Это происходит в другом измерении.

Юля и ее друзья вошли в ствол. Внутри ствол оказался оборудован лестницей и лампами. Лампы тускло горели, помигивали.

– Работают от автономного генератора, – пояснила Юля. – Он действует на моей крови. Видимо, крови осталось мало, поэтому и лампы такие тусклые.

Они долго спускались по лестнице, пока она не привела их к еще одной двери. Рядом с дверью светилась красным глазком сканирующая панель. Юля набрала код, отодвинулась пластинка, обнаружив сканер для ладони. Юля приложила ладонь, потом произнесла какую-то фразу по-латыни. Сканер засветился зеленым, дверь щелкнула и приоткрылась.

– За мной! – скомандовала Юля.

Они вошли в коридор, обитый деревянными панелями. Коридор вел к трем дверям. Посреди коридора стоял камень.

– Кто направо пойдет – женату быть, кто прямо пойдет – убиту быть, кто влево пойдет – к губернатору на прием, – прочитал Влад.

– Да, это один из моих приколов, – усмехнулась Юля. – Кстати, можно уже сбросить невидимость. Двери за нами автоматически заблокировались, их никто вскрыть не может. Даже атомная бомба не возьмет мое колдовство.

– Так куда же мы идем?

– Прямо, естественно! Или ты, Влад, поверил в эту бузу с камнем? В нее даже герои русских сказок уже не верили...

Снова был сканер, снова Юля открыла дверь ладонью и голосом.

Они вошли в комнату. Юля хлопнула в ладоши. Зажглась красивая люстра под потолком.

– Ну вот мы и дома, – прокомментировала Юля это событие.

Влад и Лиза, взявшись за руки, осматривались.

Это была просторная комната, забитая всякой всячиной. Здесь были два кожаных дивана, ротанговые кресла-качалки с вышитыми подушками, на стенах висели картины щедровских художников, одну стену полностью занимал огромный плазменный экран, разделенный на сектора. Сейчас экран не работал. Стояли здесь также и столы, в одном из углов мерно гудел холодильник «Борк» с магнитиками на дверце, в других углах стояли шкафы с комодом. Всё это мебельное винегретье разделялось на сектора стеллажами с полками. На стеллажах стояли в ряды книги, лежали охапки местных газет. Один из стеллажей занимали магические кристаллы, волшебная посуда и всяческие реактивы.

– Шикарно, – только и сказала Лиза.

– Немного бестолково, – хмыкнула Юля. – Но мне нравится. Тут кроме вас была только моя тетушка. Когда хотела скрыться от одного назойливого ухажера.

– Об этом убежище никто не знает? – спросил Влад.

– Думаю, что знает полгорода. Об этом даже статья была в «Щедрых вестях», дескать, губернатор прячется от граждан в подземелье. Я этой статьи не опровергла, и теперь

считается, что это газетная утка. О подземелье знают, но в него не верят. А если не верят – то его как бы и нет.

– А искать никто не пробовал?

– Может, и пробовали. Но у меня отводящие глаза заклятия хорошо получаются, так что если и искали, то не нашли. Ладно. Присаживайтесь. Располагайтесь со всеми удобствами. Боюсь, нам придется провести здесь немало времени.

– А ванну принять нельзя? Или душ?

– Ванная и душ вот за этой ширмой. Так что дуйте. Я пока что-нибудь поесть приготовлю.

И Юля направилась к холодильнику.

Влад и Лиза вместе приняли душ.

– Господи, Володик, – выдохнула Лиза, когда муж укутал ее в просторное махровое полотенце. – Я уже не надеялась, что вернусь к таким простым, но восхитительным ощущениям.

– Прости, – шепнул Владимир, – что это пока всё ощущения. Думаю, заниматься любовью при Юле будет неудобно.

– Очень даже удобно! – крикнула Юля. – Я все слышала, у меня слух, как у летучей мыши. Я вам отдаю вон тот диван, можете кувыркаться на нем сколько влезет. Я обещаю, что не буду прислушиваться к вашим стонам и воплям, – мне и без того дел хватает. Курицу с вишнями будете?

– Будем!

– Еще есть салат из моркови по-корейски, креветки, пиво и пино нуар восемьдесят четвертого года. Лизке – минеральная вода «Липецкий бювет». Всё тащу?

– Всё. Мы сейчас поможем.

– Не ерундите, всё уже готово. Прошу к столу. Курица отдельно, вишни отдельно.

Все рассмеялись. Напряжение, державшее наших героев последние несколько часов, спало.

Они уселись за стол, Юля налила себе и Владимиру пино нуар.

– За свободу, что бы это ни значило! – провозгласила Юля тост.

Выпили. Курица, подогретая в микроволновке, оказалась немного суховатой, но вполне съедобной, салат тоже пошел на ура.

После обеда Лиза помыла посуду – кухонная раковина удачно скрывалась за холодильником. Юля уселась в ротанговое кресло, Влад пристроился на диване, а тут присоединилась и Лиза – с чашкой чая «Эрл грей» в руках.

– Итак, – сказала Юля. – Наступило время вопросов и ответов. Первыми задаете вы.

– Юля, как так оказалось, что Малыш Бун и ты – одно и то же лицо? – спросила Лиза.

– Очень просто. Я решила отправиться за вами в Бардо. Видите ли, мою тетушку, когда она надевает боевой облик, просто грешно оставлять без присмотра. И я оставила в губернаторском кресле морока, сама придумала себе облик Малыша Буна и отправилась в Бардо. Иной дорогой. Есть такой путь в эту землю мертвых, о котором знают только ведьмы моего уровня. Но когда я оказалась в Бардо, я столкнулась с проблемой. Где всех вас искать? Бегать по Бардо – это несерьезно. И тогда я сделала мыслеформу.

– То есть?

– Колл-центр. Это же моя выдумка! На самом деле никакого колл-центра в Бардо нет и быть не может. Но я постаралась. Потом все было просто. Встретить вас и проводить вверх. Меня даже никто не попытался узнать!

– А то, что мы попали не куда-нибудь, а в Куньлунь, это тоже твоя работа?

– Да. Я проработала разные маршруты и решила, что Куньлунь – это оптимальный вариант. Я подозревала, что цель вашего вояжа именно там. Я не ошиблась. А когда все расходились по разным путям из Дворца Прета-Локи, я решила пойти с вами. Меня волновал Щедрый, все-таки я оставила его надолго, морок мог и не справиться... И как видите, я не зря оказалась с вами в палате.

– Ты просто спасла нас, Юлька, – сказала Лиза, вставая и обнимая подругу.

– Ладно, чего уж там... А вот меня волнует такой вопрос: что же творится в городе? До двадцать первого декабря вроде еще далековато, да и на апокалипсис это непохоже. Ну то, что мы увидели.

– Похоже на войну.

– Между кем и кем? Ладно, попробуем всё выяснить старым как мир способом – через панель наблюдения.

И Юля повернула кресло к стене с разделенным на сектора экраном.

– Сама разработала, – с гордостью сказала Юля, включая экран. – Система «Виртуальный доносчик». Смотрите.

Сектора экрана заполнились разнообразными картинками.

– Это улицы города. Вот Староникитская, возле педколледжа. Так... Педколледж оцеплен, мимо курсирует куча мужиков с оружием... Нормально. Вот бульвар Ветеранов... бэтээры! Да еще танки! Черт побери!

Просмотр секторов принес массу вопросов: казалось, весь Щедрый оцеплен, наводнен военными и военной же техникой. Кроме военных, на улицах не было ни души.

– Замечательно, – протянула Юля. – Что ж, остался сектор, который наблюдает за моим кабинетом.

Экран засветился, демонстрируя нашим героям внутренности губернаторского кабинета. Только в кресле сидел не морок Юли Ветровой, а какой-то мужчина в костюме-тройке и магическом плаще, наброшенном поверх костюма.

Юля всмотрелась в лицо мужчины.

– Черт возьми, я знаю этого поца! Это бывший мэр Щедрого Торчков. Изяслав Радомирович, кажется.

В этот момент Торчков посмотрел прямо в экран.

– Он нас не слышит? – испуганно спросила Лиза.

– Нет, – отрывисто бросила Юля. – Ну и что ты делаешь в моем кресле, засранец?

Юля включила звук. Было слышно, как у Торčkова мерно стучит сердце. Новый губернатор смотрел по-прежнему прямо на экран.

И вдруг заговорил!

– Благословенны будьте, Юлия Владимировна! – сказал Торчков. – Я уверен, что вы сейчас меня и слышите и видите. Это вполне в вашем духе – скрыться и наблюдать. И ваши

друзья – Логиновы – также при вас. Верно? Мне уже доложили о побеге из больницы. Мороков вы создали отменных, хвалю, но нельзя же все время петь! Мы узнали ваш почерк в заклитии и поняли, что вы вернулись в Щедрый. Где вы прячетесь? Ваш дом оцеплен, муха не проскочит. Оцеплены также дома вашей тетушки, и охрана дежурит у квартиры Ромула. У вас все-таки есть какое-то убежище? Ничего, скоро мы вас из него выкурим, как медведя из берлоги. А теперь, вероятно, вы захотите знать, что же случилось с городом, пока вы отсутствовали. Спешу удовлетворить ваше любопытство: в Щедром раньше двадцать первого декабря наступил конец света. Почему? Да потому что Мольдовский метеорит оказался вовсе не метеоритом. Он оказался кораблем инопланетян! И буквально неделю спустя после того, как вы пропали, инопланетяне вышли из корабля и объявили, что Щедрый захвачен ими. Прямо как в «Войне миров», верно? Это было бы забавно, если бы не было так печально. Итак, инопланетяне захватили город. Они заразили неизвестным вирусом воду и воздух, и оказалось, что простые люди от этого вируса смертельно заболевают. У нас уже восемнадцать случаев гибели. Вирус не действует против ведьм, вампиров, оборотней и прочего оккультного населения. Инопланетяне просто не учли, что на Земле существуют иные, чем люди, виды. Тут нам несказанно повезло.

Людей мы свезли в больницы и объявили военное положение. Из Холмца вызвали военных и технику, кстати, Холмец пока свободен. И другие города области тоже. Завоеван только Щедрый.

Мы пытались бороться с захватчиками разными способами, включая магию. Бесполезно. Инопланетяне не гибнут, они спокойно разместились в наших домах, едят нашу пищу, пьют воду, дышат воздухом. Нам пришлось с этим смириться. Инопланетяне, завоевав нас, повели себя на удивление гуманно. Они разрешили нам существовать, лечить людей, даже ввести комендантский час. Инопланетяне познакомились с нашими формами власти и позволили провести выборы губернатора. На выборах победил ваш покорный слуга. То есть я. И моя основная задача на сегодняшний день – сохранять хрупкое равновесие между силами наших военных и инопланетянами. А также при помощи строгого карантина не допустить распространения вируса дальше нашей области. Надеюсь, я удовлетворил ваше любопытство, Юлия Владимировна? А теперь вы, если не боитесь, проявите себя! Неужели вы так и будете где-то отсиживаться, пока родная земля стонет под игом инопланетных захватчиков? Подумайте хорошенько, дорогая Юлия Владимировна! До связи.

Юля в гневе щелкнула пальцами. Экран померк.

– Что за бредятина! – воскликнул лемуриец. – Инопланетяне... Их не существует!

– Откуда ты знаешь? – удивилась Юля. – Или это ксенофобия истинного лемурийца, представителя древней расы?

– При чем здесь ксенофобия? Просто наша цивилизация – цивилизация лемурийцев – дошла до уровня межпланетных кораблей. И мы летали! И засылали разведчиков. И никакой заразы не нашли, никаких «чужих». Поверь мне, Юля, инопланетян не существует. Под их видом перед людьми чаще всего являлись падшие ангелы, потому что это их любимая фишка – пудрить людям мозги.

– Так-так. Но кто-то же появился! Пусть не инопланетяне, назовем их пришельцами. Черт, мне без музыки плохо думается! Лизок, поройся в дисках, найди «Дип форест» и

поставь, агушеньки?

– Агушеньки.

Лиза нашла диск и вставила его в музыкальный центр. Зазвучал альбом «Sweet Lullaby».

– Вот что! – сразу осенилась догадкой Юля. – Надо через магический блок посмотреть на этих инопланетян.

– Магический блок? Что это? Впервые слышу, – заинтересовалась Лиза.

– Сейчас покажу. На самом деле просто, как все гениальное.

Юля подошла к стеллажу и взяла с него большое серебряное блюдо на резной подставке.

– Серебро лучше проводит волшбу, – пояснила она. – Раньше я экспериментировала с золотом, но у золота ниже показатели. Коэффициенты там, молярность, валентность... Химия сплошная, без нее никуда. Лиза, сними со стола скатерть, она будет только мешать.

Лиза повиновалась. На обнажившийся стол со столешницей из полированного гранита ведьма водрузила чашу.

– Так. Теперь жертвенник!

Жертвенник обнаружился за одним из кресел-качалок.

– Фу, какой же пыльный, – сморщила губку Юля. – Я все-таки засранка, не держу ритуальные предметы в чистоте и порядке. Анна Николаевна меня за это очень осуждает.

– Давай я его протру, – вызвалась Лиза.

– Ведьма должна все делать сама, – поучительно сказала Юля и тут же добавила: – Ну протри, раз тебе так хочется.

Лиза достала из кухонного стола салфетки «Мелочи жизни» и стала аккуратно очищать жертвенник от пыли и копоти. Когда ее труд увенчался успехом, выяснилось, что жертвенник медный, узорчатый, с драконьими головами по четырем углам и острыми ножками.

– Мерси, Лизок, – сказала Юля и поставила жертвенник на стол рядом с чашей. – Замечательно! У меня самой не получилось бы лучше. Так, теперь травы. Девясил, чистотел, боярышник, Melissa...

Травы в подписанных коробочках и мешочках обнаружили в комод, под слоем постельного белья. Пахло потрясающе – словно весенний луг вдвинулся в комнату.

Юля взяла по маленькому пучочку трав и возложила их на жертвенник и все это под ритмичную диковую музыку «Дип форест». Она и двигаться стала как-то волшебным, лемуриец и Лиза заворуженно наблюдали за ней.

– Лизок, набери в ванной воды вот в этот кувшин, – попросила Юля, подавая подруге высокогорный бронзовый кувшин, весь изукрашенный эмалевыми вставками. – Кстати, мне этот кувшин достался из наследства самой Вики Белинской. Знаете, кто это?

– Нет.

– О, это такая ведьма! Творила потрясающую волшбу, а потом пропала. По слухам, инсценировала собственную гибель и удалилась в какой-то закрытый монастырь на покаяние. Ладно, сейчас не об этом. Лиз, воды налила? Благодарю. А теперь садись рядом с мужем и смотри, как твоя подруга будет кудесничать.

Юля поставила полный воды кувшин рядом с блюдом. Поворошила травы на жертвеннике. Воздела было руки, но потом опустила и сказала:

– Ой, блин, совсем из памяти вон!

Она кинулась к платяному шкафу. Когда открыла дверцу, из нутра шкафа вылетело облачко моли.

– Тьфу, проклятая! – прокляла моль Юля.

Тут же на нее с антресоли обрушились две обувные коробки. Пустые, правда. Юля побагровела и отшвырнула коробки куда-то под диван. Затем влезла в шкаф. Некоторое время ведьма увлеченно рылась в шкафу, только кончик хвоста подрагивал снаружи.

– Нашла! – приглушенно возопила Юля и со вторым облачком моли выметнулась из шкафа. В руках у нее переливалась какая-то черно-зеленая ткань.

– Мое колдовское платье, – пояснила Юля. – Отвернись, Влад, я переоденусь.

Лемуриец послушно отвернулся.

– Лиз, помоги мне, – попросила Юля.

Она стянула джинсы и свитер, и Лиза помогла ей набросить через голову шуршащую и переливчатую материю. Прямо на голое тело. Юля, похоже, не признавала нижнего белья.

Платье, казалось, было велико на четыре размера, но Юля чувствовала себя в нем как рыба в воде.

– Все, Лиз, садись, спасибо. Влад, можешь повернуться. Я натянула свой рабочий комбез.

Лиза села, Владимир обнял ее за плечи.

– Ну, – сказал лемуриец. – Мы ждем.

– Щас, – сказала Юля. – Сосредоточусь...

Она закрыла лицо руками и постояла так минуту. Когда Юля отняла руки от лица, оно светилось. Глаза сияли фиолетовым светом и приобрели вертикальный зрачок. Ведьма воздела руки:

– О великая всемилостивая богиня Диана, вонми гласу моления моего и снизойди милостию своею на ворожбу мою! Прими жертву сию, и да не осквернится она от взоров неправедных!

В правой руке Юли материализовался сверкающий кинжал с ручкой в виде головы кобры. Юля простерла руки над жертвенником и чиркнула себя кинжалом по левому запястью. Кровь хлынула в жертвенник, и от ведьмовской крови травы сразу затлели, задымились, а потом вспыхнули синеватым огнем.

Ведьма отняла руки от жертвенника, подула на рану. Та сразу затянулась. Кинжал Юля спрятала в складках платья. Затем она взяла кувшин и вылила в блюдо воду.

– Яви неявленное, покажи незримое, отведи глаза, устрани беду, – сказала Юля, а затем добавила несколько фраз на латыни.

Латынь, конечно, никто не понял. Хотя, возможно, лемуриец понял, но виду не подал.

От жертвенника повалил дым. Но он не поднимался вверх, как положено приличному дыму, а стелился над гладью разлитой в блюдо воды. Юля стала водить над дымом руками и что-то приговаривать уже на совсем тарабарском наречии. Наконец дым развеялся. Запахло резедой и лавандой, хотя их вовсе не было в составе трав жертвенника, это, вероятно, был какой-то побочный магический эффект.

– К работе готово, – неживым, лишенным каких бы то ни было эмоций голосом сказала

блюдо с водой.

– Зерцало ведьмы, яви мне главного инопланетянина из тех, что захватили Щедрый, – приказала Юля.

– Выполняю, – было отвечено.

Юля махнула рукой Володе и Лизе, идите, мол, смотрите на главного злодея.

Те подошли. В воде, как в зеркале, отражалась люстра. Но вот люстра исчезла. Вместо нее в зеркале ведьмы показалась высокая двуногая и двурукая фигура. И голова была на месте.

– По всему, инопланетянин – гуманоид, – сообщила Юля и приказала зеркалу: – Увеличь изображение! Покажи его голову!

И они увидели...

Оскаленный череп какого-то существа, напоминавшего саблезубого тигра. Во всяком случае, зубы точно были как сабли. В глазницы черепа были вставлены крупные бриллианты. Кости были расписаны краской, напоминающей охру. А вокруг черепа густой щетиной топорщились длинные перья – то ли орла, то ли страуса, то ли еще какой диковинной инопланетной птицы.

– Ужас какой, – прокомментировала вид головы Лиза.

Влад молчал, а Юля приказала зеркалу:

– Это был зад. Покажи голову спереди!

– Повинуюсь, – металлически произнесло зеркало.

Но зеркалу можно было и не повиноваться. В этот миг инопланетянин сам повернул голову и продемонстрировал себя анфас.

– Вот это да! – восхищенно воскликнула Юля. – Вот это мужик!

Прямо Юле в глаза смотрели глаза густого чайного цвета, сидевшие словно жуки из обсидиана на загорелом высокосулом лице. Высокий лоб украшали три голубых параллельных полосы. В орлином носу блестела изумрудная серьга. Поджатые губы были такими алыми, словно инопланетянин только что напился свежей крови. Ну и еще, конечно, легкая небритость щек и подбородка, которая так и сводит с ума одиноких старых дев.

– Хорош! – оценила Юля. – Ну просто шоколад с мюсли! Зерцало, покажи все остальное. Только медленно.

«Медленно» ведьма произнесла с особой интонацией. Эта интонация хорошо знакома работникам клуба мужского стриптиза.

И зеркало показало.

Сначала шея. Мощная, как у быка, и вся в татуировках – завитках, спиральных, треугольниках. Потом плечи. Недалеко ушли от шеи по мощности. Разворот был такой, что лемуриец Владимир, и сам отличавшийся раздвижными, как мехи гармони, плечами, завистливо вздохнул. Плечи героя были в два ряда покрыты кожаными полосками, соединенными между собой заклепками из какого-то сверкающего металла. Дальше шли руки – мускулистые, в оплетке синих вен и сложных татуировок. На запястьях светились широкие, почти до локтя, браслеты. Ладони и пальцы также были разрисованы.

– В каком салоне его татуировали? – завистливо спросила Юля. – Я тоже хочу. У меня пока только розочка на правой ягодице! Мне мало!

– Успокойся, – возбужденно прошептала Лиза, чуть-чуть забыв о муже. – Смотри дальше.

А дальше была грудь и плоский живот, шикарные, словно у молодого бога. В пупок было продето золотое кольцо с тремя сапфирами. Когда зеркало обратилось к бедрам, Юля нервно задышала:

– Я же просто женщина, нельзя мне такое показывать без подготовки!

«Такое» впечатляло. На чреслах инопланетянина красовался еще один череп, только теперь уже человеческий. Кожаная юбка с железными заклепками целомудренно укрывала от любопытных глаз ведьмы то, что положено укрывать. Юбка шла до колен, а ниже открывались мощные ноги в кожаных сандалиях, украшенных самоцветами и перьями.

Словом, такая вот была картина.

– Граждане! – после долгого молчания воззвала Юля. – Никакой это не инопланетянин! Это индеец, прямо как с киностудии «Уорнер бразерс»!

– Согласна, – сказала Лиза и бросила-таки незаметный оценивающий взгляд на мужа – не хуже ли? Влад оказался не хуже и не плоше, просто у него вместо перьев и кожаной юбки был махровый банный халат. А то, что у Влада скрывалось под халатом, было для Лизы дороже всех инопланетян Вселенной.

Меж тем Юля шумно выражала свой восторг:

– Нет, ну хорош! Ну просто черт знает что такое! Мне и так каждую ночь обнаженные мужчины снятся стаями, так теперь еще и этот в сны затешется! Нет, Лизка, ты видела, как у него пальцы разрисованы?!

– Видела. А кольцо в пупке?

– Ой, и не говори!

Владимир терпеливо переживал, когда закончится это бабье квохтанье и кудахтанье. А потом сказал:

– Милые дамы, я хочу обратить ваше внимание не на кольцо в пупке, а на то, что этот тип действительно инопланетянин.

– Как же так? – с разгону остановилась Лиза. – Ты же сам, Володик, говорил, что никаких инопланетян нету! Как это понять?

– А вот так. Это и инопланетянин, и не инопланетянин.

– погоди, погоди, кажется, до меня начинает доходить, – забормотала Юля. – Он инопланетянин, потому что прилетел из космоса. Но одновременно он и не инопланетянин, потому что родина его – планета Земля! Так?

– Так! – хлопнул в ладоши Владимир. – Милые дамы, перед вами индеец увядшей цивилизации майя!

– Вау! – воскликнула Юля. – Майя! Тот самый! Только я вот чего не пойму...

– Погаси зеркало, – сказал Влад. – То, что надо, ты увидела, а просто так зеркало тянет из тебя энергию.

– И верно.

Юля с сожалением провела над поверхностью воды ладонью. Роскошный индеец исчез. Юля достала платок и накрыла блюдо.

– Володик, – проницательно посмотрела на мужа Лиза. – Ты что-то знаешь.

– Знаю, – кивнул Влад. – Генетическая память лемурийцев. Садитесь и слушайте.

Но сначала Юля приготовила кофе с коньяком. Все сели на диван, и Владимир заговорил:

– Лемурийцы – самая древняя раса на земле, древнее даже атлантов и населения континента Му. Мы рано лишились своей родины и рассеялись по миру. Часть лемурийцев пришла жить к майя и наблюдала расцвет и закат их цивилизации. Так вот, майя действительно создали календарь Длительного Счета, и этот календарь заканчивается Четвертым Ахау, двадцать первого декабря две тысячи двенадцатого года. Но это не дата конца света. Это дата их вероятностного возвращения.

– То есть? Возвращения откуда?

– С небес обетованных. Из Великой Пирамиды О. Майя понимали, что безбедной жизни их племени на земле приходит конец. Они взяли за жабры своих жрецов, чтобы те как следует поколдовали над чертежами корабля, создали корабль и улетели. До времени. И вот возвратились. Так что конец света будет в том смысле, что кончилась известная нам цивилизация. Начинается новая – та, которую насадят майя.

– Насадят? То есть не добровольно?

– Девушки, ну вы наивные! Кто же добровольно согласится дезактивировать атомное оружие, закрыть заводы, жить в вигвамах и каждое утро петь гимн Солнцу.

– А, да... Значит, будет война. Между нашей цивилизацией и цивилизацией майя. Ужас какой!

– Ужас. Тем более что майя к этой войне подготовились лучше нас.

– Володя... – протянула Лиза. – А что ты вообще знаешь о цивилизации майя?

Лемуриец пожал плечами:

– Да в общем-то то, что известно каждому школьнику.

– И все-таки просвети нас.

– А? Ну хорошо. Жили-были майя. Их цивилизация была самой развитой среди живущих на планете народов. Они жили почти изолированно от других народов на территории современных мексиканских штатов, Гватемалы и Западного Гондураса. Свои города они строили, словно бросая вызов природе, в труднопроходимых джунглях. Майяские города были центрами власти и культуры. Они строились по одной схеме. Храмовая зона располагалась на возвышении. Вокруг нее располагались дворцы знати и жрецов. Знать носила название альмехенооб – «те, кто имеет оба имени» (по отцу и по матери). Простые люди носили только одно имя: мужчины – имя отца, а дочери – имя матери, кроме того, каждый человек имел имя, данное ему при рождении, и прозвище.

– А где жили простые горожане?

– Они жили у подножия холма в простых хижинах, крытых пальмовыми листьями. Во главе города стоял халач-виник, что означает «великий человек». Его власть была пожизненной и неограниченной. Его лицо украшалось особой татуировкой, нос наращивался до размеров орлиного клюва, зубы затачивались и украшались нефритовыми пластинками, а мочки ушей прорезались и вытягивались с помощью индюшиных яиц.

– Да уж, красавец.

– Одно ясно – тот, кого мы видели в зеркале, не халач-виник.

– А как они одевались?

– Мужчины – во что-то наподобие коротких курток и длинных квадратных плащей с узорами. Юбка-фартук облегла торс и спускалась до колен. На талии носили широкий пояс со всякими узорами. Ну и завершал убранство головной убор из птичьих перьев – вроде того, который был на нашем друге. Чем знатнее был человек, тем замысловатее выглядел его перьевой убор. А вот женщины одевались скромно, потому что скромность считалась самым главным украшением женщины. Они носили длинные юбки или туники, покрывала, накидки. В общем, все, чтобы скрыть достоинства фигуры.

– Блин, опять неравенство! – возмутилась известная феминистка Юля.

– Более того, – усмехнулся Влад, – известно, что в традициях майя существовал обычай смазывать перцем глаза женщине, если она слишком вольно поглядела на мужчину.

– Проклятый перец! – выругалась Юля.

– А боги у них были?

– Само собой. Все майя были очень религиозны. Творцом всего сущего они почитали бога Хунаба Ку. У Хунаба Ку был сын Ицамну, верховный бог, отождествляемый с солнцем, светом, теплом и мужским началом. Очень почитались Чаки – боги дождя, их было четыре, по сторонам света. Очень важен был бог кукурузы Йум Каам, ведь кукуруза – это главная еда майя. Почитался также Кукулькан, он же Кецалькоатль. Женщинам покровительствовала Ишчель, богиня луны и медицины. Не последними в этом пантеоне были бог смерти Ах Пуч и богиня самоубийств Иштаб. Дело в том, что майя считали самоубийство самым коротким путем в небесное блаженство. Всеми религиозными церемониями заведовали Ах-Кины («люди Солнца») – высшие жрецы. Главой жрецов был первосвященник «господин змея» Ахав-Кан-Май. Он руководил всеми религиозными и даже светскими отправлениями. Ему подчинялось и высшее и низшее духовенство: чиланы, накомы, чаки и ахмены. Ахмены, кстати, это колдуны и знахари, так что у майя было развито и колдовство.

– Что ж, все это очень мило, но сейчас эти суперразвитые майя явились по наши души и самое главное – у них вирус. Вирус, который поражает именно людей. Сейчас он законсервирован в районе Щедрого, а если майя решат пустить его по всей планете?

– Ой, мама... – прижала ладони к щекам Лиза.

– Вот что, – решительно подняла руку Юля. – Я должна поговорить с этим майянцем. Выяснить, насколько они агрессивны, расставить все точки над «и».

– Но как это у тебя получится?

– Приду в гости с белым флагом. В качестве парламентаря захваченного города. И потом, не забывайте – губернатор я, Торчков просто марионетка.

– Теперь бы еще знать, где этот тип разместился. Не в корабле же они до сих пор сидят.

– Да уж точно. А это мы Торчкова спросим. Где мой кристалл связи с безлимитным интерфейсом? Ага, тут... тут его нет. Придется поискать.

Все принялись искать кристалл связи. Он обнаружился в корзине для бумаг под смятыми коробками из-под корнфлекса.

– Гм, – смутилась в принципе несмущаемая Юля. – Что-то я давно не прибиралась.

Она достала кристалл, обтерла его от пыли и водрузила на стол. Прошептала короткую молитву Диане и положила ладони на гладкую поверхность сферы.

– Ведьма Улиания вызывает колдуна Котоху. Ведьма Улиания вызывает колдуна Котоху. Ведьма...

– Колдун Котоха подтверждает принятие вызова. Благословенна будь, ведьма Улиания! Кристалл засветился ровным лиловым светом. На стены легли прозрачные цветные тени.

– И тебе не чихать, Котоха! – фамильярно отозвалась Юля.

– Ну, судя по голосу, я имею честь беседовать с самой великой ведьмой...

– Я бы не стала присваивать себе этот титул, ну раз вам так угодно, – в духе эпохи Просвещения раскланялась наша ведьмочка. – Колдун Котоха, у меня к вам два вопроса...

– Как? Всего два?

– Именно. Первый. Как долго вы намерены узурпировать власть в Щедром? Второй. Где находится резиденция главного парнишки из инопланетян?

– Хе-хе! Вопросов всего два, но стоят они целого ЕГЭ! Юлия Владимировна, я вовсе не узурпирую власть. Город и область в трудный момент остались без главы. Вы исчезли, а тут – глобальная катастрофа! Граждане сами приходили ко мне в приемную с просьбой взять власть.

– Не свистите, такого просто не может быть.

– Может. Поднимите прессу и местный Интернет за прошедшее время, вы увидите, сколь негативны отзывы о вас. Говорят, вы просто струсили. Или обленились. Или поставили личные интересы выше общественных.

– Изяслав Радомирович, уж кто-кто, а вы успешно ставите личные интересы выше общественных, мне ли не знать!

– И тем не менее народ выбрал меня. И я за это народу благодарен.

– Уж конечно. Такая кормушка.

– Юлия Владимировна, вы меня оскорбляете!

– Проехали. Второй вопрос. Где базируется глава инопланетян?

– Они заняли главный драматический театр.

Юля хихикнула:

– Вот так выбор.

– Театр оцеплен. Если вы собираетесь туда проникнуть – спешу разуверить, у вас это не получится.

– Это почему?

– Вы, Юлия Владимировна, объявлены в розыск. Местно.

– Какого черта? Что я сделала, чтобы меня объявлять в розыск?

– А музей?

– Какой музей?

– Городской, разумеется. Вы со своей теткой Анной Николаевной Гюллинг похитили кристалл преломления, созданный в шестнадцатом веке!

– Кристалл преломления? Погодите, но я ничего не знала! Это наверняка личная тетушкина инициатива!

– Уж тут не знаю. А кристалл надо вернуть.

– Он не у меня. У тетушки.

– А где ваша почтеннейшая тетушка сейчас находится?

– Не знаю. Возможно, в Индии. Иначе для чего бы ей понадобился кристалл! Слушайте, господин Торчков!

– Да?

– Отзовите ваше оцепление и перестаньте объявлять меня в розыск. Мне очень нужно встретиться с инопланетянами! От этого зависит судьба Щедрого, в конце концов!

– А вы не сбежите?

– Куда ж я сбегу, смеетесь?! У меня тут подруга беременная и куча дел. Я должна разобраться, что это за вирус. И придумать антидот. Так что предлагаю вам, Изяслав Радомирович, поработать в одной команде.

– Согласен. Тогда можете перебираться в свое жилище на Рязанской. Оцепление снимут, если только охраны немножко оставить...

– Не надо охрану. Я сама справлюсь.

Юля отняла ладони от кристалла, и связь прервалась.

– Тра-та-та-та-та! – высказалась великая ведьма в пространство. – За каким лядом понадобился тетушке музейный кристалл? Своих мало? Ой, чую я, еще поджарится моя задница в аду, еще поджарится!

Юля села рядом с Лизой и задумчиво посмотрела на подругу.

– Мне надо идти, – наконец сказала она.

– Куда? – вскинулась Лиза.

– Ты же слышала. В театр. К нашему красавцу-мачо на поклон.

– Одну я тебя не отпущу! Мы с Владом тоже пойдем!

– Нет, – резковато сказала Юля. – Это только моя игра, поэтому вы будете отдыхать тут и наблюдать за развитием сюжета через «Доносчика». Извините, ребята, что запираю вас, но...

– Мы всё понимаем, – кивнул Влад. – Ничего, посидим в заточении. Кроссворды есть?

– Пачка. И кровать у меня хорошая, пружинистая. Лизок!

– Мм?

– Не дуйся. Лучше помоги-ка мне выбрать наряд, подходящий для встречи с этим Монтесумой.

– О, это мы на раз.

После долгих переборок и примерок Юля вырядилась следующим образом:

- черные джинсы с серебристой бахромой по бокам и стразами на поясе,
- белая рубашка поло с зашитыми в воротничок амулетом безопасности и парочкой афродизиаков,
- черный свитер крупной вязки, напоминающий кольчугу и наподобие кольчуги отражающий скользящий удар меча,
- ведьмовской плащ с капюшоном, расшитый положенными по уставу знаками богини-Матери,
- ботфорты,
- небольшая стилизованная шляпа-треуголка с крошечным перышком ржанки (отводит порчу).

Всё.

Юля стояла перед зеркалом и оценивающе оглядывала себя:

– Лиз, может, мне накраситься?

– Конечно! Тени, тушь, румяна и помада обязательны! Он и сам-то разрисован весь как клоун.

– Ненавижу клоунов.

– И я тоже.

Лиза помогла Юле с макияжем (получилось немного устрашающе). Ведьма пообещала по возвращении принести свежих продуктов и газет.

И ушла она из своего бункера, оставив Логиновых обновлять кровать.

Ведьма шагала по проспекту Ленина, и встречные патрули ее не трогали, видимо, уже получили наводку от Котохи. Проспект был пуст. Стояли троллейбусы и автобусы, кое-как припаркованные автомобили напоминали осиротевших котят. Не горели огни торговых центров, супермаркетов и магазинов. Кое-где были разбиты окна. Ветер гонял по тротуарам снежную крупу, пыль и мятые газеты.

С проспекта Ленина Юля свернула на Театральную – улицу, заканчивающуюся городским театром. Раньше на Театральной (она была закрыта для движения транспорта) проводили выставки, шоу, карнавалы, распродажу всяких ведьмовских поделок, а теперь...

А теперь здесь выворочен асфальт и всюду мутные замерзшие лужи.

– Я убью того, кто сотворил такое с моим городом! – проскрежетала Юля.

Она подошла к театру. Внешне он не изменился – все те же огромные окна, балконы, колонны, узорные фонарные столбы. На тумбах для афиш наклеены анонсы премьер и бенефисов. Юля не очень любила театр, но готова была спасти его от всяких посягательств извне.

Она поднялась по широким, присыпанным снегом ступеням. Никто ее не встречал, никто не останавливал. Кругом было сумрачно и печально, как на гражданской панихиде.

Юля толкнула стеклянную дверь и вошла в вестибюль. Пусто, пыльно, запущенно.

– Эй, – приглушенно крикнула она. – Здесь есть кто-нибудь?

Тишина, глубокая, полновесная тишина ответила девушке: «Не-э-эт».

– Раз, два, три, четыре, пять, я иду стрелять. Кто не спрятался, я не виновата, – пробормотала Юля и пошла в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

На втором этаже тоже было пусто. Ковровое покрытие скатано в рулоны, стулья сдвинуты, буфет закрыт. На Юлю задумчиво смотрели со стен портреты знаменитых в прошлом актеров и актрис Щедрого.

– Ну я так не играю, – сказала Юля. – Какого черта вы прячетесь?

Никто ей не ответил. Юля разозлилась и дернула тяжелую дверь, ведущую в зрительный зал. Дверь со скрипом подалась, и тут Юля упала, закрывая ладонями глаза. Потому что из дверного проема на нее хлынул такой свет, что смотреть было больно.

– Не трогайте меня! – Юля ощутила чье-то прикосновение и заорала как резаная. – Я пришла с миром!

– Успокойся, дева, – услышала она прохладный, как мятная кола, голос.

Что интересно, голос говорил по-русски. Но с едва уловимым акцентом.

Юля села. Открыла глаза. Свет был, но уже не такой воинственный. Юля подняла глаза на фигуру, стоявшую рядом с нею и протягивающую ей руку. Фигура принадлежала женщине, а скорее юной девушке. Девушка была хороша в алом платье с бахромой и мокасилах. В ее длинные волосы были вплетены десятки перышек и колечек. Между бровями висели гипсовые шарики. Но самое главное – за спиной девушки были крылья из переливчатых серо-черных перьев.

– Вы кто? – спросила Юля.

– Меня зовут Ацет, что в переводе на ваш язык означает «вестница». Идем, госпожа. Великий бог давно ждет тебя и хочет говорить с тобою.

– Отлично. – Юля встала на ноги, отряхнулась, поправила шляпку. – Великий бог, говорите? Ладно, разберемся.

Юля пошла за Ацет, спускаясь к сцене по ступеням зрительного зала. Наконец они добрались до сцены. Сцена была закрыта занавесом.

– Очень мило, – сказала Юля. – Бог на сцене, что ли?

– Нет, нет, идем дальше!

Ацет резво подпрыгнула и оказалась на сцене. Юля решила не отставать, показать класс – и взлетела. Невысоко, метра на два, на три. И так спустилась на сцену. Ацет отодвинула в сторону тяжелый занавес, пропуская Юлю вперед. Юля прошла и остановилась, не зная, смеяться ей или плакать.

Майя, видимо, любили театр. Но ничего в нем не понимали. Они расположились со всеми удобствами в декорациях водевиля «Гусарская баллада», разводили костры, варили в котелках какое-то варево. Пахло почему-то крабовыми палочками.

На Юлю особо не обратили внимания. Ацет повела ее за сцену. Тут было не прибрано, сыровато и неуютно. Театр за сценой – малопривлекательное зрелище, собрание старых декораций, пыльного реквизита и прочей ерунды.

Ацет подвела Юлю к двери с табличкой «Правление» и сказала:

– Великий бог здесь.

И постучалась.

– Апчхи! – оглушительно раздалось за дверью.

– Великий бог позволяет тебе пройти, – сказала Ацет, открывая дверь. – А я подожду снаружи.

Юля пошла. Приемная правления театра была обыкновенной комнатой с диванами и письменным столом. Сейчас на столе стоял табурет, задрапированный парчой (видимо, местной, из реквизита). На табурете довольно неловко сидел человек в накидке из алых перьев, холстинных одеждах и в золотой маске.

– Поклоняюсь великому богу майя! Солнце – твой лик, деревья – твои руки, небеса – подножие ног твоих!

Юля, когда надо, могла и перед богом не сплеховать.

– Очень мило, дитя, – сказал бог майя. – Ты красива и почтительна. Приятно тебя видеть.

– Мне тоже приятно вас видеть, боже. А где вы так научились говорить по-русски?

– Это природное свойство майя. Как вода принимает отражения тех, кто смотрит в нее,

так и мы принимаем языки тех, кого завоевываем. Но разве это твое главное вопрошание, дитя?

– Гм, нет, конечно. Боже, я вот что хотела спросить: почему вы решились вернуться с далеких звезд?

– Все очень просто, – качнулась золотая маска. – Среди звезд жить плохо и неудобно. Дом тянет к себе.

– Но разве ваш дом здесь? Вам надо на Юкатан, потом, это, в Кампече, Табаско, Кинтана-Роо и прилежащие к ним области. Именно там развивалась ваша цивилизация. А здесь дичь, глушь, Россия!

Тут Юля услышала звук индейской флейты. Флейта выводила красивую, но какую-то тревожную мелодию.

– Русия? – повторил за Юлей майяский бог. – Тогда мы почти не слышали о ней. Что ж, откроем ее для себя заново, раз уж так получилось...

– То есть что значит «так получилось»?

– Наш главный вождь корабля ошибся в своих расчетах и мерах. Кораблю было положено приземлиться в Гватемале, а в результате ошибки мы оказались здесь. Здесь тоже неплохо, только холодно.

– Послушайте, великий боже, – выступила с радикальным предложением Юля. – А что, если мы вас отправим в Гватемалу в большой железной птице с крыльями.

– Это на самолете, что ли? – ехидно спросило божество.

– Откуда вы знаете?!

– Мы же не совсем идиоты. Мы наблюдали за развитием человечества на Земле. Мы же недалеко улетели – всего лишь в Крабовидную туманность.

– Гхм. Хорошо сказано: недалеко. Значит, вы наблюдали. Дожидались своего часа.

– Да. Наши астрономы подсчитали конец цикла, на который придется великое развитие человечества, а потом великая беда. Ваша цивилизация близится к закату, и, значит, наступило время для нашей цивилизации.

– Ловко! – хмыкнула Юля. – Скажите, бог, вы тут главный или есть кто поглавнее вас?

– Нет, я главный, самый главный.

– Значит, это вы отвечаете за вирус?

– За что?

– За вирус. Болезнь, поразившую людей.

– А, нет, за это отвечает главный врач корабля. Он должен был изобрести такую болезнь, которая сразу бы убивала людей. Но у него не получилось – слишком стары данные о восприимчивости человечества.

– Зачем вы хотите нашей смерти?!

– Лично вашей смерти я не хочу, ведьма. К ведьмам я отношусь с уважением, хотя они составляют мне конкуренцию на рынке чудотворений. Не бойтесь, от червленной чумы вы не умрете. Она поражает только обычных людей и не распространяется на ведьм и нежить. Так что тебе нечего бояться.

– Дайте нам противоядие от болезни.

– Нет.

– Тогда я сама найду его! И клянусь, в моем городе вы царить не будете!

– Что ты сможешь сделать против нас, маленькая ведьма? Ваши собственные воины и те защищают нас.

Юля сжала кулачки:

– Убирайтесь с моей земли!

– А что ты можешь? Чем заставишь нас убраться?

Юля прошептала что-то, а потом выбросила вперед обе руки. Из ее растопыренных пальцев в бога ударили струи пламени. Одежда бога запылала было, но он хлопнул в ладоши, и пламя пропало.

– Ты опасная женщина, о ведьма, – сказал бог. – Но мы не боимся тебя. Мы предлагаем тебе сотрудничать с нами. Если хочешь, займи пост самого главного руководителя в городе.

– Не нужны мне ваши подачки.

– В таком случае можешь идти. Хотя нет, останься. Через некоторое время состоится казнь ослушника, и мне бы хотелось, чтобы ты посмотрела, как мы умеем казнить.

– Да уж не сомневаюсь, что вы придумали какую-нибудь гадость. Послушайте, бог!

– Да?

– А почему вы носите маску?

– Потому что лица моего не может увидеть человек и остаться в живых.

– Но я не человек, я ведьма. Покажите мне свое лицо.

– Ты забываешься. Твоя аудиенция окончена. Уходи. Ацет отведет тебя в комнату пира и угостит нашими кушаньями. А потом ты посмотришь на казнь.

– Я хотела задать еще несколько вопросов!

– Задашь потом, после казни, – насмешливо сказал бог и отвернулся.

Ацет с поклоном взяла Юлю за руку:

– Идем, госпожа.

Они вышли из комнаты, оставив бога в одиночестве, и направились по коридору, покрытому отодравшимся кое-где линолеумом. Стены коридора были оклеены афишами разных спектаклей, некоторые афиши даже заплесневели – в театре было сыровато, ведь построили его на осушенном болоте.

Долгое блуждание в закулисы театра вывело ведьму и ее спутницу в достаточно просторную комнату, бывшую когда-то гримборной. Теперь же посреди комнаты пылал костерок, над ним на вертеле поворачивалась какая-то небольшая тушка зверька. Пахло жареным мясом и специями. Тут же сидели три женщины в майских одеждах. Увидев Юлю и Ацет, они поклонились и перебросились меж собой парой слов.

– Что они говорят? – спросила у Ацет Юля.

– Они спрашивают, будете ли вы есть кошку. Она как раз зажарилась.

– Нет, – быстро ответила Юля. – Мои религиозные убеждения запрещают есть животную пищу. Так что не напрягайтесь.

Ацет что-то сказала женщинам. Те улыбнулись, поклонились и знаком пригласили Юлю следовать за ними.

– Что такое?

Женщины показали Юле какое-то варево оранжевого цвета. Пахло оно знакомо.

– Крабовые палочки, – убитым голосом сказала Юля. – Вы сварили крабовые палочки.
Нет. Это я тоже не ем. Ацет!

– Да, госпожа?

– Уведи меня отсюда, иначе меня стошнит.

– Но вы ничего не поели...

– Я не голодна. Уйдем!

Они вышли из комнаты. Юля украдкой сунула в рот мятную пастилку и пожалела о том, что не взяла с собой сигарет.

– Ацет, я хочу посмотреть на осужденного к смерти, которого собрались казнить.

– Хорошо, госпожа, это никому не возбраняется.

И Ацет привела Юлю в театральный подвал.

Здесь горели и коптили факелы, создавая неверный, какой-то ирреальный свет. Электричества то ли не было, то ли майя не врубилась, как им пользоваться. Юля не стала лезть со своим уставом в чужой монастырь и показывать, как включать лампы. Она проследовала за Ацет в центр комнаты.

Здесь сидел узник. Юля сразу узнала его – по перьям и кожаным наплечникам.

– Это же ваш вождь! – воскликнула Юля.

– Да, это главный вождь корабля, но он совершил преступление – провел корабль не тем курсом. Он должен искупить свой грех и омыть кровью тча.

– Тча?

– Священные камни.

– Могу я поговорить с ним?

– Да, госпожа. Он тоже понимает ваш язык...Встань, Тцаль, – обратилась Ацет к узнику, – вот госпожа, которая хочет поговорить с тобой.

– Какое мне до этого дело? – гордо рыкнул узник, но все-таки встал.

Ох, как же он был хорош, и Юля поняла немедленно, что не даст казнить такого мужчину.

– Тцаль? Тебя зовут Тцаль? – спросила она красавца.

– Да. – Он сложил руки на груди и свысока смотрел на Юлю. Конечно, свысока, ведь в нем было за два метра росту!

– Тцаль, меня зовут Юля.

– Уля? – вытянув губы трубочкой, произнес Тцаль.

– Ну пусть будет Уля. Я местная ведьма. Я великая ведьма. В моих силах оставить тебе жизнь.

– Нет.

– Почему? Разве тебе так хочется умереть?

– Смерть – радость воина, ведьма.

– Чушь! Скажи, а ты женат?

– Нет, я девственник и девственность свою отдал богам.

– Очень мило. Оч-чень. Ой, ну просто сойду с ума сейчас! Держите меня семеро! Да зачем богам твоя девственность?

– Богам видней.

– Послушай, Тцаль, объясни мне, в чем состоит твоя вина.

– Я неправильно рассчитал курс корабля, и мы приземлились не там, где надо.

– Но лишать за это жизни... Прости, но это безумие!

– Воин, не сделавший положенного, карается смертью.

– Да что ты заладил: смерть, смерть. Сколько тебе весен?

– Двадцать восемь.

– Самый возраст, чтобы жениться и обзавестись детишками.

– Я не люблю детей.

– Это ты так говоришь. А свои появятся – полюбишь. Послушай, Тцаль, если я попрошу главного вашего бога отпустить тебя, ты пойдешь со мной?

– Нет. Я хочу смерти.

– Вот тупица! Да пойми ты: смерть – это не по-мужски даже!

– Почему?

– Потому что настоящий мужчина не бежит от трудностей, а решает их. В порядке поступления.

– Я и не бегу от трудностей. Я принимаю все на себя.

– Стоп, стоп, стоп! Так ты за кого-то идешь на эту казнь? Ну-ка, отвечай!

– Какое тебе дело, ведьма?

– Такое. Очень даже большое. Расскажи, как все было.

– Мой брат Чи Уце не должен был проводить расчеты корабельных механизмов. Он еще молод и неопытен. Но он так хотел, чтобы я поручил ему расчеты. Он умолял меня. И я по братской любви не смог ему отказать. Чи Уце – это мой единственный родственник по крови. Чи Уце ошибся, но я принял вину на себя, о моем брате никто не должен знать.

– Так, положеньице. И тебя никак нельзя спасти от казни?

– Есть только один способ.

– Так, я внимательно слушаю.

– Если найдется женщина, которая согласится стать женой жертвоприносимого, он останется жив.

– Отлично!

– В жертву принесут ее.

– Блин! Ладно. Вот что, космонавт, я стану твоей женой и спасу тебя от гибели.

– Не надо...

– Это почему?

– Ты очень красивая, хоть и не косоглазая. Мне жаль тебя. Ты еще найдешь мужчину, за которого стоит выйти замуж.

– Нет, дорогой. Я нашла такого мужчину. Это ты.

– Ты очень вольно смотришь на меня, Уля.

– Да, и за это мне надо смазать глаза перцем, да?

– Я лучше вырву свои глаза, чем сделаю это. Ах, как ты красива! У тебя такая кожа и нежное лицо!

– Значит, я тебе нравлюсь?

– От всей души.

– Делать нечего, бери меня замуж. Сыграем свадьбу, а дальше видно будет.
– Но я незнаком с твоими почтенными родителями!
– Я сирота. Ацет, Ацет!
– Да, госпожа.
– Я выхожу замуж за Тцаля. Сообщи об этом жрецам и кому там еще надо.
– О Кукулькан! – ахнула Ацет. – Вы действительно решились на это, славная госпожа?
– Да, и хотела бы, чтоб церемонию совершили поскорее.
– Я сообщу господину змее.
– Кому?
– Верховному жрецу, – пояснил Тцаль.
– Вот, вот, – кивнула Юля. – Скажи этой змее, что мы просто еле удерживаемся от того, чтобы броситься друг другу в объятия.

Ацет ушла. Юля села на лавку рядом с узником. Вдохнула его запах – мускус, амбра, сандаловое дерево – и пожелала себе счастья. С таким мужчиной оно ей обеспечено. Правда, ее принесут в жертву. Ну это еще как поглядеть!

– Расскажи мне о себе, – попросила Юля Тцаля.
– Моя недостойная жизнь не стоит разговоров.
– Да хватит тебе смиренничать! Такой видный мужчина, а ведешь себя как старик.

Тцаль побагровел:

– Не забывайся, женщина!
– Всё, всё, молчу. И жду твоего рассказа.

Тцаль вынул из-за пояса перо сокола, воткнул его в землю и сказал:

– Вот вокруг этого пера я и буду плести рассказ.

Перо неярко засветилось, когда Тцаль заговорил.

– Родился я в девятый год Клыкастого Колибри. Отец мой – Ахаль Розовый Змей, мать – Леуйя Горная Река. Полное мое имя – Тцаль Ахаль Леуйя Пернатый Посох. Родился я на планете Орчи и видел Землю только на стенных росписях учебной комнаты. Орчи – сложная планета, на ней тяжело жить. Там часты пылевые бури и дожди из кислоты. Но мой народ приспособился и выжил. И все время жрецы предсказывали тот час, когда мы сможем отправить первый корабль на родину – Землю. И вот я, как и другие подростки из знатных семей, стал учиться в школе жрецов. Но меня привлекали звезды, космические путешествия, математические расчеты. Тогда главный жрец сказал моему отцу, чтобы тот отдал меня в школу навигаторов. Десять лет я провел в школе навигаторов и еще десять – в школе, готовившей командиров космических кораблей. Это очень ответственно и свято! Я горжусь этим. Впрочем, что теперь гордиться, если я подвел собственное племя.

– Погоди переживать, может, еще все наладится.
– Не наладится.
– А ты мне поверь, я же ведьма.
– Ты настоящая ведьма?
– Настоящая, конечно. Видишь, у меня даже хвост есть. Тебе нравится мой хвост?
– Он очень красивый. Можно его потрогать?
– Тебе можно. Но, вообще, я девушка честная и не позволяю кому попало трогать мой

хвостик. Что еще о себе расскажешь?

– Я окончил школу и стал водить корабли в ближние системы. А мой брат завидовал мне. Он родился сухчи – с мертвой рукой – и не мог быть капитаном. Но ему легко удавались все расчеты, поэтому я и доверил ему их. И вот...

– А женщины у тебя были?

– Я девственник. Я уже говорил тебе, ведьма, что пожертвовал свою девственность на алтарь ночных богов. А у тебя были мужчины?

– Нет, конечно, – легко соврала Юля и не покраснела. – Когда мне увлекаться мужчинами? Я только и делаю, что колдую.

– А ты сильная ведьма?

– Да уж не слабая.

Юля вытянула вперед руку ладонью вверх, и на этой ладони материализовался сгусток пламени.

– Не обжигает? – поинтересовался Тцаль.

– Меня – нет, а тебя может обжечь, если обниматься полезешь.

– Не полезу я обниматься! – отшатнулся Тцаль.

– Ну и зря, – мрачно хмыкнула Юля и погасила пламя. – Тцаль, а зачем вашим лекарям было разрабатывать смертоносную болезнь? Вы хотите убить все человечество?

– Не всё. Мы хотели уничтожить только тех людей, которые заняли наши коренные земли. И напугать всех остальных – чтобы к нам никто не приезжал, не касался нашей жизни.

– Какие вы все-таки противные! – в сердцах сказала Юля. – А еще древнейшая цивилизация. Хотя есть и подревнее вас. Ты знаешь, что будет двадцать первого декабря две тысячи двенадцатого года?

– То есть через пол-луны?

– Да.

– Закончится цикл Долгого Счета, и вернется комета. Она выжжет всю землю. Останутся только майя.

– С чего это вы такие избранные?

– Мы уйдем в тайные подземные города, созданные давным-давно. А потом, когда комета пройдет и мир обновится, мы выйдем на поверхность.

– Чушь какая-то! Комету еще приплел... А ты знаешь, что в мире уже появился мальчик, который через добро творит великое зло?

– Нет. Что за мальчик?

– Его зовут Собхита. Он реинкарнация Будды. Будда – это просветленный, вступивший на новый путь жизни человек. Будда был милосерден, и Собхита тоже милосерден, но за свое милосердие он выпивает из людей кровь. Вот кто устроит настоящий конец света, а не комета там какая-то!

– Так или иначе человечество погибнет. Жители вашего города уже гибнут от нашей болезни.

– Да. Нетронутыми остаются лишь ведьмы, вампиры, оборотни и прочая нежить. Почему?

– Потому что не подвержены этой болезни только боги.

– Хм. Значит, я – бог?

– Ты ведьма.

– Но по твоей логике, если я не страдаю от вашей болезни, то значит, я бог. Богиня.

Тцаль ответил неохотно:

– Да. Богиня.

– Тогда какого черта! Меня невозможно принести в жертву. Богинь не приносят в жертву. Мы поженимся и будем жить долго и счастливо на зависть всем клыкастым колибри.

Тут в узилище вошла Ацет. Она поклонилась Юле и сказала:

– О великая госпожа, верховное божество хочет говорить с тобой.

– А что насчет Тцалья?

– Насчет Тцалья не было никаких указаний. Но я слышала, что праздник жертвоприношения переносится на завтра.

Тцаль схватился за голову:

– Завтра день Холодного Ягуара! День неудачный для жертвоприношений! О чем только думают жрецы!

– Не волнуйся, дорогой, – сказала Юля. – Разберемся.

Она встала и пошла вслед за Ацет – на разговор с верховным божеством.

Бог сидел уже не на табурете. Ему откуда-то принесли канапе, и теперь он возлежал на нем, вольготностью позы напоминая пожилую матрону великосветского салона. Правда, матроны не носят плащи из алых птичьих перьев, но что ж поделать!

Под взглядом Юли божество поерзало, устраиваясь поудобнее, поправило золотую маску.

– Присаживайся, – сказала божество.

Юля села на табурет.

– Итак, ты, о смертная, хочешь связать свою жизнь с человеком нашего племени? Знаешь ли ты, что он назначен в жертву?

– Да.

– А знаешь ли ты, что, выйдя за него замуж, этой жертвой окажешься ты?

– Знаю.

– И это тебя не пугает?

– Как видите, нет. Послушайте, я думала, вы позовете меня на разговор насчет списка гостей на свадьбу, подарков, лимузина и прочего, а вы вроде как запугиваете меня. Не стоит! Я уже решила, что спасу Тцалья от смерти и он будет моим. Я ведь ведьма.

– Да, нам стало известно, что ты ведьма.

– А по-вашему, ведьма и богиня практически одно и то же.

– Вынужден признать, что да. Просто у нас мало богинь.

– Ничего, – жизнерадостно сказала Юля. – Теперь будет еще одна. Богиня брака и плодородия. В чем проблема?

– Проблема вот в чем. Если мы породнимся на свадьбе, то породнимся народами. Если ваш народ становится нам братом, мы больше не сможем распространять болезнь. Братьев нельзя заражать и губить.

– Верно! – подняла палец Юля. – Видите, как выгодна эта свадьба!

– Но нам-то она чем выгодна? – хитро спросил бог. – Нам нужны земли, чтобы выращивать кукурузу и пшеницу, строить пирамиды, храмы и дома бедняков...

– Будут вам земли! – сказала Юля. – Я не простая богиня. Я богиня-губернатор. Я подпишу указ, по которому земли совхоза «Кривая Мольда», колхозов «Исеть» и «Завет Ильича» станут вашими. Пирамиду выстроите на Желтом мысу. Там, кстати, недавно извергался вулкан, и вообще это священное место. Хрен с ним, с Юкатаном, разворачивайте свою цивилизацию здесь!

– Тогда я согласен.

– На что?

– На твою с Тцалем свадьбу.

– Вот и отлично. Предлагаю без долгих церемоний...

– Нет, как можно! Жених и невеста должны поститься седмицу, каждый день омывая тело в священной воде. Их друзья должны петь искупительные гимны. Потом приданое!

– Глаза, руки и хвост – вот мое приданое. Я ведьма! Я могу свести огонь с небес на землю. Я поражаю и исцеляю, кстати, вас, бог, могу исцелить.

– Откуда ты знаешь, что я болен?

– Запах. Кожа больного человека источает пот, по запаху отличающийся от пота здорового человека. Кроме того, проказа – сама по себе вонючая болезнь, как ни забивай ее благовониями.

Бог трясущимися пальцами снял маску. Лицо его действительно было изъедено проказой.

– Далеко ли распространилась болезнь по телу?

– Пока только лицо и шея. Поэтому я ношу золотую маску.

– Я вылечу вас. Но за это кое-чего потребую.

– Ты действительно можешь исцелить меня?

– Да.

– Тогда требуй чего хочешь.

– Пожените нас с Тцалем прямо завтра.

– Я дам свое благословение, но обряд будет проходить не по нашим, а по вашим традициям.

– Отлично. А теперь накройтесь вашей маской, я же позову Ацет.

– Хорошо.

– Ацет!

Девушка явилась.

– Знаешь ли ты кого-нибудь, у кого есть травы и кто в них разбирается?

– Да, госпожа.

– Ступай и приведи этого человека.

– Хорошо.

Спустя четверть часа Ацет привела крепенького старичка, увешанного всевозможными мешочками и кошелечками и пахнущего, как стог сена июльским летом.

– Это знахарь по имени Чолок, – сказала Ацет. – У него есть все травы на свете. Но он не может говорить на вашем языке, у него уже совсем невосприимчивый ум.

– Тогда я буду говорить, Ацет, а ты переводи это старику.
– Хорошо, госпожа.
– О славный и бессмертный Чолок! Я богиня, присланная с Луны, и мне нужны травы для лечения твоего господина.

– Ла'каче Чолок, тхорш н'га сполекен читц.

Чолок поклонился и пробормотал что-то.

– Он готов предоставить все возможное, – сказала Ацет.

– Тогда мне нужен очиток, бессмертник, полынь, куманика и степной василек. И конопля немножко. Сигаретку скрутить.

Ацет переводила, и Чолок стал неторопливо развязывать свои мешочки и расстегивать кошелечки. Из них он доставал травы и выкладывал их на стол. Юля подошла к столу и одобрительно поглядела на весь этот гербарий.

– Ацет, скажи, что я очень благодарна Чолоку, но больше в его услугах не нуждаюсь. Он может идти. А ты проводи его и возвращайся с большой чашей из глины и глиняным же кувшином с водой.

Чолок ушел. Ацет принесла чашу и кувшин. Юля ножом, который был у нее за голенищем, искрошила травы и высыпала в чашу. Залила водой. Потом провела пальцем вокруг доньшка чаши, и там, где она это делала, загорелся неяркий голубой огонь.

– Хорошо, – сказала Юля и указательным пальцем правой руки стала перемешивать в чаше содержимое. Вариво скоро закипело, но Юля не убрала пальца.

Ацет во все глаза глядела на этот ужас. А когда Юля вынула палец, он у нее оказался ртутно-серебряным, нечеловеческим.

– Достаточно, – знакомым высоким голосом произнесла ведьма. Глаза ее светились, как огоньки новогодней гирлянды. – Ступай, Ацет, – велела Юля. – И жди за дверью.

Ацет вышла.

– Что же, бог майя, вот твоё лекарство.

Бог снял маску:

– Это пить?

– Не только. Ещё и протереть пораженные участки тела.

– Но зелье ещё горячее!

– Какой неженка. Ладно.

Юля подула на зелье, да так, что в комнате ощутимо похолодало.

– Пей. Теперь оно холодное.

Бог принял чашу и отпил колдовского зелья.

– Ровно девять глотков! – приказала Юля и стояла, считала.

Потом густой кашицей из трав она натерла лицо и шею несчастного верховного божества.

– Щиплет, – проговорил бог.

– Это хорошо. Значит, под слоями пораженной кожи есть кожа здоровая. Теперь три дня подряд я буду натирать твоё лицо этой смесью, на четвертый день ты умоешься и увидишь, что проказы больше нет.

– Ты не лжешь мне?

– С чего же мне лгать? Несерьезный ты какой-то бог. Никому не доверяешь, за маской прячешься. Кстати, на дни лечения маску придется отложить. Своим клеветам скажешь, что сам себе изуродовал лицо ради их благополучия. Ну или что-то в этом роде. А пока думай о том, как вылечить наших людей. Ведь у вас наверняка имеется противоядие.

– Имеется. Но я дам его не раньше, чем увижу, что ты отдала нам земли, про которые говорила недавно.

– Отдам, отдам, все равно на них даже картошка не растет. А кукуруза вырастет! При должном уходе, конечно. Так, ладно, не будем откладывать дела в долгий ящик. Ты, боже, лежи поправляйся, а я с Тцалем пойду к нашему начальнику насчет земель и свадьбы. Пока!

Юля вышла. Верная Ацет ждала ее у двери и тут же повалилась в ноги.

– Ацет, ты что?

– О богиня колдовства, сделай меня своей рабыней.

– Нет, рабыней я тебя не сделаю. Ч-ш-ш, не реви. Ты будешь моей ученицей. Это лучше, чем быть рабыней. Я тебя многому научу, и прежде всего тому, как свести прыщи со лба.

– О богиня!

– Ладно, Ацет, ты пойдешь со мной. Сейчас отведи меня к Тцалю.

– Хорошо.

Они вернулись в узилище.

– Подъем, – сказала Юля сидевшему индейцу. – Прошу за мной. Ты свободен, а если кто-то решит с этим поспорить, у меня в запасе достаточно шаровых молний и напалма.

Ацет раздобыла три перьевые накидки – все-таки за стенами театра было холодно, – и так они вышли на неприветливый щедровский воздух. Их никто не останавливал, и они безо всяких проблем дошли до Белого дома.

В Белом доме на первом этаже играли в карты охранники. Увидев делегацию в перьях, они похватили свои «глоки» и начали орать всякие глупости типа «стоять!» и «руки за голову!».

– Спокойно, – сказала охранникам Юля. – Я ведьма Юлия Ветрова, у меня аудиенция у губернатора. А это моя команда. Пропустите.

– Пропусти ты их, Илюха, – сказал одному охраннику другой. – Ты же видишь, у них глаза как плошки.

Илюха пропустил. Лифт не работал, поэтому нашим героям пришлось подниматься на пятый этаж пешком. Но никто ни капельки не запыхался – народ был тренированный.

В предбаннике перед секретарским кабинетом сидел мертвие. Противным голосом он проблеял:

– Вы по какому вопросу к господину губернатору? Вы записывались на прием?

– На прием мы не записывались. Но ты, пожалуйста, сообщи губернатору, что пришла Юлия Ветрова с компанией.

Секретарь исчез за дубовой дверью. Через минуту вышел, широко распахнул дверь и с уважением сказал:

– Губернатор ждет вас, господа.

Наши друзья вошли в кабинет. Дверь за ними автоматически захлопнулась. Из-за

полированного стола встал господин Торчков и, быстренько сделав знак от дурного глаза, заговорил:

– Приветствую, приветствую, рад вас видеть. Просто счастлив тому, что вы, Юлия Владимировна, нашли время посетить мои скромные апартаменты. Вы мне представите ваших друзей?

– Разумеется. Это Тцаль Пернатый Посох, мой жених, а это Ацет – моя ученица.

– Присаживайтесь, присаживайтесь! Как приятно видеть такой союз инопланетян и землянки. Кофе будете?

– Воздержимся.

Все сели, и Юля заговорила:

– Прежде всего, Изяслав Радомирович, я должна развеять ваши иллюзии по поводу того, что к нам прилетели инопланетяне. Это не инопланетяне. Это земляне, многие тысячи лет назад отправившиеся к звездам и теперь вернувшиеся. Это представители народа майя, столь неожиданно исчезнувшего из своих древних городов и оставившего нам великую цивилизацию.

– Майя? – У Торčkова глаза на лоб полезли. – Вы это серьезно?

– Абсолютно. Можно провести ДНК-тестирование, и оно подтвердит мои слова: перед нами праотцы землян.

– Ну что ж, ну что ж, – заторопился Торчков. – Очень рад. Только одного не понимаю: зачем они распространили вирус?

– Всё просто: они хотели очистить землю от нежелательных конкурентов. Только произошла ошибка: их корабль приземлился не там. Должен был в Тикале, городе среди джунглей, и тогда от вируса пострадало бы куда меньше народу, в основном туристы и археологи. Вот. А оказался корабль в Щедром, где полно народу и нелюди.

– Как это жестоко – губить вирусом ни в чем не повинных людей!

– Что поделать, Изяслав Радомирович, майя – цивилизация жестокая.

– Это неправда, Уля, – сказал Тцаль, доселе молчавший как рыба камбала. – Мы не жестоки. Мы просто разумны.

– Конечно, – хмыкнула Юля. – Своим майяским разумом. Господин губернатор, я имела честь поговорить с их божеством и убедить его предоставить в наше распоряжение антидот. Так что, я думаю, с болезнью скоро будет покончено.

– Майя верны своему слову, – сказал Тцаль. – Мы вылечим людей.

– Это первое, что мне хотелось бы с вами обсудить, Изяслав Радомирович. Второе. Майя остаются на наших землях. Мы отдаем им совхоз «Кривая Мольда», площади двух колхозов и Желтый мыс. Если будет мало, добавим еще что-нибудь. Надо сделать так, чтобы майя бок о бок жили с нашими людьми и никто друг другу не мешал.

– Да что же они будут делать с этими землями?

– То, что и положено – пахать, сеять, выращивать кукурузу и сорго. Они построят рядом с Щедрым свой город, с храмами, дворцами, жильем простолюдинов, и это будет город-побратим. Подумайте – в глубине России расцветет майяская цивилизация! Это же феномен! Сколько археологов, ученых, туристов понаедут, сколько долларов и евро вольется в бюджет города!

– Да... – Слегка остекленевшими глазами Торчков смотрел в это радостное будущее.

– А вот войска придется убрать. Они тут ни к чему. Если майя побратаются с нами, армия нам будет не нужна.

– Согласен, – кивнул Торчков. – Военных отзовем сегодня же.

– Да, и составьте речь, в которой не было бы ничего паникерского. Объясните людям, что скоро они будут здоровы и вернутся в свои дома. А также в этой речи намекните прямо и недвусмысленно, что уходите с поста губернатора, потому что в свое кресло вернулась сама Юля Ветрова.

– А вот это нет! – хлопнул ладонью по столу губернатор. – Я не отдам вам власти. Тем более что вы совершенно не умеете ею распоряжаться. С вами город и область покатятся в пропасть, это неизбежно. А я буду руководить железной рукой в бархатной перчатке.

– Да? – поджала губы Юля. – Ну и черт с вами. Мне власть особо и не нужна. Только делайте все так, чтоб народ был доволен, иначе я подниму революцию.

– Уж не сомневайтесь, я не подам поводов.

– Осталось совсем немного, Изяслав Радомирович, – сказала Юля. – Прикажите вашим людям, во-первых, снять оцепление с моего дома.

– Снимем.

– Во-вторых, дайте распоряжение о создании инициативной мобильной группы. Творческой. Она должна разработать церемонию братания между майя и щедровчанами.

– Обязательно.

– Ну и, в-третьих, я приглашаю вас на свою свадьбу, Изяслав Радомирович.

– О, почту за честь.

С тем Юля и ее компания ушли из губернаторского кабинета.

На улице уже было хоть глаз коли, когда Юля, Тцаль и Ацет вернулись в убежище, где изводилась от волнения Лиза.

– Всем привет, а вот и мы! Как дела? – весело крикнула Юля.

Лиза вскочила с кресла:

– Слава богу, ты пришла!

– Я не могла не прийти. И кроме того, заметь, я пришла не одна.

Лиза посмотрела на Тцаля и Ацет:

– О боги.

– Тцаль – мой жених, Ацет – моя ученица. У вас поужинать ничего не найдется? А то там меня хотели накормить вареными крабовыми палочками.

– Сейчас придумаем что-нибудь.

Юля, Лиза и Ацет засуетились около холодильника и буфета, увлеченно рассуждая о том, что и как приготовить на ужин.

Мужчины остались один на один.

– Приветствую тебя, человек Солнца, – сказал Владимир Тцалю.

– Прими мое поклонение, бог изумрудных полей.

Обмен любезностями состоялся, после чего майя и лемуриец спокойно заговорили о делах насущных, о свадьбе Тцаля и Юли например.

А потом дамы позвали их ужинать.

Тем и закончился этот судьбоносный день.

В последующие дни Юля и Лиза носились как жаворонки над полем, у них было слишком много дел. Между тем карантин отменили, войска вывели, а всем больным дали антидот, и те пошли на поправку. Щедровчане с подозрением отнеслись к идее губернатора побрататься с майя, но, в конце концов, и майя тоже люди.

Наконец наступил торжественный день церемонии братания с майя. С утра выглянуло солнышко, подул южный ветер, разгоняя грузные снеговые тучи, так что настроение у щедровчан было прекрасное.

Церемонию решили проводить в конференц-зале Белого дома. Он и выглядел живописно (бархатные кресла, ковры, лепнина, позолота, хрустальные люстры), и в случае чего в него легко могли проникнуть спецназовцы.

Сцена была устлана коврами, а к занавесям крепились золотые знаки каббалы – символ оккультной сущности Щедрого. Посреди сцены стояли рядом два алтаря: один посвященный богине Диане, другой – богу Кукулькану. В жертвенниках, расположенных на авансцене, курились благовония. На подступах к сцене два духовых оркестра играли марши. В зале, набитом битком, сидели вперемешку майя и щедровчане.

Ровно в полдень зазвонили колокола всех городских церквей. Это было торжественно и немного жутковато. В зале Белого дома трижды протрубили трубы.

Все стихло. Затем незримый голос возгласил:

– Губернатор Холмечкой области Изяслав Радомирович Торчков!

Губернатор вышел и встал у своей части трибуны.

– Его солнцеликое божественное величество Теотикан Ксулу Амти Золотое Копье!

На сцену вышел бог майя. На сей раз он был в белых одеждах, расшитых золотом, высоком головном уборе из перьев и сандалиях из крокодиловой кожи. Он был без маски, кожа его лица сияла чистотой, как у младенца. Юлина химия помогла.

Стоя у трибуны, губернатор и верховное божество медленно и церемонно поклонились друг другу.

– Внесите дары! – приказал невидимый голос распорядителя.

С двух сторон сцены вышли две делегации – щедровчан и индейцев. В руках у них были самые разнообразные предметы. Около трибун, на которых стояли Торчков и Теотикан, возникли из пустоты два резных симпатичных столика.

Голос вещал:

– Делегация почетных граждан города Щедрого вручает его божественному величеству Теотикану ритуальный флаг города.

Флаг положили на столик. Теотикан поклонился.

Голос:

– Делегация старейшин народа майя преподносит господину губернатору золотой нагрудник в виде солнца.

Нагрудник здорово сиял, чем вызвал завистливые вздохи у сидевших в первых рядах.

Церемония обмена дарами продолжалась. Торчков подарил Теотикану дарственную на земли совхоза и двух колхозов и Желтый мыс, а Теотикан вручил губернатору великолепный экземпляр Черепа Смерти, выточенный из горного хрусталя. От этого подарка все пришли в

дикий восторг. Всем ведь известно, насколько редки и ценны эти черепа. Один экспонируется в музее американских индейцев в Нью-Йорке, другой в Британском музее, третий – в Париже. И вот теперь в Щедром появилось такое сокровище!

– Этот череп отведет от города болезни и смерть, – сказал Теотикан. – Это дар к жизни, а не к смерти.

Дальше губернатор подарил божеству изумрудный магический кристалл, сопроводив подарок словами о том, что он теперь всегда будет готов связаться с его величеством и поговорить о том о сем.

И наконец, Теотикан изумил всех, подарив губернатору самую настоящую наложницу. Губернатор вообще-то не был женат, и подарок ему понравился. Да и наложница была очень хороша.

На этом обмен дарами закончился. Дары убрали за сцену. К алтарям подошли жрец и жрица. Жрица богини Дианы вознесла молитву о благополучии двух народов и о том, чтобы их дружба была крепкой и не нарушалась никакими ссорами. Жрец Кукулькана примерно о том же попросил своего бога. В общем, получилось этакое экуменическое моление. Потом жрецы окурили целебными травами губернатора и Теотикана, после чего высшие лица подошли к алтарям. Жрецы острыми стилетами полоснули кожу на правых ладонях губернатора и бога и соединили их ладони ранами вместе. Ударил молния. Кровь закапала на жертвенник, поднялся дым, пахнувший травами.

– Майя и щедровчане – братья! – возгласили жрецы.

Возгласили они это трижды. Затем сказали, что того, кто нарушит законы братства, ждет мучительная смерть через сажание на кол.

Изяслав Радомирович и Теотикан расцепили руки. В это время произошло странное: тени, призраки, привидения прошли сквозь стены в зал и закружились вокруг глав двух народов.

– Что это означает? – спросил Торчков у Теотикана.

– Духи предков благословили наш союз, – благоговейно сказал Теотикан.

После церемонии был большой банкет, на котором изошрялись повара как майяской, так и щедровской кухни. Во время банкета гостей развлекали актеры театра «Маска» и ученицы хореографического училища. Наши герои конечно же тоже были и на церемонии, и на банкете и старались магическим способом обеспечить безопасность Торčkова – мало ли что удумали додельные майя.

Но все прошло благополучно. Юля с Тцалем вернулись в ее дом, с которого было снято оцепление. А Лиза и Влад отправились к себе. Впереди была неделя священного поста для жениха и невесты – пришлось Юле не торопиться и уважить обычаи майя. Правда, на то, что Тцаль уже поселился у нее, боги посмотрели сквозь пальцы.

...Владимир и Лиза вошли в дом. Кирилла, домоправителя, не было – он лежал в больнице. Но, судя по тому, что майя уже начали лечить больных, Кирилл скоро поправится.

– Неужели мы дома? – тихо спросила Лиза и неудержимо расплакалась.

Муж принялся ее утешать:

– Ну, Лизок, успокойся, милая! Мы вместе, все позади...

– Да, а двадцать первое?
– Да не будет ничего двадцать первого!
– То есть как? А конец света?
– Не будет никакого конца света. Мне Теотикан сказал.
– А как же комета, окончание календаря и Собхита?
– Это все только признаки, которые бывали и в ранние времена. Но от них никакого толку. Комета изменит курс, календарь снова начнется пятитысячным циклом, а Собхита... Он болен, Лиза.

– Как болен?
– Он заразился СПИДом через кровь, которую выпил у кого-то из своих паломников. Жить ему недолго.

– погоди. Так что же, конца света не будет?
– Почему, будет.
– Володька, ты меня запутал!
– Ты Откровение Иоанна Богослова читала?
– Да.
– Ну так вот. Таким он и будет, последний суд. Суд настоящего Бога и Его Сына. А все эти Дианы, Кукульканы и прочие – такая же земная нечисть, как домовые и лешие.

– Ужасные ты вещи говоришь.
– Зато разумные. Кстати, двадцать первого декабря будет некое подобие суда над этими подручными богами. Они спустятся с небес, выйдут из преисподней, и люди будут судить их. Ведь Анна Николаевна Гюллинг так и не приготовила Эликсир. Не успела, закопалась, бедняга.

– Она нас спасала. Где она сейчас, интересно?
– Можно узнать с помощью магического кристалла.
– А у нас есть магический кристалл?
– В каждой уважаемой семье Щедрого должен быть магический кристалл, дорогая.
– А мы – уважаемая семья?
– Разумеется, солнце мое. Идем наверх.
В доме все было прибрано, но на поверхности мебели лежал густой слой пыли.
– Та-ак, – протянула Лиза. – В ближайшее время меня ждет генеральная уборка.
– Мы для этого пригласим големов из службы «На все руки».
– Големы больше натопчут, чем уберут.
– Нет, солнышко, ты неправ. Големы вполне прилично убираются и берут за работу недорого.

– Хорошо, убедил. Так где же твой магический кристалл?
– Я его всегда в носки убираю. – Владимир выдвинул ящик комода.
Лиза рассмеялась:
– Ну ты и конспиратор! Носки-то хоть чистые?
– Обижаешь! Грязные я на стенку в ванной леплю.
– Володька!
Лемуриец только соорудил невинное лицо.

Кристалл из редкого камня – кварца волосатика – действительно нашелся в грудке носков. Владимир поставил его на стол, Лиза протерла бархатной тряпочкой, чтобы не было помех.

Лиза села за стол, Влад остался стоять. Он немного помолчал, сосредоточиваясь, а затем возложил руки на кристалл. Прикрыл глаза.

– Вызываю ведьму Амидаль, – медленно заговорил он. – Вызываю ведьму Амидаль...

Кристалл молчал и не светился.

– Вызываю, – упрямо возглашал Влад.

Потом отнял руки и вздохнул:

– Нет связи! Видимо, у Анны Николаевны нет кристалла.

– Да ладно! Чтоб у ведьмы да не было кристалла! Наверняка есть хотя бы мобильный.

– Мобильный, говоришь? А ведь это идея! Совсем мы с этим колдовством забыли о простых вещах цивилизации.

– Ты о чем?

– Да у меня же есть номер сотового Анны Николаевны! Вот сейчас и позвоню.

– В Дели?

– А ты думаешь, она в Дели?

– Ну я не знаю... Володя, ты только представь, во что тебе обойдется этот звонок.

– Не мелочись, Лизонька.

Владимир взял свой смартфон.

– Так, адресная книга... Гюллинг Анна Николаевна... Момент истины! Звоню!

Володя поднес трубку к уху. Сначала были длинные гудки, а потом...

– Алло!

– Анна Николаевна!

– Она самая. Представьтесь, пожалуйста, у меня ваш номер не определился!

– Володя Логинов вас беспокоит.

– Ах, Влад! Боже мой, как же я сразу не узнала твой голос! Ну как у вас там дела? Вы где?

– Уже в Щедром, у себя дома.

– Замечательно. Как дела в моем любимом городе?

– Ох, Анна Николаевна, тут столько всего было! Помните Малыша Буна?

– Это тот праведный дедок, который таскался за нами сам не зная зачем? Он куда-то делся?

– Он переместился в Щедрый с нами. И стал Юлей Ветровой!

– Так это была Юлька?! И я ее не опознала?! Все, старость, пенсия, горшок кефира. Кошмар! И что Юля?

– Видите ли, мы попали как кур в ошип. В Щедром был объявлен карантин, потому что на людей, подчеркиваю – только на обычных людей, действовал вирус, завезенный майя.

– Майя?

– Да. Анна Николаевна, метеорит был кораблем, хранившим их души. В соприкосновении с землей их души материализовались и напали на Щедрый.

– Так, все бросаю и еду!

– Погодите, все не так страшно. За дело взялась Юля. Кстати, она больше не губернатор.

– Это еще почему?

– Да потому что на время ее отсутствия кресло занял Торчков. Помните такого?

– Еще бы не помнить! Так, ладно, что там с вирусом?

– Вирус уже ликвидируется. Больных активно лечат. Видите ли, благодаря Юле щедровчане и майя побратались. Мы теперь с ними братья.

– Ну на это майя, конечно, не бесплатно пошли...

– Губернатор отдал им земли трех колхозов и Желтый мыс. Они на этих землях будут отстраивать Майяскую империю.

– Ох, держите меня семеро! Это значит, когда я вернусь, на Желтом мысу будет торчать пирамида майя. З-замечательно!

– Да ладно вам, Анна Николаевна, откройтесь новому и неизведанному.

– Ох, если уж я откроюсь, так откроюсь. Ну еще какие новости?

– Через неделю Юля выходит замуж.

– Блин, блин, блин!

– Анна Николаевна, это вы так возмущены или радуетесь?

– Радуюсь, конечно. Кто счастливец?

– Индеец по имени Тцаль. Очень симпатичный. Юле нравится.

– Ну индейцев у нее еще не было. Через неделю свадьба, говорите?

– Да.

– Попробую освободиться и прилететь.

– Кстати, Анна Николаевна!

– Да?

– У вас-то как дела? Я пробовал вас вызвать через магический кристалл, бесполезно.

– Конечно, бесполезно. У меня здесь просто нет магического кристалла.

– А где вы?

– В Индии.

– Где вы в Индии?

– Гм... Может, вы слышали о таком городе Варанаси?

– Ни разу.

– Ну вот. Я живу в маленьком мотеле в Варанаси. Тут много паломников-индуистов. Варанаси расположен на берегу реки Ганг. Паломники тут толпами по утрам омываются. В Варанаси обитает бог Шива, так что этот город для индуистов все равно что Мекка для мусульман.

– Погодите... Вы сказали, обитает бог Шива?

– Да, обитает. Он явился мне после ряда заклинаний. И мы теперь дружим. Шива в общем-то неплохой, даже хороший бог, но ему одиноко. Не с кем поиграть в шахматы и все такое...

– Анна Николаевна, но ведь вы собирались в Дели, чтобы разобраться с Собхитой!

– Я и была в Дели. Я и Сидор Акашкин. Но мы опоздали.

– То есть? Лекант убил Собхиту?

- Нет. Лекант сразился с Марой, и Мара развоплотил его. Леканта больше нет.
- А Собхита?
- А что Собхита? Получил браслеты богов и стал еще сильнее. Живет по-прежнему под покровительством Мары, исцеляет людей и выполняет их желания, требуя платы кровью. Он как паук в центре паутины. К нему спускаются с небес индуистские и буддийские божества, и он судит их.
- Но Гуаньинь сказала, что Собхита сам должен быть судим.
- Увы, этот ребенок неуязвим. Сидор пытался напасть на него, одержимый мессианскими идеями...
- Безумный! Что с ним сделали?
- Пока посадили в тюрьму. Тюрьма находится в пригороде Варанаси. Вот почему и я скрываюсь в этом городе. Эх, ребята!
- Что, Анна Николаевна?
- Здесь такие рассветы, такие закаты, что думаешь: ну кому он нужен, этот конец света?
- Конца света не будет.
- Это откуда у тебя, Вовка, такие данные?
- Я просто знаю.
- Ну дай тебе Бог.
- Анна Николаевна, чем мы можем вам помочь?
- А разве я просила о помощи?
- Нет, ну... Сидор же в тюрьме.
- С этим я справлюсь. Меня гнетет вся эта история с Собхитой. Убить его нельзя, а как остановить?
- Я думаю, что он одержим демоном Марой. Надо изгнать этого демона, и Собхита станет светлым.
- Я уже думала по этому поводу. Я не могу проникнуть во дворец. Пока не могу.
- Может, Шива вам поможет?
- Кто его знает? Он непредсказуем. Недавно подарил мне букет лотосов и золотое кольцо. А потом забрал кольцо, мотивируя это тем, что его супруга Парвати за это кольцо ему голову сойдет.
- Ох, как все запущено. Анна Николаевна, но вы вернетесь?
- Володька, ты меня не слушаешь. Я должна вызволить из тюрьмы Сидора. Он не заслужил такого отношения к себе, и так ему пришлось претерпеть массу мук.
- Ну тогда до встречи, Анна Николаевна!
- До встречи в майяско-щедровском мегаполисе! Привет Юльке!
- Связь прервалась.
- Владимир с просветлевшим лицом смотрел на жену.
- Ну вот, – сказал он. – Кажется, все налаживается.

Прошла неделя, предназначенная для священного поста Тцаля и Юли. Пока эта влюбленная парочка постилась и принимала ванны с ароматическими маслами (кому объяснить, что проделывали они это раздельно?), Лиза и Владимир развили бурную

деятельность по подготовке праздника. Они обратились в фирму «Галерея торжеств» и заказали зал для торжественного обеда, воздушные шары (в количестве тысячи штук), тамаду, оркестр (подошел джаз-бэнд, состоящий из натуральных негров, как-то и зачем-то эмигрировавших в Щедрый), голубей – чтобы выпустить при выходе из загса, фейерверки, машины (четыре белых лимузина) и так еще кое-что по мелочи. Самое главное, что проделали они это втайне от Юли и Тцаля. Правда, им потребовалась помощь в лице Бабы Зины Мирный Атом, которая была ведьмой, свахой, повитухой и страшной сплетницей одновременно.

Наступил последний день перед свадьбой. Было позднее утро, Лиза и Юля пили крепчайший кофе с ликером «Бейлис» (пост, как посчитала Юля, закончился). К кофе было ореховое печенье, пастила и арахис в сахаре. Арахис Лиза в последнее время ела тоннами – видимо, это была еще одна из причуд ее беременности.

Юля уже примерила платье, которое ей заказала Лиза, и осталась довольна. Нет, действительно, платье было классное – шифон, кружева и атлас в грандиозном изобилии.

– Мой жених не узнает меня в этом веджвудском фарфоре, – сказала Юля, вертясь перед зеркалом. – Скажет: «Уберите этого белого медведя».

– Не скажет.

– Скажет. Ох, Лиз, волнуюсь я.

– Тебе что, в первый раз замуж выходить?

– То-то и оно, что не в первый! А я Тцалю солгала, что еще не знала мужчины. Что будет, не представляю!

– Ох, Юлька, если он тебя любит, то простит и поймет.

– Мне кажется, он меня не любит и женится из чувства долга. И вообще, мне кажется, что меня мужики не любят. Будто на мне сглаз.

– Но ты же ведьма! Кто тебя может сглазить? Мало того что ты ведьма, так ты еще и сильная ведьма.

– Лиз...

– А?

– Давай позвоним Бабе Зине Мирный Атом, пусть она придет, картишки раскинет, погадает мне на будущее.

– Давай, какие проблемы!

Они позвонили бабе Зине, и та явилась незамедлительно. Специально для нее была куплена коробка шоколадных конфет «Вдохновение» и заварен чай с бергамотом.

– Ну что, девоньки, погадать решили? – спросила баба Зина с порога.

– Да, баб Зин. Да и вообще хотели бы послушать твои советы по поводу предстоящей брачной жизни.

– Ох, как округло говорите, прямо книгу пишете. Ну пошли гадать.

Баба Зина и девушки уселись на диване в гостиной. Юля поставила перед ними маленький резной столик с гладкой столешницей. Баба Зина достала карты, положила их аккуратной стопкой на стол и, воздев руки, помолилась богине Диане:

– Диана Всесветлая, благослови дело рук моих, отгони нечистоту, пригони красоту!

В комнате ощутимо похолодало и кое-где проскочили синие искорки молний. Волшба

началась.

Баба Зина медленно перетасовала карты, вздохнула и начала выкладывать первую позицию.

– Смотрим, что было.

Карты бабы Зины были своеобразными. Это не были обычные с мастями карты, не были карты Таро. На картах бабы Зины, довольно ветхих, можно было увидеть странные рисунки: штурвал, сердце, сундук с золотом, парусник и так далее. Причем рисунки были разрезаны пополам, и когда рисунок складывался, значит, что-то происходило в прошлом, настоящем или будущем. Такой совпавший рисунок баба Зина называла проколом пространства. Она вообще-то большого ума была ведьма, но именно из-за величины ума она его не особо любила демонстрировать, потому что тогда люди чувствовали себя рядом с нею дошколятами.

На стол лег первый ряд карт. В нем совпали три изображения: сердце, скелет и штурвал.

– В прошлом все ясно: ты, Юлька, была влюблена, подвергалась опасности насильственной смерти и много путешествовала. Смотрим, что сейчас.

Вторая выкладка карт совпала в двух случаях. Это была роза и сундук с деньгами.

– О, недурственно, – истолковала баба Зина. – Тебя сильно любит некий мужчина, вплоть до того, что готов бежать с тобой под венец. И у тебя есть большое богатство.

– Мм, богатство? – недоверчиво спросила Юля. – Разве только акции ВАЗа поднялись выше котировок.

– Ладно, не шути так. Смотрим, что будет.

В третьей позиции было только одно совпадение: парусник.

– Снова путешествие, – истолковала баба Зина. – Только на сей раз очень долгое.

– Не на тот ли свет? – осведомилась Юля.

– Не городи, девка, – отмахнулась баба Зина. – Твой черед еще не пришел.

После гадания она аккуратно сложила карты и намекнула:

– Чайку бы сейчас...

– Все уже готово, – пригласила к столу Лиза.

За чаем Юля спросила бабу Зину:

– Баб Зин, а почему мужики около меня не задерживаются? Может, на мне венец безбрачия?

– Нет, – решительно ответила баба Зина. – Никакого венца не вижу. Просто характер у тебя, Юль, стойкий и нордический, от такого характера любой мужик сбежит. И потом – кому нужна жена-ведьма. Это ж все равно что упаковка с динамитом – когда рванет, неизвестно.

Баба Зина отхлебнула чаю и внимательно посмотрела на девушек.

– Чувствую, тут еще одна проблема, – сказала она. – Рассказывайте.

– Баб Зин, я не девственница, – сказала Юля.

– Угм. Открыла Землю Витуса Беринга.

– Остров.

– Ну остров.

– А Тцаль думает, что у меня еще никого не было.

– Слушай, а сам он девственник?

– Вроде да.

– Тогда какого черта! Раз у него ни разу не было женщины, как он может знать, девственна она или нет! Обдури его, Юлька, и все.

И тут Юля произнесла фразу из кинофильма «Москва слезам не верит»:

– Ой, девочки, не хочу я начинать семью с обмана.

– А и вернуть девственность – все одно получится обман. Так что расскажи ему, да и дело с концом. А чтобы он был мягок и сговорчив, вот тебе травка. Перед тем как устраивать разговор, попей-ка с ним чайку с этой травкой. Он психовать не будет.

На том и порешили.

Наконец наступил день свадьбы. Об этом событии не знал только ленивый, и поэтому в Щедром был объявлен нерабочий день. С утра около Дворца бракосочетаний вертелись фоторепортеры и газетчики. Но пока им удалось только заснять гирлянды из флажков и воздушных шариков.

– Едут, едут! – закричал кто-то.

И действительно, к дворцу подъезжал кортеж из лимузинов, украшенных лентами.

Лимузины остановились. Вышли мужчины в черном, открыли дверцы. Тут же защелкали фотокамеры. Из первой машины вышел Тцаль и его свидетель лемуриец Владимир. Из второй машины выпорхнула как белое облачко Юля со своей подружкой Лизой. На них обратили внимания меньше. Подумаешь, невеста! Вот жених так жених! В смокинге и головном уборе из перьев сороки и жулана Тцаль смотрелся великолепно.

Под аплодисменты пара вошла во дворец. За ними свидетели. И двери затворились.

Надо сказать, что Дворец бракосочетания в Щедром непохож на другие подобного рода дворцы. В нем несколько залов, и в каждом из них стоит алтарь почитаемого божества. Для ведьм это, конечно, алтарь богини Дианы. Служительница алтаря читает специальные молитвы для того, чтобы союз брачующихся был прочен, окуривает их травами и приносит жертвы – фрукты, вино, украшения.

Пока их не позвали в зал Дианы, жених и невеста пребывали в разных комнатах: воротник там поправить, фату подколоть, букет встряхнуть, ну и так далее.

Юлька с Лизой стояли перед большим зеркалом в комнате невесты, и Юля материлась как дальнобойщик. Лиза между тем суежилась в районе подола Юлиного платья и молчала, потому что во рту держала английские булавки.

– Нет... ты только подумай, Лиз, весь этот... подол оторвался к ... матери! Как меня угораздило зацепиться за бампер этого... лимузина, я просто... не представляю! ...

– Умм.

– Лиз, хоть не очень позорно получается?! Ну что за ... – выходить замуж в рваном ... платье. Примета ...!

– Так, успокойся. Я все подколола, никакого рванья не заметно. И вообще, может, это мода такая. И ты ведьма, ты должна быть выше примет.

– О...!

– Юлька, прекрати ругаться. Ты себе уже всю ауру испортила. От твоих ругательств розы в букете повяли.

– Букет этот...!

– Юля!

– Ладно, всё, молчу.

Юля с Лизой уставились в зеркало. Зеркало отразило двух красивых молодых женщин: одну в свадебном платье, другую в костюме попроще, но все равно элегантном...

А потом зеркало перестало их отражать. В зеркале теперь видна была сумеречная холмистая местность, деревья и утоптанная извилистая дорога. И по этой дороге кто-то быстро шел, кутаясь в длинный алый плащ от порывов ветра, пригибавшего верхушки деревьев.

Скоро он подошел к раме зеркала и легко перешагнул ее. Оказавшись в комнате, в обществе онемевших от изумления Юли и Лизы, незнакомец сбросил плащ на пол. Под плащом оказался шитый золотом алый камзол, черные лосины и высокие ботфорты. И сбоку шпага. И над всем этим великолепием голова прекрасного, как лунная ночь, эльфа.

– Александрит? – вытаращив глаза, проговорила Юля. – Как ты здесь очутился?!

– Шел и шел по Дороге Встреч и пришел. А у тебя свадьба, золотохвостая ведьма?

– Да, Александрит. Решила вот на старости лет...

– Плохо.

– Почему?

– Потому что на свадьбах она и любит появляться.

– Кто «она»?

– Эльфийка. Она наполовину эльфийка, наполовину демон. Она безумна, но у нее есть дар пророчества. И, как правило, ее пророчества исполняются.

– Как ее имя?

– Шебти Безумная. Она может прятаться в толпе и выкрикнуть свое пророчество тогда, когда никто этого не ждет. Придется мне охранять твою свадьбу, ведьма, хотя я пришел не за этим.

– А зачем же ты пришел, Александрит?

– За помощью. Кто-то крадет эльфийских детей – это раз. Инкубы движутся войной на эльфийские рубежи – это два. И я потерял следы Тамариск – это три.

– Тамариск? Та вампирша, вместе с которой вы расследуете свои детективные дела?

– Да, – кивнул Александрит. – Обычно она пребывала в мире людей и спала. Но вот уже три дня, как я не могу с нею связаться.

– Быть может, она слишком крепко спит?

– Нет. Она захвачена. Юля, мне нужна твоя помощь.

– Хорошо, Александрит, только дай мне сперва выйти замуж...

– Прости, Юля. Я, конечно, подожду.

– Ты посиди тут, в комнате для гостей, а после церемонии я тебя познакомлю с мужем и обрисую ситуацию.

– Хорошо.

Эльф сел в кресло. Усталое улыбнулся:

– Извини, что без подарка, невеста.

– Ничего, обойдусь. Жди.

Лиза и Юля вышли из комнаты. Тцаль, сопровождаемый Владимиром, уже ждал невесту у дверей в зал Дианы. Тут вышла жрица богини:

– Вы готовы?

– Да, – за всех ответила Юля.

– Очень хорошо. В этом сезоне принято возлагать на алтарь богини персики, поэтому, я надеюсь, вы запаслись всем необходимым...

– Ой, нет, – сделала потерянное лицо Юля. – Мы про персики не знали. Мы виноград принесли. Кишмиш.

И она указала на корзину с виноградом.

– Что ж вы не озаботились все как следует узнать, – упрекнула жрица. – Впрочем, будем уповать на милость Дианы. Она примет ваш дар, не расстраивайтесь.

Юля и Тцаль посмотрели друг на друга.

– Ты любишь меня? – одними губами спросила Юля у жениха.

– Что-что? – переспросил тот.

Юля заметно погрузнела.

Наконец открылись двери в зал богини Дианы. Здесь было шикарно. Голограммы имитировали бездонное голубое небо с купами облаков, далекие снеговые вершины, рощи, дубравы, траву. Трава была такая мягкая и пушистая, что хотелось сбросить туфли и босиком пройти по ней. Пели птицы – красивее, чем поет флейта.

Тцаль огляделся:

– Как здесь прекрасно.

– Благословенны будьте, и добро пожаловать в покои божественной Дианы, – сказала жрица.

Она отошла немного в сторону, и все увидели скромный алтарь, украшенный гирляндами цветов.

– Помолимся, – сказала жрица, воздевая руки перед алтарем.

Все остальные встали на колени.

– О великая богиня Диана, дивная, непорочная, светлая, нет равных тебе. Тебя хвалим, тебе поклоняемся, тебя славим, как единственную помощницу и поддержку нашу. Снизойди к нам и прими скромные дары рабов твоих – брачующихся ныне Тцаля и Юлии и благослови их рукою своею.

Корзину с виноградом принесли к алтарю и выложили виноградные кисти на мраморную поверхность алтаря.

– О Диана, снизойди! – взмолилась жрица.

И тут всех осиял дивный свет. Юля и Тцаль во все глаза глядели на светлолицую девушку в простом белом платье, медленно подошедшую к алтарю. Рядом с девушкой шли золотая лань и серебряная собака. За плечами красавицы были лук и стрелы.

– Диана, – прошептали все и склонили головы.

Девушка присела на краешек алтаря, лань положила благородную голову ей на плечо, собака улеглась у ее босых, в зеленых травинках ног. Глаза Дианы сверкали словно сапфиры. Она отщипнула от кисти виноградинку и бросила ее в рот. Разжевала, улыбнулась:

– Какой сладкий... Благословенна будь, Юлька.

– О Диана, – прошептала Юля. – Я не смею смотреть на тебя.

– Да ладно! – засмеялась Диана. – Ты же у меня самая смелая ведьма, Юля. Замуж вон собралась, хотя совсем не знаешь своего избранника.

– Ему по майским законам грозит смерть, если он не женится.

– Да знаю, знаю. Он неплохой мужик. С ним ты горя знать не будешь. Не то что твои предыдущие.

– Он ничего о них не знает, – поглядела на впавшего в транс Тцаля прекрасная невеста.

– Правильно. Тебе тоже не след знать о его предыдущих женщинах.

– Как? Женщины? А мне он сказал, что девственник.

– Ну мне-то уж можешь поверить – никакой он не девственник. Просто врал.

– Для чего?

– Чтобы ты им заинтересовалась. Он на тебя сразу глаз положил. Очень ты ему понравилась.

– Да, вот и мне он понравился.

– Ну так совет вам да любовь. Пора тебе, Юлечка, беременеть и рожать. Вот на это тебя благословляю.

– Богиня, ритуал не таков, – осмелилась прошептать жрица.

– Да знаю! – отмахнулась Диана. Босой ступней почесала голову собаке. Та благодарно лизнула ногу Дианы. – Что ж, проведем все по ритуалу.

И тут же исчезли собака и лань, а девушка Диана превратилась в огромный столп света, льющийся с небес на всех.

– Благословение вам, пришедшим под мой кров! – раздался голос с небес. – Благословение тем, кто вступает в брак! Благословение им от рода до рода! Благословение лесам их и пастбищам их, дому их и чадам их! Да благословятся все колена земные!

На алтаре вспыхнул огонь и исчез виноград. Потом был шум, как от сильного ветра, и вдруг все стихло.

Жрица встала с колен, поднялись и все остальные. Жрица встала перед Юлей и Тцалем и лентой соединила им руки:

– Благословением богини Дианы вы объявляетесь мужем и женой. Можете поцеловаться.

Тцаль робко поцеловал покрасневшую новобрачную.

– Ох, держите меня семеро! – обалдело прошептала Юля и улыбнулась.

Они вышли из зала. Тут их ждали толпы гостей, поклонников (а что, у Юли было много поклонников благодаря перу Надежды Первухиной!), друзей и родственников. Больше всего родственников было у Тцаля – одних двоюродных теток набралось с полсотни.

– А теперь гуляем! – воскликнул приглашенный тамада. Он был хорош – в костюме Зорро, этаким кабальеро с кастаньетами. Лицо его скрывала черная полумаска.

Юля спросила у Лизы:

– Слушай, мы разве такого тамаду заказывали?

Лиза пожала плечами:

– Юльчик, может, там в агентстве напутали. Не будем сейчас выяснять. А если этот тамада напьется и будет приставать к гостям, Влад его удалит, и мы сами без него проведем

свадьбу. Не бери в голову.

Все особо приглашенные расселись по лимузинам, а те, кто особо приглашен не был, воспользовались услугами двух автобусов типа «Икарус». Но только типа! Автобусы были украшены лентами, куклами и цветами, приглашенные в них уже были хороши, поэтому горланили песни, как только могли.

Кавалькада двинулась к новому в городе и поэтому особо модному ресторану «Пласидо», но не успела головная машина колонны как следует разогнаться, как дорогу ей перебежала толстая черная кошка.

Все машины остановились. Что делать?

– Спокойно! – сказал тамада. – Все будет в порядке.

Он вышел из машины, взмахнул плащом, как тореадор, и выхватил длинную блестящую шпагу. Кончиком шпаги он начертил в воздухе затейливый символ, который тут же зашипел и засветился алым светом. Когда символ исчез, тамада Зорро объявил:

– Можно ехать!

Юля при этом сказала Лизе:

– Знаешь, когда-то я обеспечивала безопасность на чужих свадьбах, а теперь вот кто-то бережет меня на моей собственной.

– Так это ж хорошо.

– Да, только я все равно неспокойна.

В ресторане их уже ждали. Огромные столы ломились от яств и цветов. Под люстрами колыхались воздушные шарiki в виде алых сердечек. Как только Тцаль об руку с невестой вошли в зал, зазвучала «Песня для Ирландии» Дика Гогена. Это была очень лиричная медленная песня, от которой на глаза наворачивались счастливые слезы и мечталось, мечталось...

Тамада и распорядитель торжества рассадили гостей по стульям. Тцаль и Юля сидели во главе стола, рядом с ними, по обе стороны, сидели Владимир и Лиза.

– Ну вот, милый, – сказала Юля мужу. – Теперь ты узнаешь, что такое свадьба по-русски, да еще свадьба ведьмы.

Первым номером программы был хор гномов-шотландцев. Они исполнили старинную гномско-шотландскую балладу о любви и верности. Когда все уже тихо озверели от их волюнок, гномы закончили и сели во втором зале дуть пиво за здоровье молодых.

– Время для первого тоста! – объявил тамада.

Тост был произнесен. Хлопнули пробки шампанского, появились первые винные пятна на платьях.

– Тебе нравится? – спросила Юля у мужа.

– Шумно, – ответил тот.

– Прости, но мне хотелось именно большую, пеструю и шумную свадьбу.

– Да ради всех богов, – сказал Тцаль. И поцеловал жену в краешек фаты.

Ресторан «Пласидо» был оснащен небольшой сценой, и на этой сцене разыгрывались целые представления для новобрачных. Выступали актеры, певцы, музыканты, фокусники, шпагоглотатели и вообще большие специалисты в области прикладной магии. Гости аплодировали, но не забывали о том, что плещется в рюмках и ароматами исходит на

тарелках. Конечно, от каждого гостя были подарки, Юля с мужем уж замаялись их принимать. И тут тамада объявил:

– На свадьбу Юли и Тцаля специально из Тулы приехала писательница Надежда Первухина.

Все зааплодировали, переспрашивая друг у друга: «Что за писательница?»

Тучная женщина с отечными ногами и в свободном ярко-зеленом балахоне и ярких бусах вышла на сцену и раскланялась:

– Дорогие друзья! Дорогие Юля и Тцаль! Благословенны будьте!

– И тебе благословение, писательница! – воскликнула Юля.

– С тех пор как вы все появились в моей жизни, я забыла, что такое скука и уныние, – сказала писательница. – Я радуюсь каждой вашей победе и огорчаюсь, когда огорчаетесь вы. Вы – моя жизнь. Поэтому я хочу, чтобы вы были счастливы. Свой подарок – кухонный блендер – я уже передала распорядителю торжества. А сейчас позвольте скромный поэтический спич:

Ступайте же путем любви!
Весь этот путь в шипах и розах.
То счастье дарит он, то слезы
И бурю новую в крови...
Ступайте же путем любви.

Не бойтесь перестать любить –
Такого просто не случится.
Жизнь без любви – без крыльев птица,
Ее злу легче уловить.
Не бойтесь перестать любить.

И перед дверью гробовой
Одна любовь пребудет с вами –
И как надежда и как знамя
Для жизни навсегда другой.
И перед дверью гробовой.

Ступайте! Да хранит вас Бог
От всех забот, от всех печалей.
Вас нынче счастьем венчали,
Вам дали ключ от всех дорог.
Ступайте! Да хранит вас Бог.

Писательнице хлопали. Она сошла со сцены, взяла бокал, наполненный вином, и подошла к Юле. Отпила от бокала:

– Горько!

Юле и Тцалю в который раз пришлось целоваться.

– Я посвящу вам свою новую книгу! – пообещала писательница и затерялась в толпе гостей.

Празднование шло по накатанной колее. Звучали тосты, сыпались поздравления, подарки и все такое прочее. Получили молодые подарок и от тамады. Тамадой оказался – кто бы вы думали? – эльф Александрит. Он решил охранять свадьбу от бед. Помните черную кошку? Это была не просто черная кошка, это была великая пагуба, насланная Шебти Безумной. Ее-то Александрит и остановил.

Когда празднование подходило к своему логическому пьяному завершению, Зорро – Александрит пригласил Юлю на танец.

– Ты счастлива? – спросил он ее.

Юля грустно усмехнулась:

– Счастье и я понятия несовместимые. Но пока я хотя бы радуюсь, что все идет своим чередом. Кстати, спасибо тебе за кошку.

– Да ладно, мелочь. Юля, я должен знать...

– Что?

– Когда ты окажешься в состоянии помочь эльфам. Нам нужна твоя помощь.

– Если ты дашь мне на медовый месяц дня три – это много?

– Много, конечно. Но я подожду. Ты должна сполна насладиться статусом семейной женщины.

– Хорошо. Скажи, чем мне вооружиться.

– Только своим талантом, потому что мечей и стрел у эльфов и без того достаточно.

– А если я возьму с собой мужа?

– А захочет ли он? Попробуй, конечно. Но мне кажется, что майя даже не поймут, кто такие эльфы. Мы всегда жили по разные стороны стекла.

– Хорошо. Ох, я повторяюсь. Совсем опьянела. Отведи меня к мужу, Александрит.

Александрит церемонно взял под руку невесту и подвел ее к Тцалю, который как раз объяснял Владимиру и Лизе суть древней игры жертвоприношения, принятой в среде майя.

– Тцаль, – коснулась плеча мужа Юля, – отпусти моих друзей, они устали. Да и мы тоже. Едем ко мне домой.

– Лимузин для жениха и невесты, – потребовал с крыльца ресторана Александрит.

Лимузин был подан. Гости пьяной толпой вышли провожать новобрачных. В сумеречном небе расцвели букеты фейерверков.

Юля и Тцаль сели в машину.

– Тцаль, ты устал?

– Мужчины не знают усталости.

– Да ладно тебе выпендриваться. Просто скажи.

– Если просто, то устал как койот, весь день гонявшийся за бабочками.

– Ничего. Дома примешь ванну, и полегчает. Еще это шампанское... Сколько раз давала себе зарок не пить, так все равно... – Юля склонила голову на плечо мужа и сказала: – Я буду очень хорошей женой. Самой лучшей.

– И ты будешь доить коз, готовить козий сыр, а также вместе с мужем охотиться на

бледнолицых, снимая с них скальпы?

– Фу, Тцаль! Неужели индейской жене нельзя и без этого прожить?

– Можно, – тихо улыбнулся Тцаль и неловко обнял жену.

К концу поездки они так осоловели, что шоферу их пришлось довольно громко будить.

– Что за новобрачные, – удивлялся шофер. – Первый раз таких сонных вижу.

Юля отперла ладонью дверь, и они с Тцалем вошли в их теперь общий дом. Ведьма тщательно заперла за собой дверь, сбросила надоевшие туфли на высоком каблуке и пошлепала в гостиную, по дороге везде включая свет. Следом за ней пошел и муж, разувшийся у порога (раз жена так сделала, значит, так и полагается в ее доме).

– Как тебе мой дом? – спросила Юля, когда они остановились посреди гостиной.

– Красиво, просторно, но слишком много посуды.

– Ха! Это колдовская посуда, так что учти, без моего ведома к ней не прикасайся, а то превратишься в неведому зверушку. Пошли в душ.

Уж что-что позволила себе Юля на губернаторскую зарплату, так это ванную комнату. Она была размером с комнату панельной девятиэтажки. Здесь была обычная ванна на львиных лапах и встроенное джакузи, в котором можно было спокойно утонуть. Две душевые кабины сияли хромом и тонированным стеклом. Было здесь и биде, и специальная ванночка для мытья ног, и полотенцесушитель, и фены, и телевизор, и мини-бар, и бог знает еще что.

Тцаль так и застыл среди всего этого бело-голубого великолепия.

– Ты что замер? – удивилась Юля и пустила воду в джакузи. – Раздевайся.

И показала пример, стащила с головы фату и принялась возиться с застежками платья.

– Уля, – жалобно сказал муж, – я не умею снимать вот эту одежду.

– Ах да. Ну хоть перья свои сними.

– Это не просто перья, а брачный головной убор, я его должен целую седмицу, не снимая, носить.

– Ой, как у вас все запущено! Ладно, иди сюда.

И Юля принялась раздевать оробевшего Тцаля. Тот не сопротивлялся, но краснел отчаянно.

Наконец на Тцале осталась только набедренная повязка, а на Юле трусики и лифчик.

– Так и будем друг на друга смотреть? – язвительно поинтересовалась Юля. – Или хотя бы помоемся?

– Помоемся, – выдавил Тцаль.

Юля медленно и со вкусом сняла остатки своего наряда, повернулась к бедному мужу спиной и по ступенечкам спустилась в джакузи. Вода там уже была что надо.

– Тцаль! – нежно позвала она его.

И Тцаль откликнулся на зов.

Потом, когда они в банных халатах нежились на диване, Юля спросила Тцаля:

– Тебе со мной хорошо?

– Да.

– Я, конечно, на комплименты не напрашиваюсь, но все-таки...

– Ты мой солнечный лучик, – улыбнулся Тцаль. – И хвостик у тебя замечательный.

Юля прижалась ухом к груди Тцаля:

– Ох, как не хочется!

– Чего не хочется?

– Ты знаешь, кто такие эльфы?

– Эльфы?

– Да.

– Никогда не слыхал.

– Это древняя раса нелюдей, еще древней атлантов и уж куда древнее вас, майя. Они живут в параллельном потоке пространства и не вмешиваются в дела других рас. Почти не вмешиваются. Так, иногда помогают, лемурийцам вот помогали, когда их континент ушел под лаву. Но теперь эльфам самим требуется помощь. Грядет конец света, и у эльфов обострились отношения с соседями по Внемирию – инкубами. И вот мой друг эльф Александрит – он был у нас на свадьбе тамадой – просит моей помощи. Я ведь сильная ведьма, я многое могу. Обеспечить победу в войне с инкубами уж точно. А еще пропала наша подруга – вампирша Тамариск.

– Вампирша?

– Да. О существовании этих нелюдей ты тоже не знаешь?

– Как раз знаю. Они вели войны с народом Солнца, то есть с майя.

– Те войны прошли, и Тамариск не виновата, что стала вампиршей. Ее надо отыскать. Может быть, ей требуется помощь. Вот мне и не хочется всем этим заниматься, мне хочется медового месяца. Мне хочется просто быть с тобой, забеременеть от тебя. Вон Лизка беременна, ей так идет!

– Это мы еще успеем, а сейчас мы должны помочь твоему эльфу.

– Мы?

– Разумеется. Ты думаешь, я отпущу тебя одну?

Юля потерлась носом о плечо мужа:

– И не отпускай.

И с тем они заснули.

И пока они спят и не ведают о грядущих невзгодах, мы с вами вспомним о других, не менее важных, героях нашего романа. Это тибетец Друкчен и его прекрасная жена Цыси. Что же стало с ними, когда они покинули гостеприимное жилище тетушки Дзендзян?

Они оказались в убогой гостиничной комнате, полной старой мебели и тараканов.

– Где мы? – прижалась к мужу Цыси.

Друкчен распахнул окно и огляделся:

– Похоже на то, что мы в Лхасе, дорогая.

– Что такое Лхаса?

– О, это волшебный город. Знаешь, каково другое его название? «Место богов». В Лхасе прекрасные дворцы и храмы...

– Вот только из окна их что-то не видно.

– По-видимому, мы оказались в одном из бедных кварталов города. Здесь роскошь и нищета – близкие соседи. Стоило бы пройтись по городу, но в такой одежде нас могут просто

арестовать.

– Что сделать?

– Арестовать. Раньше Лхаса была священной столицей Тибета, а теперь этот город принадлежит правительству Китайской Народной Республики.

– Я тебя не понимаю.

– Ничего, со временем поймешь.

– И я не понимаю вот чего: почему мы не вернулись в Шамбалу? Ведь там все наши близкие!

– Не все. Я рассказывал тебе о своем маленьком сынишке. Мы должны его забрать и уж наверно потом отправимся в Шамбалу. Приляг отдохни, а я выйду из гостиницы, разведу обстановку.

Цыси с сомнением посмотрела на грязную продавленную кровать:

– Нет, я пойду с тобой!

И тут в дверь постучались.

– Тише! – поднял руку Друкчен.

– Кто бы это мог быть?

– Не знаю, но тем не менее готов узнать.

Друкчен подошел к фанерной, заляпанной краской двери и открыл ее.

И остолбенел.

На пороге стояла та самая старуха, которая дважды встретила его возле гестхауса деревни Дарчен, у подножия Кайласа. Одета старуха была по-прежнему в черный костюм, на голове сложная китайская прическа, закрепленная несколькими гребнями, в руках небольшой черный веер. А глаза так и горят, как расплавленное золото.

– Здравствуй, Друкчен, – сказала старуха. – Позволишь войти?

– Госпожа моя, твой раб потерял голову! Войди и обрети благословение богов.

– Благословение богов мне давно уже не нужно, я и сама богиня. Меня зовут Мать Падма.

– О великая, благословенна будь, чем я заслужил твой приход?

– Сейчас я все расскажу. Без меня вы будете здесь тыкаться как слепые котят.

Старуха прошла в комнату.

– Запри дверь, – бросила она Друкчену.

Тот немедленно повиновался.

Старуха села в кресло. Друкчен и Цыси стояли перед нею.

– Это твоя жена? – спросила у Друкчена старуха, указывая на Цыси.

– Да, о благороднорожденная. Моя супруга Цыси во всем мне поддержка и опора.

– Хорошо. Не бойся меня, Цыси, я не принесу вреда твоему мужу и тебе. Наоборот, я хочу помочь вам.

– Госпожа, – низко склонилась Цыси.

– Друкчен, где те русские, которых ты сопровождал?

– О госпожа, с ними произошло дивное! Господин умер в храме Дзунг, его тело погребли в ступе, а душа просветлилась и стала Буддой.

– А дочь?

– В нее вселилась душа принцессы Ченцэ, принцессы Шамбалы. Мы... мы с нею как-то оказались в Шамбале.

– Судя по твоим золотым волосам, прием тебе оказали неплохой.

– Да, госпожа.

– Рассказывай мне все.

И Друкчен рассказал. Особенно старуху заинтересовал поход Друкчена за священной водой в храм Благого Восьмеричного Пути и знакомство с жителями Ляншаньбо.

– Что ж, – сказала Мать Падма, – рассказ твой чудесен, но впереди тебя ждут еще более важные события. Ты не зря перенесся в Лхасу. Тебе нужно забрать своего сына.

– О госпожа, – стиснул руки Друкчен, – неужели мой бедный сынок еще жив?

– Да, потому что я присматриваю за ним. В Лхасе нам нет смысла задерживаться. Здесь сейчас разор и запустение. Знаете ли вы, что дворец Потала занят безбожниками?

– О боги!

– Лхаса уже не та, что была прежде. Этот город осквернен, святость уже ушла из него. И по всей земле сейчас оскверняются святые города, потому что пришло время тьмы. Но есть еще на свете безопасное место, в которое можно попасть. Подробности я вам расскажу позднее, я буду сопровождать вас. Сейчас я вас покину и вернусь с ребенком. Вы же сидите и никуда не высовывайтесь, гулять по Лхасе опасно. Ждите.

Старуха вышла из комнаты. Друкчен запер за ней дверь.

– Я боюсь! – воскликнула Цыси.

– Я понимаю тебя, но, кроме Матери Падма, нам некому довериться. Попробуй отдохнуть, моя дорогая.

– Здесь все такое грязное. Я не лягу в такую постель.

– Ладно, тогда посиди у меня на коленях.

Цыси пристроилась у мужа на коленях, а он стал укачивать ее, и незаметно оба задремали.

Проснулся Друкчен от страшного грохота в дверь. Цыси вскочила и расширенными от ужаса глазами смотрела на дверь.

– Кто там? – спросил Друкчен.

– Революционная армия Китая. Предварительный обыск. Открывайте, или мы выломаем дверь!

– О боги! – воскликнул Друкчен. – Где же Мать Падма?!

– Открывайте!

– Мы не одеты, – соврал Друкчен.

– Открывайте!

Друкчен кинулся к окну. Распахнул его. Оказалось, что они находятся на втором этаже и под окном идет небольшой карниз, по которому можно пройти.

Дверь уже ломали, фанера трещала. Друкчен подхватил Цыси и выбрался в окно. Непрестанно молясь, Друкчен ступил на карниз. Он прошел несколько шагов, и тут Цыси сказала, что пойдет сама. Друкчен осторожно спустил ее с рук. Цыси ступила на карниз. Ее крошечные ступни в неудобных туфельках-лотосах еле двигались по карнизу, но она неуклонно шла вперед.

– Вот они! – слышались крики из окна. – Стреляйте, товарищи, а то они уйдут!

Друкчен и Цыси прижались к стене. И шли, шли...

Выстрелы разорвали воздух.

– О милостивая Гуаньинь, спаси нас! – воскликнула Цыси.

Они балансировали на карнизе. Стена закончилась, а за поворотом карниза не было. Друкчен глянул вниз: может, прыгнуть? Но и снизу стреляли. Друкчен взглянул вверх и увидел, как на огромных крыльях к ним спускается Мать Падма.

– Держитесь за веревку, – крикнула старуха. Ее руки были заняты – она держала сверток с ребенком. – Держитесь и не бойтесь!

Цыси и Друкчен схватились за веревку и почувствовали, что быстро поднимаются в воздух. Скоро они летели среди густых облаков и не видели ничего внизу.

– Пора отдохнуть! – крикнула старуха. – Садитесь на облако.

Цыси и Друкчен, не выпуская веревки из рук, опустились на пышное белое облако. Оно было как самая мягкая циновка, как одеяло из ваты и гагачьего пуха. Наши герои сели.

– Можете выпустить веревку, вы не упадете, – сказала Мать Падма.

Они повиновались.

Старуха села рядом. Протянула тяжелый сверток Друкчену:

– Вот твой сын!

Друкчен принял сверток и развернул его. В одеяльце крепко спал мальчик лет двух, красивый, как спелый персик или яшма. Но было видно, что он сильно истощен.

– Я нашла твоего ребенка в сиротском приюте, – сказала Мать Падма. – Та женщина, что присматривала за ним, умерла, и ребенка отправили в приют. Он крепкий мальчик, отмеченный печатью богов, и потому выжил в нечеловеческих условиях приюта. Ему суждено восстановить пошатнувшееся равновесие мира.

Тут вдруг стало светло, будто луч солнца пробился сквозь тучи. Наши герои увидели, как по облакам к ним идут двое – мужчина и женщина. Они были одеты в роскошные алые с золотом одежды, волосы женщины украшали цветы хризантем, а мужчина был подпоясан поясом из дивного металла алого цвета. И как они были прекрасны, эти небожители, словами не описать!

Друкчен и Цыси встали, а затем опустились на колени, приветствуя небожителей. Встала и Мать Падма.

– Благословение вам в вечном Дао! – сказала Мать Падма.

– Благословение и тебе, богиня мудрости небесной, – сказал мужчина. – Представь нас твоим спутникам.

– О смертные, чудо снизошло до вас, – сказала Мать Падма. – Ибо вы видите настоящих Небесных Чиновников. Это Небесный Чиновник Второго Облачного Ранга Ань по прозвищу Алый Пояс. А это его вечная супруга Небесная Чиновница Второго Облачного Ранга Юй по прозвищу Расторопные Туфельки. На свете нет существ добрее и строже их.

– О, не хвали нас, Мать Падма, – усмехнулся Чиновник Ань. – А то мы испортимся, как молоко на солнце.

– Вам это не грозит, – усмехнулась и Мать Падма. – Я рада, что вы пришли на мой зов. Право же, я уж терялась в догадках, что мне делать с этими двумя и их ребенком!

– Можно поглядеть мальчика? – спросила Чиновница Юй.

Друкчен передал ей ребенка. Мальчик все еще спал.

– Он чудесный! – радостно воскликнула Юй. – Вот будет настоящий друг царевичу!

– Какому царевичу? – настороженно спросил Друкчен. – И вообще, что ждет нас?

– О том, что вас ждет, знает только Дао, – сказала Мать Падма. – Но пока я расскажу вам вот что. Когда великие боги задумывали миры, один из самых молодых богов придумал мир, который будет существовать вроде бы и въяве, а вроде бы и тайно. И попасть в этот мир можно, только читая священную книгу о нем. Книга же спрятана так, что найти ее может только истинно любящее сердце.

– В общем, всего понакручено, – сказал Ань. – Этот мир называется Яшмовым Краем. В него входит Яшмовая Империя, Жемчужный Завет и Лунтан, остров драконов. Это страны чудес и сказок. Обычным людям нет туда дороги, если только они не знают особых мест.

– А мы... – начал Друкчен.

– Ну вы люди необычные, прошедшие волшебные перерождения. Особенно ты, Друкчен. А ты, Цыси, знаешь ли ты, что ты по крови родственница самой принцессе Фэйянь?

– Я этого не знала. А кто такая принцесса Фэйянь?

– О, об этом вам еще предстоит узнать. Вы будете жить на Лунтане, острове драконов. Князь его – дракон Баосюй, княгиня – принцесса Фэйянь. Они будут рады вам и покажут все чудеса и красоты острова.

– Но зачем мы нужны таким высоким правителям?

– А вы хотели бы, чтоб я отдала вас на растерзание революционной армии Китая? Ваши жизни очень важны. Ведь вам предстоит бороться против того распада земли, который творит Собхита. Если горе и разлад царят в земле реальной, это задевает и мир таинственный. Небесные Чиновники дали обещание, что вырастят борца против Собхиты.

– Но ведь скоро конец света!

– Конца света может и не быть, если свет станет светел. Если снова вернутся к людям добро и любовь, – сказала Чиновница Юй. – Мы собираем в Яшмовом мире любящие и верные сердца и из их энергий плетем полотно, которое противостоит злу. Вы – любящие сердца, ваши силы очень нужны нам.

– И куда же вы отправите нас? – спросил Друкчен.

– На Лунтан. Остров драконов.

– Драконы и вправду существуют? – удивился Друкчен.

– Конечно! Ты китаец и не веришь в драконов!

– Я верю в них.

– Ну и прекрасно. Юй, кликни нашу волшебную ладью.

Юй кивнула и из широкого рукава платья достала дивной красоты золотую флейту. Она поднесла флейту к губам и сыграла простую, но щемящую сердце мелодию. Тут же послышался звук словно от множества птичьих крыльев и в прорези облаков образовалось самое удивительное транспортное средство, которое только доводилось видеть Друкчену. Это была ладья с высокими вызолоченными бортами, украшенная мозаикой из самоцветов. А впряжены в ладью были шесть пар белоперых лебедей, и не было у них ни одного черного пера или пушинки.

– Прошу, садитесь, – повела рукой Юй. – Ладья домчит нас до Лунтана лучше всякого перевозчика молний.

Друкчен почел за благо не спрашивать, что же это за перевозчики молний.

Все сели в ладью, лебеди взмахнули крыльями, и волшебная повозка заскользила меж облаков.

– Я немного расскажу вам о Лунтане, раз вам там предстоит жить, – сказала Юй. Она достала веер и принялась им обмахиваться. – Этот остров находится в водах моря Юйфэйсюэ. В переводе на земной язык Юйфэйсюэ означает «большой нефритовый поднос». Юйфэйсюэ – море, в котором живут прекрасные жители зеленых вод. Они добывают жемчуг и кораллы для Лунтана. Из жемчуга на острове строят святилища, а из кораллов делают посуду. Остров этот небольшой, гористый. Там прекрасные виды древних гор и водопадов. В горах селятся драконы-отшельники, которые решили посвятить жизнь медитации и созерцанию. Столица острова не имеет названия...

– Почему же?

– Надо сказать, – усмехнулась Юй, – что драконы довольно ленивы. Поэтому они и не назвали никак свою столицу. Просто Город.

– Да ведь, к слову сказать, это единственный город на Лунтане, других нет. Драконы просто строят себе в горах или на водопадах дворцы и живут там, предаваясь неге.

– По-вашему выходит, что драконы – очень ленивые существа, – с робкой улыбкой сказала Цыси.

– Ах, милая Цыси, – коснулась ее руки Юй. – Ты и не представляешь, до чего ленивы! Нынешний правитель, дракон Баосюй, женился на прекрасной принцессе Фэйянь лишь потому, что испугался ее горя.

– Ну уж нет, – возразил Ань. – Баосюй искренне полюбил принцессу.

– Ах, – отмахнулась веером Юй. – У вас, у мужчин, не поймешь, когда вы любите, а когда притворяетесь. Я даже тебя, Ань, иногда не понимаю.

Чиновник засмеялся и чмокнул жену в розовую щечку.

– Мы приближаемся к острову, – сказала Мать Падма. – Люди, будьте нелицемерны и почтительны. Вам выпала великая честь.

– Мы не посраим себя, – сказал Друкчен.

Ладья снизилась, и теперь наши герои увидели небольшой, но прекрасный, словно россыпь драгоценностей, остров. Горы и водопады, купы деревьев, заросли цветов и кустарника – все это было восхитительно.

– Ах! – сказала Цыси. – Я родилась и воспитывалась в прекрасном Ляншаньбо, но там я не видала такой красоты.

Ладья опустилась на поляну дивного сада, не примяв ни одной травинки.

– Мы в саду ее высочества, – сказала Юй, – прошу вас, выходите и почувствуйте себя как дома.

Все покинули ладью и замерли, оглядываясь по сторонам. Цвели удивительной красоты цветы, которых не найти в реальности, покачивала высокими розовыми метелками пушистая трава. На деревьях подрагивали от легкого ветерка изумрудные листья с перламутровым отливом.

– Идемте, – сказала Юй. – Нас уже ждут.

От поляны вела узенькая тропка, все пошли по ней за прекрасной Небесной Чиновницей. Пока шли, не могли налюбоваться деревьями и цветами. Мало того, в глубине леса летали дивные птицы – с человеческими головами. Птицы пели и переговаривались меж собой высокими пронзительными голосами.

Наконец тропинка оборвалась. Точнее, она просто исчезла, растворившись в траве большой круглой лужайки. Там, где заканчивалась лужайка, начинался дворец – высокий, массивный, но в то же время какой-то воздушный.

– Это и есть княжеский дворец.

Они подошли к высоким резным дверям. Навстречу им шла очаровательная беременная дракониха с разноцветными лентами, вплетенными в гребень, и золотыми сережками в блестящих ушках.

– Добро пожаловать во дворец его величества! – кланяясь, сказала дракониха. – Почтовый дракончик принес весть о том, что будут гости, и сейчас почти готово угощение и комнаты для отдыха. А я, с вашего позволения, камеристка ее величества. Князь Баосюй и княгиня Фэйянь ждут вас в главной зале. Позвольте мне проводить вас.

Все пошли за драконихой. Дворец был большой и просторный, в нем было много воздуха и света. Они шли залами, казалось состоящими из одних окон или легких занавесей. Наконец они вошли в большой круглый зал, украшенный цветами из драгоценных камней. В центре зала стоял престол, на котором сидела молодая женщина неземной красоты. На коленях женщина держала мальчугана лет двух. У ног женщины лежал огромный дракон. Голову его венчала корона.

– Поклонитесь владыкам острова! – звонко сказала дракониха и сама склонила голову.

Все поклонились.

Дракон медленно поднял переднюю лапу и когтем почесал ухо под короной. А потом сказал:

– Ладно вам раскланиваться, авось не чужие. Я вот – Баосюй, а это моя женушка – Фэйянь, а на руках у нее наш сыночек Баотань. Ему два годика. Смотрите, какой богатырь!

Сыночек дракона действительно был крупненький. Он немедленно сполз с маминых рук, перевалился через папину спину и вперевалячку подошел к гостям. За его спиной трепетали большие ало-лазоревые крылья.

– Благословение на вас! – произнес мальчик и поклонился. Потом сказал: – Я вижу, что у вас тоже есть ребенок. Можно мне поиграть с ним?

– Конечно, – улыбнулся Друкчен. – Но он все спит и спит.

– Это потому, что в том мире он очень устал, – сказал Баотань. – Но это пройдет. Моя матушка напоит его соком персиков бессмертия, и малыш очнется.

– И верно, – сказала принцесса Фэйянь. – Не будем откладывать это на потом, я немедленно приготовлю сок. Вам придется немного поскуцать без меня.

Принцесса сошла с трона и, поклонившись всем, вышла из комнаты.

– Располагайтесь, – повел лапой дракон. – Эти ковры и подушки понатащили сюда придворные дамы, чтобы с удобством заниматься сплетнями. Сейчас их, слава богам, нет. Все отправились на уборку персиков. Так что вам никто не проест мозги.

Гости сели на подушки.

– Чуть позже вам приготовят комнаты для отдыха, а после третьей стражи у нас трапеза. Надеюсь, вы не сочтете нас негостеприимными.

Тут вошла принцесса Фэйянь. Она несла в руках большой стеклянный кувшин, наполненный желтым соком.

– Вам всем надо попробовать сока персиков из нашего сада, – сказала она. – Они исцеляют и бодрят.

Сначала соком напоили маленького сына Друкчена. Он открыл глазки, улыбнулся и потянулся к отцу. Потом сока напились и все остальные и признали, что этот напиток великолепен.

– Друкчен, как зовут твоего сына? – спросила Юй.

– Мы с женой называли его Сяо-дрей, что означает «маленький боец».

– Хорошее имя, – одобрительно прогудел дракон. – Что ж, маленький боец, иди поиграй с моим сынком.

Малыши принялись возиться и бегать, наполняя зал веселым гомоном.

Принцесса Фэйянь радостно смотрела на них.

– Они ведь не погибнут, Баосюй? – тревожно глянула она на мужа.

– Об этом нет пророчеств. Известно только, что они одолеют Погубителя.

– Ты разрываешь мне сердце.

– Жена, жизнь такова. Мы рождаемся, чтобы служить ближним и стойко переносить все испытания.

Баотань надел на голову маленького бойца свой золотой венец.

– Теперь ты тоже князь!

– А что значит быть князем? – спросил маленький боец.

– Верно служить отечеству и предкам, бороться со злом, творить добро.

– Тогда я постараюсь стать князем.

Взрослые улыбнулись. Но тут же заговорили о своем.

Мать Падма сказала:

– Беда, владыка Баосюй. Безбожники захватили дворец Потала. А это один из важнейших выходов во Внемирье. И не только дворец. Захвачена Лхаса, столица, и паломники и местные жители горько страдают. Ты когда-то был покровителем этого города, помоги!

– Помогу, – сказал дракон. – Но вчера в пятую стражу мне принесли письмо от владыки Яшмовой Империи. У границ удела Жучжу собрались собакоголовые воины. С ними я тоже должен разобраться.

– Ты не говорил мне этого! – гневно привстала Фэйянь.

– Не хотел волновать, только и всего, дорогая.

– Вот что, – решительно сказала Фэйянь. – Ты, дорогой, помоги освободить священный город Лхасу, а я отправлюсь к брату в Яшмовую Империю.

– А как же наши гости?

– С ними побудут Небесные Чиновники и придворные дамы. Да наши гости не так уж и беспомощны. Они, если нужно, защитят и наше отечество, и наших детей. Я верю в них.

– Мы не посрамим ваших надежд, – сказал Друкчен.

– Что ж, тогда я кликну служанку, чтобы она показала вам ваши комнаты, – сказала принцесса и позвонила в колокольчик. Немедленно явилась та же беременная дракониха. – Милая, отведи гостей в их покои.

Дракониха поклонилась.

– Встретимся за трапезой. Благоприятного отдыха! – пожелала Фэйянь своим гостям.

Дракониха привела Друкчена и Цыси в большую комнату, обитую шелком с дивной вышивкой.

– Кто же так прекрасно вышил этот шелк? – спросила Цыси у драконихи.

– Госпожа Фэйянь. Она унаследовала божественный дар от своей матери-вышивальщицы. В честь госпожи Фэйянь и ее таланта даже названо одно созвездие на небе, хотя я назвала бы десять. Вот здесь вода для умывания, вот свежая одежда, вот фрукты. Я зайду за вами перед трапезой. Отдыхайте.

И дракониха ушла.

Друкчен и Цыси вымылись и переоделись. Легли на кровать и стали обсуждать ситуацию, в которую попали.

– Все дивно и чудно, – заключил Друкчен. – Главное, мы избежали гибели и сейчас у друзей. Мы должны отблагодарить их. Я готов жизнь отдать. Но сейчас я готов к кое-чему другому.

И Друкчен потерял ворот платья жены.

Они вдоволь наигрались в тучку и дождик, потом задремали, и из дремы их вывел приятный голос драконихи, возвещающий, что трапеза готова и их ждут.

Трапезная оказалась просторной комнатой с решетчатыми стенами вроде беседки. По деревянным решеткам вились плети винограда и роз. В центре стоял стол, на главном месте расположился Баосюй, рядом сидела принцесса Фэйянь. Гостям предложили высокие подушки для сидения.

Трапеза была обильной, но простой. Сыр из драконьего молока, засахаренные вишни, суп из мидий, свежее выпеченный хлеб. Вино было сладким и почти совсем не ударяло в голову. Друкчен похвалил вино, и Фэйянь ответила, что это вино делается на острове из специальных ягод, которые выращивают драконы-отшельники.

– Я тоже буду пить вино, когда вырасту, – заявил Баотань, который пока пил молоко.

– Да уж конечно, – вздохнул папа-дракон.

После обеда дети убежали смотреть игрушки Баотаня, а взрослые расположились на мраморных скамьях возле заросшего лотосами пруда. Ничто не нарушало их мирной спокойной беседы.

– В мире людей готовятся к концу света, – сказала Цыси. – Говорят, он будет в декабре.

– Да, такое возможно, – склонил голову Баосюй. – Но лишь если люди совсем позабудут про совесть. Я верю, что ради трех праведников Великий и Неизбывный помилуется мир.

– Но найдутся ли они – три праведника? Все мы грешны, все носим печать несовершенства.

– Послушайте, – взволнованно сказала Цыси. – Но разве дети – не праведники?

– Собхита – доказательство тому, что нет.

– Но посмотрите на Баотаня и Сяо-дрея! Это святые дети, на них нет ни одного греха!

– Нужен третий ребенок.

– Совершенно неважно, родился ли он или еще нет. Друкчен, ты помнишь Лизу? Она была беременна, вот ее ребенок и станет третьим праведником.

– Послушайте, ведь это идея! Но как мы узнаем, что Великий согласился помиловать мир ради трех детей?

– А мы на что? – поинтересовались Небесные Чиновники. – Мы хоть и по должности невелики, всего Второй Облачный Ранг, но все равно... Туда-то ангелы нас пропускают.

– Тогда надо поторопиться, – взволнованно сказал Друкчен. – Принесите наши молитвы Великому, расскажите о детях, спросите совета...

– Хорошо, – сказал Ань, затягивая потуже пояс. – Прямо сейчас и отправимся.

Юй вызвала облачную ладью, небожители сели в нее и распрощались с друзьями.

– Мы не замедлим вернуться с ответом! – пообещала Юй.

Ладья взмыла вверх и скоро стала неразличима среди белопенных облаков.

– Выпьем за их удачу! – сказал Баосюй.

Но не успели они опустошить кубки, как в воздухе над ними что-то зажужжало.

– Кто это? – испугалась Цыси, показывая пальцем на маленького, размером с ладонь, дракончика.

– Не волнуйтесь, – сказала Фэйянь. – Это почтовый дракончик. Но я не вижу у него письма.

– Велено передать на словах, – пропищал дракончик. – Слушайте! Слушайте!

– Все внимание.

– Двенадцатый Вседраконий ежегодный конкурс мастеров приготовления драконьего супа объявлен открытым! Драконы высших кланов уже прибыли на соревнования и интересуются у владыки Баосюя, когда он вступит в игру. Заявки на участие в конкурсе подаются почтовому дракончику. Отказ от игры равняется потере звания дракона. По правилам соревнования можно выдвигать своих кандидатов вместо себя, но кандидаты должны быть драконами. Начало соревнований через три дня. Жду ответа. Жду ответа. Жду ответа.

– погоди, – сказал потрясенный Баосюй дракончику. – Тут так сразу ответ не дашь.

– Конкурс мастеров приготовления драконьего супа? Впервые о нем слышу, – удивилась принцесса Фэйянь.

– Да потому что я в нем двенадцать лет не участвовал. Меня не вызывали, и я забыл... Я уже столько времени не готовил драконьего супа...

– Что это хоть за суп-то? – спросил Друкчен.

– О, это настоящее произведение искусства! По условиям конкурса в нем обязательно должен быть синий кальмар и перечная приправа. Все остальное участники придумывают сами. Лучший суп объявляется победителем, его рецепт выбивают на скрижалях Великой Драконьей Кухни, а повара награждают алмазом размером с человеческое сердце.

– Жду ответа, – напомнил дракончик.

– Да погоди ты! Что же делать?

– А что?

– Я сам должен лететь, чтобы освободить Лхасу от захватчиков, – заговорил Баосюй, – а тебе придется отправиться на родину, чтобы помочь брату отбить нападение собакоголовых. Как некстати этот конкурс! И отказаться нельзя.

– Но раньше ты отказывался...

– Я не отказывался, я посылал вместо себя дракона Люя. Но в этом году Люй ушел в монахи постигать Дао, и мне некого послать.

– Пошлите меня, владыка, – опустила на колени Цыси. – Волею богов я хорошо готовлю.

– Милая, – покачал головой Друкчен, – участник должен быть драконом!

– Хорошо, – лукаво взглянула Цыси. – А кто мне скажет: дракон – это природа или имя?

– И то и другое, – сраженно проговорил Баосюй. – Чтоб меня придворные дамы съели! Цыси может стать драконом, если я ее посвящу!

– Вот видите, все и сложилось, – улыбнулась Цыси.

– Так, дракончик, – сказала Фэйянь. – Передай распорядителям конкурса, что князь Баосюй выдвигает своего участника. Это дракониха Цыси. Она будет выступать за князя.

– Ответ принят. Будет исполнено.

И почтовый дракончик улетел, трепеща махонькими крылышками.

– Так, а теперь не будем терять времени, – сказал Баосюй. – Любезнейшая Цыси, готова ли ты стать драконом?

– Да.

– Тогда идем. Идемте все.

– И что, Цыси превратится в дракона? – взволнованно спросил Друкчен у Фэйянь.

– Наполовину. Не бойся, она не будет какой-то там хищницей. Драконы вообще не хищники. Это дураки придумали, что драконы хищники.

Они вошли в большой мраморный зал, где висело множество изображений драконов.

– Это мои благородные предки, – сказал гордо Баосюй. – А теперь проведем ритуал. Цыси, встань на одно колено.

Молодая женщина повиновалась.

Дракон хлопнул лапами. Тут же в воздухе перед ним возникла стеклянная шкатулка с переливчатыми резными гранями. Дракон взял шкатулку и поставил на небольшой столик. Открыл, достал первый сосуд, сверкающий алым пламенем. Подал Цыси, та благоговейно приняла его.

– Это моя кровь, – сказал Баосюй. – Сделай глоток, не бойся. Драконья кровь очищает и сжигает нечистые помыслы.

– Боги, помогите мне, – с этими словами Цыси отпила глоток.

Лицо ее преобразилось – оно засияло, словно золотая монета.

Баосюй взял сосуд с кровью из рук Цыси, убрал его в шкатулку.

– А вот это, – сказал он, доставая следующий сосуд, – слезы дракона. Они делают чище того, кто принимает их. Отпей.

Цыси повиновалась.

Третий сосуд был с пламенем дракона. И жидкого пламени пригубила молодая женщина, и глаза ее засверкали сапфирами под лучом солнца.

– Теперь ты сестра мне, Цыси, – сказал Баосюй. – Не будь беспечна и не посрами высокое звание дракона.

– Обещаю, – склонила голову Цыси.

– Встань, – приказал Баосюй. – Запомни, теперь ты можешь летать, жечь пламенем и исцелять прикосновением руки. Пусть это послужит тебе на удачу!

– Теперь самое главное, – улыбнулась Фэйянь, – чтобы наша Цыси сварила суп лучше всех.

– Я уж постараюсь, – улыбнулась и Цыси.

...На утро следующего дня Фэйянь отбыла в Яшмовую Империю, а дракон Баосюй полетел разбираться с захватчиками священной Лхасы. Детей поручили заботам беременной драконихи. Впрочем, дети были не особенно шаловливы и не доставляли много хлопот. А Цыси и Друкчен, оставшись во дворце, приналегли на местную библиотеку, в которой был целый шкаф поваренных книг. Цыси нашла раздел «Супы на основе синего кальмара» и прилежно его изучала. И чем больше изучала, тем меньше в ней была уверенность в победе.

– Ах, Друкчен! – всхлипнула она, откладывая двенадцатый по счету том кулинарной энциклопедии. – Я боюсь, что у меня ничего не получится!

– Верь в свою звезду, милая, – сказал Друкчен. – Все не может не получиться.

И наконец наступил день конкурса. С утра Цыси оделась в лучшее платье и вместе с Друкченом отправилась во дворец, где проходило соревнование.

Дворец был совершенен, как и все сделанное драконами, но Цыси этого не замечала. Она шепотом то повторяла правила обращения с синим кальмаром, то возносила молитвы.

Они вошли во дворец. Их встретил дракон-распорядитель:

– Мне очень приятно видеть среди наших участников драконочеловека, – сказал он. – Милая, вы умеете извергать пламя? Это совершенно необходимо – каждый дракон подогревает свой суп на собственном пламени.

Цыси открыла рот и выпустила яркую струйку пламени.

– Отлично! – похвалил распорядитель. – Вы хорошо подготовились. Проходите, пожалуйста, в зал и встаньте у разделочного стола с вашим именем.

Друкчен и Цыси на негнущихся ногах вошли в зал. Помимо них в поединке участвовали двенадцать драконов. Они уже хлопотали у своих столов, размахивая ножами, вилками и сотейниками.

Цыси нашла свой стол, увидела разложенные на нем предметы кухонной утвари и вздохнула:

– О небо, помоги разбойнице из Ляншаньбо!

– Внимание! – разнесся голос распорядителя. – Ежегодный конкурс мастеров приготовления драконьего супа объявляется открытым. Участники, поприветствуйте друг друга!

Драконы разразились лапоплесканиями, но поглядывали друг на друга не очень хорошо. Среди них пронесся даже шепоток о том, что Баосюй совсем ослаб, раз прислал вместо себя человека, да еще женщину.

Цыси подняла руку, подзывая к себе распорядителя.

– Да, госпожа, – немедленно откликнулся тот.

– А кто будет подавать мне то, что нужно для приготовления супа?

– Для этого к вам приставлены три служебных духа. Духи, явитесь!

Перед ошеломленной Цыси возникли три бесплотные тени.

– А они не проболтаются о моем рецепте другим служебным духам?

– Нет. Это исключено. Этим духам свыше трех тысячелетий, они служат кланам драконов верой и правдой. Не сомневайтесь, госпожа.

– Хорошо.

– А для того чтобы перед вами появилось нужное из вашего рецепта, просто мысленно представьте это. Или скажите шепотом. Духи немедленно всё принесут.

– Хорошо, – кивнула Цыси.

– Воду для супа из синих кальмаров все участники берут вот из этих бадей, что стоят посреди зала. Своего синего кальмара каждый участник должен поймать сам, без участия служебных духов. Я покидаю вас. Сейчас прозвенит гонг.

Распорядитель отошел от Цыси и занял место среди зрителей, а зрителей было немало.

Цыси заметила, что рядом с другими участниками стоят драконы и даже люди и сказала Друкчену:

– Это, наверное, помощники. Значит, и тебе можно быть при мне.

Бам-м-м!

– Это гонг к началу соревнований. О боги, помогите мне! – пискнула Цыси, но через мгновение Друкчен просто не узнал своей жены. Она была собранной и сосредоточенной.

– Смотри, что делают остальные участники, и повторяй за ними, – посоветовал Друкчен.

– Нет, – покачала головой Цыси. – Я придумала кое-что другое.

В это время соперники, вооружившись удочками с большими крючьями и сачками, стали вылавливать из большого бассейна юрких синих кальмаров. Кальмары были хитрые, они ускользали от крючков и сачков.

– Тебе тоже надо поймать кальмара, – сказал Друкчен.

– погоди, – таинственно улыбнулась Цыси.

Она взяла кувшин и наполнила его водой. Затем вылила воду в чан для варки супа. Чан был подвешен над жаровней с углями. Цыси пыхнула на них пламенем, и они жарко загорелись. Вода стала нагреваться.

– Нужен репчатый лук, – прошептала Цыси. – Две головки. Очищенный.

Немедленно перед ней на столе появились две очищенные головки репчатого лука. Цыси принялась мелко его рубить, дуя на нож.

– Зачем ты дуешь на нож? – спросил Друкчен.

– Все очень просто. Я отгоняю едкий луковый дух.

Когда лук был изрублен, а у Друкчена глаза слезились просто ужасно, Цыси заказала чугунную сковородку, кунжутное масло и еще жаровню. Как только все ей предоставили, она принялась жарить лук.

– Главное – не пережарить, – сказала она Друкчену. – Теперь мне нужна красная фасоль.

Фасоль опустили в кипящую воду. Тут же Цыси пожелала цинь говядины, цинь

свинины и полциня курятины. Все мясо она разрезала на тонкие полоски и разложила на доске. Затем говядину обваляла в черном перце, свинину – в красном перце, а курятину – в белом.

– Пусть лежат и пропитываются. Две чашки соевого соуса, пожалуйста!

Духи принесли соус. Цыси вылила его в жарящийся лук. Получился потрясающий аромат.

– Цыси, – прошептал Друкчен жене, – когда ты будешь ловить синего кальмара? Все остальные участники поймали уже своих кальмаров и разделяют их.

– Терпение, – подняла вверх указательный пальчик Цыси.

Когда фасоль сварилась, молодая женщина аккуратно отправила в котел изжарившийся до приятной золотой корочки лук.

– Так, а теперь мне нужно соевое мясо, филе рыбы корюшки, сельдерей, два сырых куриных яйца и рисовый уксус.

Стол перед нею заполнился требуемым. Друкчен хватался за голову, не понимая, чего добывается его хитроумная жена, а та меж тем, напевая песенку, шинковала, резала, перчила, вымачивала, ошпаривала кипятком и заливала уксусом.

Наконец все посыпалось в котел. Цыси взяла деревянную лопаточку на длинной ручке и принялась аккуратно помешивать содержимое котла.

– Цыси, но когда же...

– Тихо.

Цыси еще поколдовала над супом, добавила в него свежей петрушки и укропа. Затем погасила угли движением ладони.

– Мой суп готов, – шепнула она Друкчену.

– А кальмар?

– Ты все поймешь позже.

Прозвучал гонг – время, данное участникам конкурса на приготовление супа, истекло.

– Что ж, – сказал распорядитель конкурса. – Сейчас мы пригласим наших строгих судей и попросим их выявить самый лучший суп.

Снова прозвенел гонг, и в зал вошли три очень старых дракона.

– Приветствуем всех, – прошамкал первый дракон.

– А? Что ты сказал, не слышу? – гаркнул второй дракон, потирая ухо.

– Когда будут кормить? – сурово осведомился третий.

– Уважаемые судьи! – сказал распорядитель. – Просим вас подойти к каждому столу и отведать тот суп, который приготовил тот или иной участник.

– Опять отрыжка будет, – сказал первый дракон. – А я газом рыгаю. Метаном.

– Заткнись, – сказал третий дракон. – Пошли жрать.

Тройка судей подошла к первому участнику – белому с серебром дракону, – взяла ложки и попробовала его стряпню.

– Что сказать? – спросил у коллег третий дракон.

– Так себе супчик. Остроты не хватает, – сказал второй судья.

А первый рыгнул. Метаном.

Так, лениво переговариваясь, рыгая, икая и волоча хвосты, драконы-судьи подходили к

столам, пробовали суп и выносили свое решение. А решения их были весьма мрачными. Некоторые драконы-участники рыдали в голос, некоторые падали в обморок. Бедный Друкчен! Он так переживал за судьбу творения своей жены.

Наконец тройка судей подошла к столу, где стояла Цыси.

– Человекодракон? – удивились судьи. – Давненько такого не видали.

Цыси очаровательно улыбнулась:

– Пожалуйста, кушайте!

Судьи черпнули ложками и попробовали.

– Гм, – прошамкал первый. И полез за добавкой.

– Недурственно, – сказал второй. И тоже полез за добавкой.

А третий ел молча, но за обе драконьи щеки.

В результате драконы съели весь суп, который сварила Цыси. И объявили:

– Победил суп вот этой участницы!

Драконы зароптали, но быстро смирились.

– Откройте же нам тайну вашего супа, чем он так отличается от супов всех остальных участников. Как вам удалось так вкусно приготовить синего кальмара?

– Очень просто, – сказала Цыси. – Я не стала добавлять синего кальмара. Ведь все знают, что кальмар несъедобен.

– Это хитрость! – заворчали драконы.

– Это лукавство! – даже крикнули некоторые.

– Здесь нет хитрости и лукавства, – объявил распорядитель. – Наша участница заменила кальмара соевым мясом, а нигде в установлениях конкурса не сказано, что кальмара нельзя чем-то заменить. Этот рецепт супа войдет в скрижали кулинарного храма! Победила госпожа Цыси!

Драконы захлопали хвостами, что означало у них высшую степень восхваления.

И Цыси получила в качестве приза алмаз величиной с сердце человека.

Глядя в прозрачные глубины алмаза, Цыси сказала:

– Друкчен, дорогой...

– Да?

– Я все думаю, куда делись наши друзья-разбойники. Лей, Пей, Жуй и другие.

– Я тоже об этом думал. Наверное, они вернулись в Шамбалу.

– Как я хотела бы быть сейчас там, где они!

Ох, хорошо, что боги не всегда выполняют желания людей. Потому что если б Цыси тут же оказалась там, где были сейчас братцы-разбойнички, то горько бы об этом пожалела.

Что же с ними стряслось? Мы не будем делать из этого секрета: Жуй по прозвищу Железная Крыса, Дуй, прозванный Ветром В Ракитах, монах Куй, он же Аист Не Вовремя, Лей Яшмовый Таз и Пей, именующий себя Волшебником Лазуритового Города, оказались в Шамбале, в великом городе Чакравартине.

Поначалу они даже не поняли, где находятся. Это было темное пустое здание, в котором витал запах пожара и тления. Разбойники огляделись. Стены обуглены и почернели, полы предательски трещат под ногами и покрыты слоем густого пепла, кругом обрывки

тканей, закопченные балки, разграбленные сундуки, какой-то мусор.

– Братья, – со страхом в голосе сказал Лей, – а знаете, где мы?

– Ну?

– В «Озорной пташке».

– Да ты что!

– Смотрите вот на ту балку. Видите, на ней написаны непристойные иероглифы? Это я написал, когда как-то побывал у Мой-нян.

– Да уж, ты известный писака. И впрямь похоже на «Пташку». Но почему здесь всё как после пожара?

– Выясним позже. А теперь давайте выбираться отсюда. Не дай боги, проломится пол или сверху упадет балка.

Разбойники вышли из разрушенного дома. И что же предстало их глазам?

Чакравартин лежал в руинах. Всюду, куда ни кинешь взгляд, – разруха, пожарище, обломки былой славы.

– Где же жители? Ведь они не могут погибнуть.

Действительно, жители Шамбалы чудесным образом не могут умереть. Но то состояние, в каком они сейчас находились, жизнью было назвать никак нельзя.

К разбойникам приблизился человек в драной одежде. Половина его лица была страшно обожжена, руки тоже были обожжены, но ими он крепко держал острую пикку.

– Кто вы такие? – визгливо спросил человек. – Как проникли в наш изумительный город?

– Изумительный город?

– Да, наш город воистину изумителен. Посмотрите, какие дворцы, какие башни и храмы! Столько позолоты и красного дерева вы нигде не найдете! А как цветут деревья! Ощущаете ли вы этот дивный аромат? А трели птиц! А пение цикад!

Оглоушенные разбойники оглядывались вокруг, но не видели и не слышали ничего из того, о чем говорил тот, что с копьем.

– Ну что, – сказал он, махнув в их сторону копьем. – Восхищаетесь?

– Мы восхищаемся только твоей слепотой, о благороднорожденный! – воскликнул Куй. – Как же можно так заблуждаться! Этот город лежит в развалинах, нет ни одного целого дворца или пагоды, все осквернено и попрано. Какая позолота? Вместо нее угли! То не птицы поют, то ветер свищет над развалинами, гоняя мусор. О горе, горе тебе, Чакравартин!

– Да как вы смее? – возмутился коренной житель. – Протрите глаза! Вы, видно, пьяны, что говорите такие вещи о нашем прекрасном городе! Сразу понятно, что вы чужеземные смутьяны, решившие распространять хулу и клевету. Придется вас отправить в тюрьму.

– За что? За то, что мы говорим правду?

– Вы лжецы и клеветники! Эй, стража! Сюда, сюда!

Послышался топот ног. На площадь выбежала дюжина разномастно одетых мужчин. На ком была только кольчуга и штаны, на ком засаленный дырявый халат, но все были вооружены мечами.

– В чем дело, страж врат? – спросил человека с копьем командир.

– Я тут застукал преступников против города и императрицы! Они утверждают, что наш город, простите меня боги, лежит в развалинах и тут только пепел пожарищ.

– Может быть, чужеземцы так шутят? – напряженно поинтересовался командир. – Может, таков иноземный юмор, столь тонкий, что мы его не видим. Что молчите, чужеземцы? Объясните свое поведение и, кстати, заодно приготовьте грин-карты.

– Добрый человек! – обратился к командиру Куй. – Мы не лжецы и не хулители. Мы видим то, что есть, и говорим так, как есть. Кто такое сотворил с этим городом? Ведь раньше Чакравартин был действительно прекрасен.

– Он прекрасен и сейчас, только почему-то вы отказываетесь это понимать. Грин-карты где?

– Добрый человек, мы даже не знаем, что такое эти ваши карты.

– Я вам не добрый человек, а командир отряда. Впредь так ко мне и обращайтесь. Грин-карта – это разрешение на проживание и передвижение по Чакравартину. Если у вас нет грин-карт, значит, вы разбойники и дорога вам одна – в тюрьму. Точнее, исправительное учреждение, где таким, как вы, быстро вернут истинное зрение и понимание мира.

– В тюрьму? Да за что же? Мы ничего плохого не сделали.

– Нет, сделали. Вы похулили наш город, а этого лунолика владычица Ченцэ не прощает никому. Взять их!

Дюжина бойцов кинулась на наших друзей и, казалось, неминуемо должна была победить не умением, так числом, но разбойники под предводительством Куя быстро перегруппировались и дали достойный отпор, хоть и без оружия. Разбойники прекрасно владели боевыми искусствами, особенно удавалась им школа пьяного комара. Поэтому через пять минут стражники лежали и жалобно стонали, а наши герои стояли в боевых позах и готовы были к дальнейшим подвигам.

– Еще будете нападать? – насмешливо спросил Лей.

Ох, зря он это спросил. Командир достал из кармана что-то вроде дудочки и дунул в нее. Дудочка издала пронзительный противный звук, вроде как железным когтем провели по стеклу.

– Берегитесь! – сказал командир.

Что-то загрохотало в небе, словно гром. Сверкнула молния. А потом наши разбойнички увидели, как с небес на землю опускается жуткое чудовище. У него было три похожих на женские головы, волосы – длинные извивающиеся змеи, глаза – огненные площадки, из пасти торчат два ряда острейших красных клыков, тело чешуйчатое, как у дракона, хвост скорпиона, крылья летучей мыши, только огромные, и шесть лап наподобие львиных. В общем, жуть полномасштабная.

– Это наш генерал, – сказал с довольной улыбкой командир. – Так вы подчинитесь нам или он на месте разорвет вас на кусочки?

Что оставалось делать нашим героям? Они бросили оружие, каким обзавелись во время боя, и дали связать себе руки. Между собой их сковали цепью и так с позором провели через весь разрушенный город. Только одно успели заметить разбойники – императорский дворец был не тронут разрушением. Его стены, облицованные красной плиткой, сверкали, как и прежде.

- Кто же обитает сейчас во дворце? – осмелился спросить Дуй у стражников.
- Прекрасноликая императрица Ченцэ, – был ответ.
- А где же ее родители – император Эли и императрица Ен?
- Они пошли путем земли, – был туманный ответ.

Но разбойники прекрасно поняли, что это за «путь земли». Императора и императрицу попросту превратили в какие-то предметы. Ведь в Шамбале никто не умирает, но может преобразиться в предмет, дерево или даже облако. Но кто так поступил с императорской четой? Они ведь были неплохими людьми, правда, любили всех казнить. Но кто нынче без недостатков...

Разбойников привели к еще одному очень крепкому на вид зданию. Оно было выложено из желтого камня, окошки маленькие и зарешеченные, вокруг высокий забор, и всюду понасыпано битое стекло. У входа стояли два дюжих охранника.

– Вот привели еще на исправление, – сказал командир отряда, указывая на наших друзей.

- А что с ними не так? – лениво поинтересовался один из охранников и сплюнул.
- Хулили наш прекрасный город, называя его развалинами, и не имеют грин-карт.
- Ого! Это серьезное преступление. Может, попросить нашего колдуна превратить их в ночные вазы?

– Нет, пусть сначала посидят, осознают свои грехи и ошибки. К тому же императрица Ченцэ не велит сразу превращать чужеземцев. Она сама сначала разговаривает с ними, понятно?

– Понятно.

– Добро пожаловать в нашу исправительную пагоду! – с ухмылкой сказал второй стражник. – Надеемся, вам будет о чем поразмыслить.

Стражники привели наших друзей в большую камеру. Здесь уже сидело несколько истощенных людей, прикованных к стенам. При виде стражников они начали стонать и вопить:

- Накормите нас!
- Дайте нам воды!
- У нас нет сил!
- Пощадите!
- Пощадите!

– Вот вам еда и питье, – сказали стражники, толкая в камеру разбойников. Расковывать их не стали. – Ешьте их мясо и пейте их кровь. Гляньте, какие они упитанные!

С тем стражники и ушли и закрыли за собой дверь. Слышно было, как с лязганьем поворачивается в замке ключ. Потом удаляющиеся шаги, и все...

Тишина.

Вдруг тишину нарушило шипение. Разбойники вскочили и прижались друг к другу.

– Здесь змеи! – взвизгнул Пей, который змей просто не переносил.

Но никаких змей не было. Да ни одна змея не выжила бы в таких адских зловонных условиях. Это шипели и завывали прикованные к стенам насельники тюрьмы.

– Дайте нам вашу плоть, – шипели они. – Дайте нам вашу кровь!

– Мы разорвем вас на кусочечки и каждый кусочек съедем!

– А кровушку выпьем, да-да!

– Вы и ахнуть не успеете!

– А мне глазик! Я так люблю есть человеческие глаза!

– Что делать будем, братцы? – спросил у друзей монах Куи. – Из центра комнаты нам выходить нельзя и прислоняться к стенам тоже нельзя – мигом ухватятся эти голодные.

– Будем стоять тут и спать стоя по очереди.

– А как справлять нужду?

– Глупец! Боги специально сделали так, чтобы мы писали стоя.

– А...

– «А» будет не с чего. Неужели не видишь – здесь никого не кормят.

– Чем бы заняться, чтобы не сойти с ума?

– А давайте устроим поэтическое соревнование. Победит тот, кто прочтет лучшее стихотворение.

– Но как мы узнаем, что стихотворение лучшее?

– Эти жабы, что прикованы к стенам, заплачут.

– Что ж, давайте. Все мы грешим стихами.

– Жуй, начинай!

И разбойник Жуй по прозвищу Железная Крыса продекламировал, позвякивая цепью:

Вечность дует в сердце мое,
Словно ветер в оконный проем.
Красноватая горка песка.
Одиночество. Боль и тоска.
Ветер песни поет обо мне,
О чужой непонятной весне.
Я услышу лишь тихую грусть
И открою окно: ну и пусть.

– Какое стихотворение замечательное! – сказал Куи. – Вы только подумайте, у нашего Жуя была подруга, с которой он был так нежен! Не всю жизнь он, оказывается, размахивал топором и дубинкой.

– Да уж, не всю, – кивнул Жуй. – Рассказать вам эту историю?

– Расскажи, расскажи!

– Дело было тогда, когда я еще не промышлял разбоем, а занимался сбором налогов и служил в приличной чиновничьей палате, и была у меня алая шапка с золотым шариком, что, как вы знаете, означает чиновника первого ранга. Я был одинок, не женат и не имел сколь-нибудь постоянной подруги. И вот как-то после долгого заседания в налоговой палате я пошел не домой, где старая служанка приготовила бы мне обычный ужин из утятин и риса, а в славный кабачок «Теплый прием». Время было позднее, среди посетителей было два-три человека. Я сел за столик, освещенный красивой масляной лампой, и стал ждать служанку. Но вот вижу: подходит ко мне женщина необыкновенной красоты и статности.

Одета в розовую юбку и золотую кофту, поверху жакетка из меха соболя. На голове роскошная прическа, украшенная цветами и лентами.

«Мое почтение вам, благороднорожденный! – сказала она таким певучим голосом, что я умилился. – Я хозяйка этого заведения, имя мне Вей, а родительское прозвище Золотая Ленточка. Чем могу служить?»

Я встал и раскланялся.

«Я чиновник налоговой палаты Жуй, прозванный Точные Весы. Я кланяюсь вам и прошу разделить со мною трапезу».

«Согласна. Народу немного, да к тому же кабачок скоро закрывается. Я подам вам лучшие блюда нашего заведения. Прошу немного подождать».

Буквально через четверть часа передо мною стояли самые изысканные яства и вина. Себе же хозяйка положила лишь соевого творога и налила стакан воды.

«Отчего вы так скромно вкушаете?» – удивился я.

«Я обязана держать траур по недавно почившему мужу. Его родня следит за мной, за каждым моим шагом, бояться, чтобы я не уронила себя».

«Ну ужином со мной вы ничуть не уроните своей чести».

«Ах, к слову сказать, мне уже надоели мои родственники. Они вынуждают меня заниматься этим кабачком, тогда как я хотела бы удалиться в монастырь».

«О нет, – всерьез испугался я. – Только не в монастырь. Иначе я бы вас никогда не встретил».

«К добру ли эта встреча», – прошептала она.

А я, верите ли, уже по уши влюбился в нее. Все было в ней дивно и прекрасно, и она была вдова.

«Выходите за меня замуж», – тут же предложил я, решив, что железо надо ковать, пока горячо.

«Я бы с удовольствием, вы мне очень понравились, – смущенно сказала Вей. – Но я должна еще пять лет хранить вдовство».

«Как это жестоко! – воскликнул я вне себя. – Послушайте, я провел в вашем обществе всего час, а ощущение такое, будто знаю вас лет двести, словно мы всегда были вместе».

«У меня такое же ощущение, – прошептала она. – Мне кажется, мы были бы очень счастливы».

«Вей, послушайте, – сказал я. – Через два дня у меня отпуск. Я его собираюсь провести на берегу священного Жемчужного моря. Едемте со мной!»

«А моя родня?»

«Ей ни к чему об этом знать!»

«Но вы сочтете меня нескромной и распущенной...»

«Никогда. Я люблю вас. Люблю с той самой минуты, как увидел».

«И я неравнодушна к вам», – склонила голову она.

Наши руки переплелись, а губы встретились. Она одарила меня таким сладостным поцелуем, какого мне не забыть вовек. И вот, когда начался мой отпуск, мы уехали к Жемчужному морю. Ах, какие это были дни. А ночи! Она дарила мне наслаждение и счастье, и я уже не представлял, как буду жить без нее. Но... судьба порой жестока.

- Что же случилось?
- Однажды она ушла купаться и не вернулась. А через день ее тело, прекрасное даже в смерти, вынесло приливом. Видимо, ее затянуло в водоворот, и она с ним не справилась. Жуй отер слезящиеся глаза.
- Простите меня, – сказал он. – Это грустная история, я не люблю ее рассказывать.
- Эта история возвышает тебя, Жуй! А как ты стал разбойником?
- О, просто покатился по наклонной плоскости. Выпивка, продажные женщины, азартные игры... На все это нужны деньги, и стал я красть государственные средства. Меня поймали и присудили к смерти, но и тут красавица Вей в последний раз помогла мне.
- Это как же?
- Она явилась мне в тюрьме и волшебной силой, данной ей после смерти, отперла замки и усыпила стражу. Она сказала, что делает это из любви ко мне, но позволено ей это сделать только раз. Так что здесь она не появится, не надейтесь, братцы.
- Что ж, прекрасна твоя история, Жуй, и стихи хороши.
- Я уже почти и забыл, что мы в тюрьме.
- Но, увы, действительность грустна. Да еще эти голодные так и зыркают.
- Угораздило же нас!
- Давайте не будем о печальном. Давайте продолжим читать стихи. Чья очередь?
- Наверное, моя, – робко сказал Дуй по прозвищу Ветер В Ракитах.
- Что ж, дорогой Дуй, слушаем тебя.

Осень придет и спросит,
Что же я делал летом.
Но на ее вопросы
Я не найду ответа.

Я обещал добиться,
Я обещал не плакать...
Осень в стекле двоится,
Мир превращая в слякоть.

И для чужого счастья
Я ничего не сделал.
Осень. Пора прощаться.
Скоро все будет белым.

Но почему, ответь мне,
Был я столь беспечален?
Осень на белом свете:
Время не спать ночами.

- Я очень люблю осень, – смущенно сказал Дуй. – Знаете, такие мгновения случаются

осенью проникновенные. Золото листвы, алые клены и пижма... Недаром я прозван Ветром В Ракитах, я очень люблю природу. На природе я познакомился с единственной любовью всей моей жизни.

– О, Расскажи, Расскажи!

– Вы только не смейтесь, ладно? Было тогда мне тринадцать лет, и, как только выдавалась возможность, я уезжал подальше от города, в лес. Я бродил по лесу, вкушал дикие ягоды, любовался цветами и слушал пение птиц. Словом, прекрасно и уединенно проводил время. Для меня лес был домом. Но однажды случилось так, что я свернул с привычной тропы и постепенно заблудился. Я бродил, лес вокруг меня стал непривычным и незнакомым, темнело, я беспокоился, что до темноты не найду дорогу домой. Обессиленный, я остановился, стал кричать, надеясь, что на мой крик отзовется какой-нибудь охотник или лесник. И вдруг я услышал ответный крик:

«Стойте на месте! Я вас выведу!»

Я замер, опершись на ствол какого-то дерева. Скоро послышался шорох листвы и треск сучьев, и перед собой я увидел человека в одежде лесничего.

«Я заблудился», – сказал я.

«Понятно, – кивнул лесник. – Следуй за мной».

И мы пошли сквозь совершенно непроходимый лес. Мой провожатый шел уверенно, находя путь по каким-то своим приметам.

«Сейчас поздно, – сказал он. – Довести до тропы, ведущей в город, я не могу. Переночуешь в моей избушке, а утром я отведу тебя туда, где ты уже сам можешь найти дорогу».

Я принялся благодарить, к тому же моей природе, склонной к приключениям, очень нравилось то, что ночь я проведу в настоящей избушке лесника. Быть может, мы подружимся, и он расскажет мне какую-нибудь лесную историю, до которых я был страшно охоч.

Мы вышли на прикрытую сумерками полянку, и на ней я увидел крепкий деревянный домик с тесовой крышей.

Лесник подвел меня к дому.

«Добро пожаловать», – сказал он.

Мы вошли. Дом был бревенчатый, освещался лучиною и выглядел очень уютно.

«Садись», – указал мне лесник на лавку.

А сам скинул свою теплую куртку и шапку и оказался симпатичной женщиной с длинной косой. Было ей на вид лет двадцать семь – тридцать, но ни одна морщина не портила ее лица. Я увидел, что у нее очень нежная, хоть и загорелая кожа, яркие глаза, полные губы.

«Мальчик, – улыбнувшись, сказала она мне. – Что ты так на меня смотришь?»

Я смутился. Конечно, я был для нее мальчишкой – всего-то тринадцать лет! К тому же я был еще девственником и перед женщинами робел. Вот, и тут я сказал:

«Простите, госпожа, но я думал, что вы лесник-мужчина. Все-таки это опасная работа».

«Не опасней многих. Моя старшая сестра работает начальником строительного отряда. У нее под началом пятьдесят мужчин. Вот так-то. А сейчас мой руки и садись к столу ужинать».

Она разогрела в маленькой печи скромный, но очень вкусный ужин из свежей дичи и подала его на стол. Еду мы запивали легким пивом, которое она варила сама. И с каждой минутой, что я проводил в ее избушке, я все сильнее влюблялся в нее. Понимаете? Это была первая женщина, которая обратила на меня внимание, не отвернулась от меня, как от прыщавого юнца, внимательно слушала мои бредни и так далее. К тому же она была красива, я просто любовался ею. И тут я впервые ощутил себя мужчиной. Я чуть с ума не сошел! Еще не хватало, чтобы это вздутие на штанах увидела моя приветливая хозяйка! Да кем она меня сочтет?!

Меж тем она постелила мне на лавке, пожелала спокойной ночи, а сама ушла в маленькую каморку за занавеской, где, как я понимал, находилась ее постель.

Мы легли, пожелав друг другу спокойной ночи. Я слышал, как она причесывается, и до спокойствия было ли мне! Видите ли, в женщинах я больше всего ценю волосы, и чем они длиннее и гуще, тем прекраснее для меня женщина. Я заворочался на своем ложе и постарался задремать.

Признаться, мне это не удалось. Я вскоре услышал, как нежно посапывает моя хозяйка, у меня же сна не было ни в одном глазу. И тут я услышал, как за дверями избы кто-то тяжело ходит и скребет когтями. Медведь, подумал я, а надо сказать, крупных зверюг я все-таки побаивался.

«Госпожа! – позвал я хозяйку. – Госпожа! Вы слышите? Кто-то ходит за дверью».

«Что стряслось? – сонным голосом спросила женщина. – Я только-только заснула...»

«Кто-то ходит за дверью, – повторил я дрожащим голосом. – Я... Мне страшно».

«Не бойся, – так же сонно сказала хозяйка. – Это или медведь, или дух леса. Спи».

«Госпожа, я боюсь спать в одиночестве», – пробормотал я, заливаясь краской.

«О боги, – хмыкнула она. – Ну иди в мою постель, я уж потеснюсь как-нибудь».

Я ужом прополз в ее постель. Там было тепло и уютно и пахло ее телом.

«Мальчик, сколько тебе лет?» – спросила хозяйка.

«Пятнадцать», – соврал я.

«И ты боишься спать один? А бродишь по лесу... Станный ты какой-то».

Она повернулась ко мне спиной и снова заснула. Мне же, разумеется, было не до сна. Она была нагая! И совсем не стыдилась при мне своей наготы, словно я был просто малышом!

Я лежал и слушал ее дыхание. Вот оно стало совсем сонным, и тогда я осмелился. Я стал рукой гладить ее длинные волосы и в упоении целовать их. Мое естество напряглось до боли, я жаждал эту женщину, как в пустыне жаждут воды. Но я еще не умел обращаться с женщиной.

И тут она повернулась ко мне лицом. Не просыпаясь, она положила руку мне на грудь, а голова ее устроилась на моем плече.

«Госпожа», – прошептал я, но она не проснулась.

Тогда я стал целовать ее большие тяжелые груди с крепкими сосками. Я никогда их не забуду, сколько б женщин потом ни было. Грудь твоей первой женщины – это воспоминание, которое надо сохранить до самой смерти! И вообще, тело женщины – это самое драгоценное сокровище в мире!

Одновременно я поглаживал и груди и тело. Ее кожа была на диво шелковистой, видно, она мылась в лесных ручьях. Потом моя рука достигла ее святилища. Я начал осторожно обследовать его, сам на пике желания. О как это было приятно и страстно!

И тут она проснулась. Я страшно испугался, но мое естество не съезжилось, а, наоборот, еще больше разбухло от осознания того, что я почти лежу на ней и глажу ее сокровенное местечко.

«Мальчик, – прошептала она. – Ты хитрец. Спать одному ему страшно!»

«Я люблю вас», – сказал я, пряча лицо в ее волосы.

«Ну это слишком, а вот игры в тучку и дождик у меня давненько не было. Что ж ты медлишь? Воин твой готов, как я ощущаю».

Ее пальцы погладили мое естество, и я застонал от наслаждения.

– Госпожа, – прошептал я, – у меня еще не было женщины, и я не знаю, как войти в твои двери».

«Как ты юн! – засмеялась она. – Такого любовника у меня еще не было. Что ж, предоставь все мне».

И вот я оказался внутри нее. Она показала мне, как двигаться, и посоветовала, как растянуть наслаждение подольше. Она была опытная и умелая. И вся моя!

Ее избушка, верно, никогда не слыхала таких воплей и стонов. Я стискивал бедра моей госпожи, впивался в ее губы, языком ласкал ее язычок. Наконец блаженство сотрясло ее, она изогнулась подо мной, и тут не выдержал я. Мое семя излилось в ее распаленное лоно. Я стал мужчиной.

Я шептал ей самые нежные слова, я бесчисленно целовал ее. Она отвечала мне тем же. Наконец, утомленные, мы заснули, причем я так и не вышел из нее. А утром все повторилось снова, только при дневном свете, когда я мог разглядеть ее тело, все было еще прекраснее.

Наконец она сказала мне:

«Довольно, малыш. Мы порезвились, но нельзя же предаваться этому бесконечно».

«Я не хочу уходить от тебя».

«Придется. Ты – житель города, я – житель леса. Мы не можем быть вместе».

«Выходи за меня замуж».

«Ха-ха-ха! Ты хоть знаешь, сколько мне лет, малыш? Тридцать два! И замуж я не хочу, я предпочитаю лесную вольницу».

«Тогда я буду приходить к тебе. Ты покажешь мне краткую дорожку?»

«Ох какой ты лакомка. Так я тебе понравилась?»

«Да, да, да! Я готов описать в стихах каждую складочку твоего тела».

«Ты пишешь стихи?»

«Так, немного. Учусь этому у мастера».

«Так вот сделай мне подарок. Когда-нибудь напиши обо мне стихотворение и прочти его той женщине, которую будешь по-настоящему любить».

Я поклялся. После этого она вытолкала меня из постели и встала сама. Мы оделись, она приготовила завтрак, мы поели, перемежая еду поцелуями. И вот наступил час прощания. Она повела меня запутанными тропами – нарочно, чтобы я больше не нашел дороги к ней, и наконец вывела меня на опушку, откуда я мог легко добраться до города. Я на коленях

умолил ее еще раз отдаться мне, и она без жеманства еще раз одарила меня своим прекрасным телом, которое я не забуду и на смертном ложе.

– И вы расстались?

– Да, и больше я ее никогда не видал.

– И как же ее звали?

– Я так и не узнал ее имени. Иногда мне кажется, что она была не человеком, а феей, посланной мне богами. Я так тоскую по ней!

– А что же обещание?

– Обещание?

– Ты обещал посвятить ей стихотворение и прочесть его по-настоящему любимой женщине. Выполнил ли ты это обещание?

– Я написал это стихотворение. Но так и не встретил женщины, которую бы полюбил. Она остается моей единственной любовью. И когда я думаю о ней, то снова ощущаю себя тем тринадцатилетним мальчиком, которому в одночасье подарили счастье. Ах, друзья, женщина – это великое богатство! Это милость богов, дарованная нам в искупление грехов. Женщина – это совершенство, это благодать и радость.

– Да? А что же ты скажешь о тех, с позволения сказать, нарумяненных тигрицах, которые отравляют жизнь мужьям? А о женщинах-разбойницах? А о тех, что пекут пироги с человечинкой?

– Недостатки есть у всех, – смиренно ответил Ветер В Ракитах. – Но в лучших своих проявлениях женщина прекрасна!

– Чувствую, молодцы, что с поэтического соревнования мы съехали на разговор о женщинах. Что ж, да будет так. Пусть остальные прочтут по стихотворению и расскажут о самой заметной женщине, которая была в их судьбе. Кстати, почтеннейший монах Куй, сейчас твоя очередь. Как ты выкрутишься?

– А почему я должен выкручиваться?

– Да потому что ты монах, а монахам не положено иметь связи с прекрасным полом!

– Ну это вы загнули. Погодите, вот я расскажу вам такую историю! Но сначала стихотворение.

Ты хочешь, чтобы умер я, скажи – и я умру.

Одну золу, одну золу увидишь поутру.

Ты хочешь, чтобы я ушел, конечно, я уйду.

О как звонят колокола в кладбищенском саду!

Я вышел прямо из земли, вернусь туда я вновь.

Ничто меня не исцелит: ни вера, ни любовь.

Я стану снегом на щеках, слезой чужих ресниц.

Я просто боль, я просто прах из прожитых страниц.

Когда-то я знал лишь рай, но ты познала ад.

Ну что ж, нет дыма без огня, никто не виноват.

Я не скажу, что тяжела судьба идущих в тьму.

Но я хочу, чтоб ты жила по слову моему.

– Сколь мудро это стихотворение! – воскликнул Жуй Железная Крыса. – Воистину становится ясно, что написал его человек, умеющий разговаривать с Небесами и слушать Небеса.

– Даже как-то неудобно говорить теперь о женщинах. Тема уж очень щекотливая.

– Ничего подобного, – возразил монах Куй. – Я расскажу вам о женщине, которая сыграла большую роль в моей судьбе, и это будет вполне благочестивый рассказ.

– Что ж, слушаем, слушаем!

– Был я в то время еще светским человеком, – начал монах Куй по прозвищу Аист Не Вовремя. – Но уже тогда любил посещать храмы и монастыри и имела во мне тяга к одиночеству и созерцательности. И вот однажды пришел я в храм накануне большого праздника. Во дворе было много народу, все покупали свечи и благовония, все старались протиснуться поближе к храму, чтобы слышать богослужение, и я тоже засуетился. Но тут на моем пути возникла целая стая нищих.

А надо вам сказать, что я терпеть не мог нищих и считал их прощелыгами, вшами на теле земли, обманщиками, вытягивающими деньги из простаков. У меня были кое-какие средства, и уж их-то я не собирался тратить на нищebroдов.

Нищие навалились на меня и стали требовать подаяния. У меня же была при себе крепкая суковатая палка, с помощью которой я и стал отбиваться от негодаев. Раздавая им удары, пинки и зуботычины, я попытался войти в храм, но, к моему великому неудовольствию, двери храма оказались запертыми изнутри – началось торжественное богослужение.

– Будьте вы прокляты! – прокричал я нищим.

Они в ответ тоже разразились проклятиями, потирая ушибленные моей палкой места.

Я шагнул было, чтобы добавить им ударов, но вдруг почувствовал, что моего плеча коснулась легкая рука.

«Что такое?» – яростно обернулся я...

И увидел женщину, красоту которой невозможно описать словами. Вы знаете, есть женщины, которым красота не идет, как слишком тесное или слишком просторное платье. А эта дама была из тех, кому красота шла. Она была само совершенство во всем – в облике, в стати, в одежде, в речи. И признаюсь, я оробел перед нею немного.

«Что вам угодно, госпожа?» – опуская палку, спросил я.

«Я хотела бы знать, почему вы проклинаете этих несчастных нищих», – певучим голосом сказала она. А глаза ее так проникательно заглянули в мою душу.

«Они пристали ко мне, и, пока я расправлялся с ними, двери храма закрылись. Теперь я не смогу помолиться и воскурить благовония.

«Двери храма открываются и закрываются неслучайно, – задумчиво сказала женщина. – Значит, вы недостойны войти в храм».

«Это почему же? – возмутился я. – Я не убийца, не вор, не распутник. Живу себе да живу. Почему же я не достоин войти туда, куда входят даже блудницы?»

«Идемте в храмовый сад, там и поговорим об этом, – сказала она. – Но сначала дайте хоть малую толику ваших денег этим несчастным».

«Ни за что! И к чему это вы приглашаете меня в сад? Там, конечно, удобные скамейки и никого нет, но у меня не имеется привычки к случайным связям».

Ее лицо сделалось очень суровым, и от этого она стала еще красивее.

«Ваши мысли недостойны вас, – сказала она. – Это грязные мысли, избавьтесь от них. Я покидаю вас, но знайте: двери храма навсегда для вас затворились. И если вы хотите, чтобы они открылись для вас, – подавайте обильную милостыню».

«Ха! Что ж вы сами не подадите милостыни, раз такая добренькая?»

«У меня нет денег», – печально сказала она, и тут я увидел, что ее наряд более чем скромн. Лишь осанка и достоинство выдавали в ней женщину благородного происхождения.

«Нет денег? Да вы не из этих ли попрошаек? – с насмешкой спросил я. – Ну-ка идите прочь своей дорогой!»

«Вы прогоняете меня?» – чуть удивленно спросила она.

«Совершенно верно».

«Что ж, я уйду. Но мне жаль вас, и я встречу с вами еще два раза. Если это вас не исправит... До встречи».

Она легко заскользила по земле, подол ее длинного платья струился, словно шелковая река. Она прошла мимо нищих и, воздев руки, благословила их толпу. Нищие склонились перед нею, словно она была из императорской семьи. Я хотел проследить ее путь, но она как-то быстро исчезла из виду.

Что мне оставалось делать? Я не попал на службу, с нищими снова затевать склоку не хотелось, и я боковыми воротами вышел с храмового двора. И только я ступил на неосвященную землю, как ужаснейшая боль скрутила мое тело.

Не помню, как добрался я до дома. Там я немедленно послал слуг за лучшим лекарем.

Лекарь очень скоро пришел, стал осматривать меня: трижды щупал пульс, заглядывал под веки, стучал по коленям особым молоточком, мял живот. После всех этих действий он сказал:

«Ваша болезнь неясна. Одно могу сказать: больны вы серьезно. Боюсь, виной всему смешение желчи с кровью, что может привести к быстрой смерти».

«Послушайте! – взмолился я. – Я ведь еще молод и достаточно состоятелен, я могу заплатить за свое лечение. Помогите мне!»

«Все, что я могу, – это дать вам шарики из трав, снимающих боль и помогающих сну. Ваша болезнь неисцелима».

Лекарь дал мне шкатулочку с травяными шариками, написал, как их принимать, и откланялся.

Оставшись один, я предался плачу и проклятиям. Я проклинал богов за то, что они так немилостивы ко мне, я проклинал людей, которые в отличие от меня были здоровы и счастливы, я проклинал весь мир!

Но боль и усталость взяли свое. Я разжевал один травяной шарик, запил его, как было указано, белым чаем и провалился в сон.

И вот во сне мне явилась та самая женщина. Ее лицо сияло, поступь была величественной, осанка благородной.

«Что же, господин, – сказала она. – Вы заболели?»

«Да, госпожа, — зло ответил я. — Можете порадоваться этому вместе с вашими любимыми нищebroдами!»

«Отчего вы так злы? — удивленно спросила она и присела на краешек моей кровати. — Кто обидел вас?»

«Все: люди, звери, боги! Почему все здоровы, в то время как я болею? Почему моя болезнь неизлечима?»

«Потому что вы не хотите лечиться», — печально сказала она.

«Еще как хочу! — вскричал я. — Я готов за лечение заплатить любые деньги, да только нет лекарей, готовых взяться за лечение».

«Такой лекарь есть», — сказала она.

«Назовите мне его имя!»

«Его имя — Милосердие».

«Ах вот как! Вы опять о своих нищих».

«Да, о нищих. Именно они исцелят вас. Подавайте милостыню, только с легким сердцем, жертвуйте, и пусть не оскудевает ваша рука. И тогда вы почувствуете, как болезнь отступила от вас. Прислушайтесь к моему совету, он поможет вам лучше травяных шариков. И помните: у нас осталась только одна встреча».

Она исчезла, и я проснулся. И самое странное, постель моя была примята в том самом месте, где во сне она сидела.

Я кликнул слугу, спросил, не заходила ли в дом какая-нибудь женщина, но он ответил отрицательно.

Я еле дождался рассвета. Велел слугам снарядить повозку, сел, стеноя от боли, и поехал к храму.

Нищих возле храма, как всегда, было очень много. Я вышел из повозки и стал оделять каждого милостыней. Я не жалел денег. Нищие благословляли меня, желали мне здоровья и долголетия, молились за мое спокойствие и счастье. И я почувствовал себя значительно лучше. Как раз открылся храм, я вошел в него и воскурил благовония богам. Тут я почувствовал, что кто-то стоит за моей спиной. Я обернулся и увидел ту самую женщину. Впервые я увидел, как легкая улыбка тронула ее губы.

«Что ж, — сказала она. — Вы сегодня сделали много добра. Но смотрите, не гордитесь этим, не уподобляйтесь тем людям, что дают грош, а трубят о себе, будто они сами Будды. А у меня для вас есть подарок».

«Подарок? — удивился я. — Разве я заслужил?»

«Сегодня да. Но не забывайте о моих словах».

«Постараюсь, госпожа».

Она подала мне небольшой фарфоровый сосуд, расписанный синими цветами.

«Выпейте это», — сказала она.

Я подчинился, и, когда выпил слегка горьковатую настойку, мое тело словно возродилось вновь. Я почувствовал себя совершенно здоровым и бодрым. Мое тело налилось силой и здоровьем.

«Благодарю вас, госпожа», — сказал было я, но увидел, что ее уже нет со мной, она исчезла. Тогда я обошел храм, надеясь, что она еще здесь. И вот когда проходил мимо

изображения милосердной Гуаньинь, что-то остановило меня. Я вгляделся в изображение богини и ахнул. Это была она, та суровая и прекрасная женщина! Я получил урок от самой богини!

Друзья мои, не передать словами, до чего я был потрясен. Вернувшись домой, я отпустил слуг с хорошими дарами, потом роздал все имущество, а потом продал и дом. Все деньги я раздал нищим и калекам, а сам ушел в монастырь Святой Гуаньинь. Там я пробыл несколько лет, постигая Дао, упражняясь в медитациях и стихосложении. Со временем я покинул монастырь и ступил на скользкую дорожку, но завета богини помогать нищим никогда не забывал. И, слава Гуаньинь, на здоровье не жалуюсь. Вот вам и вся моя история о женщине.

– Какие, однако, случаются чудеса! Куй, помолись усердно милостивой богине, быть может, она вызволит нас из этого ужасного места.

– Я молюсь, мысленно. Мне кажется, богиня не оставит нас...

– Что ж, чей черед дальше читать стихотворение?

– Мой, если позволите, – сказал Лей по прозвищу Яшмовый Таз.

– Что ж, мы ждем.

– Мы тоже ждем! – закричали наперебой прикованные к стенам несчастные. – Как только вы упадете, мы начнем вас есть.

– Не дождетесь!

– Дождемся, мы всегда дождемся, тем и живы.

Чтобы заглушить вопли прикованных к стенам несчастных, разбойник Лей начал читать стихотворение:

Избитая моя муза
Бредет по дорогам белым.
В кровь алый рот искусан.
Да и дрожит всем телом.
Осуждена навеки.
Заклеймена печатью.
Где-то моря и реки.
Где-то любовь и счастье.
Белая моя муза
Стала от горя черной.
Всем она здесь обуза
Жизнью своею никчемной.
Если б прогнать усталость!
Если бы улыбнуться!
Можно не верить в жалость.
Можно и не проснуться.

– Прекрасное стихотворение! – сказали все. – Но расскажи, Лей, эта муза существовала в действительности или это лишь твой поэтический вымысел?

– Эта муза – богиня поэзии. Она существовала в действительности и случилась в моей грешной и ничтожной жизни. Когда я познакомился с нею, она была совсем юной.

– Расскажи, расскажи!

– Дело было так. В тот год я еще не разбойничал, а занимался строительством джонки. Я хотел построить такую джонку-дракона, чтобы суметь выиграть на ней соревнования среди джонок-драконов, которые, как вы знаете, ежегодно проводились летом при императоре Ну. Писал я тогда и стихи, все больше любовные. Был женат и до безумия любил свою жену. Она же любила только деньги, и когда поняла, что я не приношу доходов (а расходы все были на джонку), то просто собрала свои вещи и уехала в страну Иберию и там, по слухам, сошлась с каким-то иберийцем с усами длинными, как ветви ивы.

После ухода жены я впал в отчаяние. Перестал строить джонку, нигде не работал, но и не шатался по кабачкам – ведь мне не с чего было. Просто бродил по городу и все думал, какой способ смерти выбрать. И вот однажды проходил мимо Дома учителей и вижу объявление: «Свои стихи читает юная поэтесса Ли Као. Вход свободный». Я себя тогда считал чуть ли не стариком и подумал: дай схожу, послушаю, о чем сегодня пишет молодежь.

Вошел. Кругом скромность и чистота, горят светильники, расстелены тканые дорожки, стоят красивые резные скамьи. На скамьях сидели люди, скромно, но аккуратно одетые. Я тоже присел. Вышел мужчина и сказал:

«Представляю вам юную поэтессу Ли Као».

Перед нами появилась девушка в темно-синем платье, с волосами, заплетенными в две косы. Она поклонилась и начала читать. И первое стихотворение я запомнил навечно.

Растираю киноварь.
Выплавляю ртуть.
Я хочу, как было встарь,
Милого вернуть.
Чтобы солнце на плечах,
Золото в зрачках.
Чтоб не тронула печаль,
Не взяла тоска.
В тигле сердца моего
Вызреет зерно.
И не будет ничего
Больше, чем дано.
И не будешь ты чужой
Друг, ребенок, муж!
Между мною и тобой
Связь влюбленных душ.
Чтобы на чужой алтарь
Ты не смог взглянуть –
Растираю киноварь.
Выплавляю ртуть.

Вот такое это было стихотворение. Потом она много еще читала. У нее были прекрасные стихи. А еще у нее были удивительные глаза – зеленые, мерцающие, как драгоценные камни. И я захотел просто познакомиться с этой необычной девушкой.

Когда поэтический вечер закончился и юной поэтессе вручили букетик хризантем, я подошел к ней:

«Можно с вами поговорить?»

«Да, конечно, только я вообще-то спешу домой».

«Я могу вас проводить. Время позднее».

«Хорошо».

Она доверчиво назвала адрес. Она жила в бедном квартале, это было довольно далеко. Мы пошли и за разговором не заметили, как дошли до ее домика. Мы разговаривали о разном, я рассказал ей о своей загубленной семейной жизни, она доверчиво поверяла мне свои юные мечты...

Словом, когда мы распрощались, я уговорил ее встретиться еще раз.

И мы стали встречаться. Это были совершенно дружеские встречи, она не интересовала меня как женщина, а я для нее был почти стариком. Мы переписывались стихами, оба любили осень и радовались ее приходу. Ли подвигла меня на продолжение строительства джонки, я нашел хорошую работу, и в моей жизни началась светлая полоса. Я считал Ли феей, принесшей мне удачу, и у меня в мыслях не возникало отнестись к ней как к женщине.

Наступил день рождения Ли, и я преподнес ей в подарок колокольчики ветра и маленькую модель корабля – я знал, что она их собирала. В благодарность она неумело, но нежно поцеловала меня, и тогда я понял: я люблю ее и жить без нее не могу. Но понял я также и другое: Ли тоже влюблена в меня. Это было ужасно.

– Почему?

– Как вы не понимаете, друзья! Ли была так юна, так девственна, что я боялся оскорбить ее самым своим дыханием. А между тем мне стали сниться сны, в которых я иступленно ласкал эту прекрасную девушку. Я просыпался сам не свой и при очередной встрече с Ли был суров и холоден. А она... Она горела пылкой первой любовью и однажды призналась мне, что еще не знала мужчин и хочет, чтобы ее первым мужчиной был я. И тогда я солгал. Я сказал Ли, что женюсь и совсем не люблю ее, а отношусь к ней как к другу. Помню ее глаза в тот миг... Я проклинал себя за эту ложь, но понимал, что с этой девочкой никогда не смогу быть вместе. Мы расстались. Я принес ей одно горе, я убил ее надежды, и с тех пор я дал зарок не смотреть на женщин. Они такие хрупкие существа, их так легко обидеть! Они тянутся к мужчинам, как цветок подсолнечника – к солнцу, а встречают грубость, непонимание или откровенную похоть.

– Тяжелую ты рассказал историю, Лей, – сказал Жуй Железная Крыса. – Но все-таки не вини себя. Это уж что кому на роду написано – умереть тихой блаженной смертью или погибнуть от собственной руки.

– Нет, нет, ребята, я виноват, и совесть моя неспокойна. Все, что я мог сделать, подкинул в дом ее родителей пять связок золотых монет, чтобы они могли посмертно издать стихи бедной Ли.

– Утешься, – сказал монах Куй. – Ли сейчас на небесах и уж верно стала феей. А ты за свои грехи страдаешь здесь, среди этих постылых рож.

– Это кого ты назвал постылыми рожами? – немедленно завопили прикованные к стенам несчастные.

– Да ты сам на себя погляди, корыто треснутое!

– Если у нас постылые рожи, то у вас они похабные и жирные, но ничего, скоро мы доберемся до вашего мяса, будем вгрызаться вам в щеки и сожрем ваши губы вместе с бородами!

Разбойники содрогнулись, представив эту картину.

– Заткнитесь! – крикнул Куй узникам. – Не мешайте нашей беседе.

– О-хо-хо, скажите пожалуйста, «беседа»! Отбеседуетесь скоро, ножки-то дрожат от усталости. Как только упадете, мы до вас дотянемся!

– Не обращайтесь на убогих внимания, братья, – сказал Пей, прозванный Волшебником Лазуритового Города. – Теперь моя очередь читать стихи и рассказывать историю о женщине.

– Начинай, брат.

И Пей прочел стихи:

Себя яснить до степени стекла.
До хрупкости, прозрачности и звона,
Чтоб все непостоянство халцедона
Душа сама в себе превозмогла.

Всю тонкость лепестка и хрусталя,
Всю нежность материнской колыбельной
Душе отдаст легко и безраздельно
Такая терпеливая земля.

Душа сама откликнется, дрожа,
Как колокольчик, у дверей звенящий,
На каждый крик, на каждый стон молящий,
На жалобу, что жизнь нехороша.

И в праздник окна вымоет, и свет
Проникнет сквозь руины и завалы,
Чтобы душа, яснея, узнавала
Все то, чего в ней не было и нет.

Стекло души прозрачно. И того
Всё стоило. Все муки и паденья.
На Божий мир, на всякое творенье
Небесный свет сияет сквозь него.

– Возвышенно и метафорично, – сказал Куй, когда Пей закончил чтение.

– Я бы даже сказал, чересчур метафорично, – согласился Жуй. – Стекло и хрупкость как состояние души. Интересно.

– Что ж, а теперь ждем от тебя истории в прозе. О какой женщине ты будешь рассказывать?

– О женщине, в которую когда-то был влюблен и которая отвергла мою любовь сама не зная почему.

– Вот это интересно. Слушаем тебя!

И Пей, стараясь не глядеть в горящие глаза прикованных страдальцев, начал свой рассказ:

– Я был довольно молод и молодость свою проводил не в кабаках, а в книжных лавках и книгохранилищах. Я упивался книжной премудростью, много читал, в особенности стихи. И вот однажды я проходил по улице и вижу вывеску «Книгохранилище госпожи Цзан. Посещение свободное». Я очень обрадовался: новое книгохранилище – это новые знания, новые радости открытий. Я вошел в помещение и огляделся. Комната была светлой и вся заставлена шкафами со свитками. Тут в комнату вошла женщина. Ее глаза светились умом и приветливостью.

«Вы мой первый посетитель», – радостно сказала она и поклонилась.

Я тоже склонил голову в поклоне:

«А вы, как я понимаю, госпожа Цзан?»

«Совершенно верно. Прошу вас, проходите, располагайтесь. Пока вы будете просматривать каталог нашего хранилища, я приготовлю вам чай. Какой вы предпочитаете: белый, черный или зеленый?»

«Зеленый, пожалуйста, и не очень крепкий».

«Хорошо».

Она удалилась, а я стал знакомиться с книжными свитками. Боги, какое тут было книжное богатство! Я так увлекся, что даже не сразу услышал, как меня зовет госпожа Цзан.

Она принесла чай и поставила его на маленький столик. Присела рядом.

«Вы уже что-то нашли для себя?» – спросила она.

«Да, госпожа Цзан. Вот этот свиток с описанием падения царства Хэ я очень хотел бы почитать».

«Что ж, я рада. Берите и читайте. И пейте чай, а то остынет».

Себе она тоже налила чаю, и мы пили и неторопливо беседовали. Она рассказала, что книгохранилище ей досталось в наследство от родителей, что дела продвигаются скромно, но она лелеет надежду, что читателей будет много и дела ее хранилища пойдут в гору. За пользование книгами она брала символическую плату, но я также узнал, что у книгохранилища есть богатые покровители, которые жертвуют много денег на украшение здания и приобретение новых свитков.

В тот день я ушел от нее окрыленный, очень быстро прочел свиток и пришел вернуть его.

Госпожа Цзан встретила меня с улыбкой, но я заметил в ее глазах следы печали и

усталости.

«Я так рада вам, – сказала она. – Приятно видеть настоящего ценителя книг. Чаю?»

«Да, если позволите».

Я стал завсегдатаем этого книжного собрания. Но не только книги и свитки тянули меня. Я влюбился в госпожу Цзан, она олицетворяла для меня всю прелесть и мудрость женщины, в ней видел я совершенство. И вот однажды я пришел в книгохранилище для того, чтобы сделать предложение госпоже Цзан.

Она вышла ко мне, и я увидел, что ее глаза сильно заплаканы.

«Что случилось?» – напрямик спросил я.

«Мой богатый и влиятельный родственник решил закрыть хранилище».

«Почему?»

«Он покупает его, в смысле книги, и увозит к себе в северную провинцию».

«Но как же вы?»

И тут она снова заплакала:

«Меня насильно выдают замуж!»

Сердце у меня оборвалось.

«Я совершенно не люблю этого человека. Он, конечно, почтенный господин, очень богат и знатен, наш род много выиграет оттого, что породнится с ним, но ведь сердцу не прикажешь!»

«Сердце ваше занято?» – спросил я.

«Да», – прошептала она, роняя слезы.

«И я могу узнать кем?»

«Вами, добрый господин».

Она опустила голову и зарыдала еще пуще.

«О госпожа Цзан! Не плачьте, ваш плач разрывает мое сердце. Знайте, что я люблю вас, как никого еще не любил. Я пришел сегодня, чтобы просить вас выйти за меня замуж».

«Это предложение мне весьма лестно, и я с удовольствием приняла бы его, но боюсь, мне придется подчиниться воле семьи».

«Умоляю вас! – вскричал я. – Давайте убежим и тайно поженимся!»

«Что ж, у меня, похоже, нет другого выхода, – сказала она и вытерла слезы. – Если вы честный человек и намерения ваши благородны, я выйду за вас и уеду с вами».

Мы договорились, что завтра вечером я буду ждать ее в храме Бонпо. Там нас поженят, и мы уедем.

И вот вечером я ждал ее в храме Бонпо. Проходили часы, а госпожи Цзан все не было. Я изнывал от нетерпения, волновался, переживал... Вдруг в храм вошла девушка. Я напрягся, но это была не госпожа Цзан.

Но девушка подошла именно ко мне.

«Господин Пей?» – спросила она.

«Да».

«У меня к вам письмо от госпожи Цзан».

«А где она сама?»

«Прочтите письмо, и вы все поймете».

Она ушла, а я развернул письмо.

Торопливыми иероглифами было написано:

«Любимый! Мои родственники прознали о нас. Меня увозят на север. Не ищи меня! Видно, нам не суждено быть вместе».

Горю моему не было предела. Но судьба есть судьба, и я ей покорился. Вот такая история.

– Грустная и короткая, – сказал монах Куй. – Но посмотрите-ка, эти жабы не плачут. Мы их не разжалобили своими историями!

– Не добьетесь от нас жалости! – закричали прикованные. – Нас никто не жалел, вот и мы никого не жалеем! Мы ждем, когда вы начнете падать от усталости, и тогда примемся вас есть.

– Мне ногу!

– Мне бедро!

– Мне внутренности!

– О боги! – возопил Лей Яшмовый Таз. – Неужели вы допустите, чтобы нас съели эти чудовища!

И тут дверь узилища отворилась. Вошел тюремщик:

– Вам повезло, заключенные. Вы хорошо умеете рассказывать истории и к тому же пишете стихи. Такие люди нужны нам.

– Для чего? – удивился Куй.

– У императрицы Ченцэ болеет любимая собачка. Владычица безутешна в своей скорби. Вот по всей державе мы разыскиваем рассказчиков и поэтов, которые могли бы развлечь своими баснями императрицу Ченцэ. Выходите! Вы практически свободны. Вам запрещено передвигаться без сопровождения, но скажите спасибо и на этом.

Наши герои вышли из темницы. Вокруг все было сумрачно и серо, но насладиться видами Чакравартина им не дали. Разбойников посадили в повозку, и она покатила к дворцовым покоям.

Дворец был печален, без былой прелести, словно его погрузили в траур. Наших героев высадили из повозки и провели длинным, плохо освещенным коридором дворца. Коридор заканчивался небольшой комнатой, где все остановились. Разбойники увидели белые резные двери и занавеси.

– Это дверь в покои императрицы, – сказал страж. – Преклоните колени, быдло!

Разбойники поспешно встали на колени. Двери открылись, и навстречу нашим героям вышла девушка, как они поняли, наперсница императрицы.

– В чем дело? – спросила она у стражников.

– Сударыня, эти разбойники пришлые. Их поймали за то, что они хулили нашу прекрасную столицу.

– Какое отношение это имеет к ее величеству?

– Сударыня, эти разбойники весьма сведущи в поэзии и могут изъясняться изящным слогом. В тюрьме они рассказывали такие интересные истории, что мы просто наслаждались. Вот мы и подумали: может быть, это отребье хоть немного развлечет владычицу в ее безутешной скорби по собачке Фу.

– Мысль неплохая, – сказала наперсница. – Сейчас императрица уже спит, приняв сонные капли. Поэтому мы сначала вымоем и переоденем этих жуликов. А не сбегут ли они?

– Из Чакравартина не убежишь, – усмехнулся стражник. – Везде посты. Всех впускать, никого не выпускать.

– Хорошо. Можете быть свободны.

Стражники ушли. Разбойники, сбившись в плотную кучку, смотрели на некрасивую, но осанистую женщину. Они думали, что из огня попали в полымя. Попробуй-ка развлеки императрицу! Это сложное дело.

– Госпожа, – сказал монах Куй, как самый большой умелец убалтывать. – Отпустите нас, Авалокитешвары ради. Мы простые люди, попали в столицу случайно, мы уйдем – пыль не шелохнется. Отпустите нас, ну пожалуйста!

– Глупец, – прошипела дама. – Тебе и твоим друзьям оказана великая честь предстать пред лучезарными очами ее величества. Радуйся и веселись. И благодари Небо за дарованную тебе милость.

Куй только вздохнул.

– Следуйте за мной, – сказала госпожа. – И не помышляйте о побеге. Сбежать отсюда невозможно.

Они прошли анфиладу комнат и оказались в той части дворца, что выглядела совершенно убого. Здесь в ряд стояли лохани и корыта и вдоволь было горячей воды.

– Раздевайтесь, – приказала наперсница.

– Как? При вас?

– Разумеется. Я должна видеть, что вы не имеете никакого оружия. А голое и грязное мужское тело меня не возбуждает, можете быть спокойны.

– Извращенка, – прошептал Пей, за что тут же получил от наперсницы увесистую оплеуху.

– Никто не смеет меня оскорблять! – рыкнула дама. – Раздевайтесь!

Наши страдальцы торопливо разделись. Голыми они, конечно, являли неприглядное зрелище – худые, немытые, усталые.

Дама дважды хлопнула в ладоши. Тут же явились служаночки, одетые попроще и выглядевшие повеселее.

– Вымойте этих людей, да потщательнее, – сказала дама служанкам. – У них могут быть вши и гниды. Завтра они предстанут перед императрицей. Скажите домоправительнице Зау, чтобы приготовила им свежую одежду, комнату для сна и... да, еще их надо накормить. Это возьмет на себя повар Сей. Всем все ясно?

– Да, госпожа, – склонились служанки.

– Тогда приступайте.

И она величаво удалилась.

Тут же служанки пять корыт наполнили горячей водой, добавили душистой пены и взялись за мочалки:

– Мужики, ползайте, нечего стоять да срам прикрывать!

Разбойники – а что делать? – полезли в корыта.

Служанки принялись их отмывать, болтая и хохоча. Разбойники поначалу жались и

скромничали, а потом начали пошаливать, что совершенно не смутило игривых служанок.

Наконец наши герои были тщательно вымыты и завернуты в большие пушистые полотенца.

– Идите в предбанник, – сказала им самая рослая служанка. – Там я помогу вам одеться.

В предбаннике действительно лежала одежда, но какая! Широченные штаны в цветочек и полосочку, халаты, пояса. В такой одежде далеко не убежишь да и вообще шагу лишнего не сделаешь.

Разбойники кое-как оделись, и все та же рослая служанка отвела их в трапезную. Не парадную, конечно, а для челяди. Разбойникам предложили соевое мясо, творог, хлеб и немного овощей. Все было весьма сомнительного качества и вкуса. Но они были благодарны и за это, ведь им давненько не приходилось ничего отведать.

После ужина их отправили спать. Спальня была большая, но без кроватей. Просто пышные матрасы и подушки с покрывалами брошены на пол. Но разбойникам не привыкать. Они легли и от усталости и впечатлений моментально заснули.

Утром их бесцеремонно разбудили.

– Вставайте! Императрица хочет вас видеть.

– Ох, не было печали, – прошептал Жуй Железная Крыса.

Разбойники оделись, причесались, их надушили какой-то ароматной водой и повели в покои императрицы.

Покои императрицы занимали довольно обширную комнату, украшенную гобеленами, коврами и золотыми безделушками. Императрица сидела в глубоком кресле, вид у нее был печальный и болезненный.

Разбойники повалились ей в ноги, надеясь, что она не вспомнит их. Но владычица Ченцэ вспомнила.

– Ах, бродяги! – надтреснутым голосом сказала она. – Помню я вас! Вы с подлецом Друкченом отправились добыть для меня святую воду из храма Благого Восьмеричного Пути, да опоздали. Что ж, забудем прошлые обиды. Эй, кто-нибудь, принесите нам фруктов и вина.

Немедленно принесли просимое. Императрица сама налила себе в бокал вино и, пригубив его, сказала:

– Хорошее. Не чваньтесь, мальчики, наливайте себе кто сколько хочет и расскажите мне о своих приключениях.

Разбойники постарались в самых ярких красках живописать владычице Ченцэ свои приключения (особенно тетушку Дзендзян), но постепенно поняли, что императрица плохо и невнимательно их слушает, рассеянно комкает платок и словно ждет чего-то.

И тут в зал вошла наперсница владычицы.

– Ну что? – дрожащим голосом спросила императрица.

– Рисовый отвар и мясо она тоже отказалась есть.

– О боги! – И императрица залилась слезами.

– Успокойтесь, ваше величество, – опустилась на колени у трона наперсница. – Лекари говорят, что это от неумеренного потребления сладкого. Голодание ей даже на пользу. Постепенно она привыкнет и к отвару и к мясу.

– Я не верю этим лекарям! – продолжала плакать Ченцэ. – Они лишь окончательно испортили ее здоровье, будь они прокляты. Что мне делать, ах, что мне делать! Моя бедная собачка!

Разбойники поняли, что речь идет о больной императорской собачке Фу. Монах Куй же был еще в монастыре неплохим лекарем для животных. Он вышел вперед, опустился на колени и сказал:

– Ваше величество, ваш покорный раб когда-то лечил животных, и довольно успешно. Позвольте мне попробовать полечить вашу собачку.

– Ты отважен, раб, – сказала Ченцэ. – Что ж, будь по-твоему. Ступай с моей наперсницей и посмотри на состояние собаки. Потом возвратишься и доложишь свои мысли по этому поводу.

Наперсница встала с колен:

– Идем, раб.

Они пошли. Длинный коридор, по которому они шли, был украшен изображениями разнообразных животных.

– Императрица любит животных, – сказала наперсница. – Особенно редких. Собачка Фу – редчайшее создание, она единственная в своем роде. Если она погибнет, ее величество повредится в рассудке – так она любит это несчастное животное.

Они вошли в большую комнату. Стены здесь были обиты деревом ситтим и набивной парчой. Валялись разные украшения и игрушки. Посреди комнаты стояло ложе, на котором лежала словно бы груда золота.

– Госпожа Фу, – обратилась к собачке наперсница. – Пришел новый лекарь.

Разбойник стал оглядываться в поисках собачки и вдруг услышал оглушительное:

– Гав!

И скрип кровати.

Он оглянулся и застыл, пораженный.

С кровати вставала громадная, непомерных размеров собака. Ее печальные золотые глаза были величиной с суповые тарелки, а в пасть Куй мог спокойно поместиться. Мощные лапы, длинный хвост – собака была настоящим чудовищем.

– Это любимая собака ее величества, – сказала наперсница лекарю. – Когда собака была здорова, она катала императрицу не только по земле, но и по небу, потому что у этой собаки есть крылья. Но теперь она больна, и весь двор погружен в траур.

Собака медленно сползла со своего ложа и подошла (полы трещали) к незнакомцу. Обнюхала его и совершенно по-человечески вздохнула, дескать, и тебе меня не вылечить. А Куй примечал, что золоченые усы собаки обвисли, попонка еле держится на ребрах, шерсть некрасиво топорщится.

– Я попробую найти причину заболевания вашей собаки, – сказал Куй. – Но для этого мне придется остаться здесь на ночь.

– Как угодно, – пожала плечом наперсница. – Я передам это императрице, она будет молиться за вас и свою собаку.

Наперсница ушла. Лекарь остался один на один с громадиной.

– Пст, пст, – ласково сказал он собаке. – Ну что у нас болит? Отчего мы не хотим

кушать? Рис и мяско так соблазнительно пахнут! Покушай, госпожа собака!

Собака медленно качнула головой и опять вздохнула.

– Ну тогда полежи, милая, а я тебя осмотрю.

Собака зарычала.

– Не хочешь? Ну милость Авалокитешвары да пребудет с тобой, а я, пожалуй, прилягу, вздремну.

Куй нашел мягкий коврик и через минуту захрапел. Собака постояла-постояла и улеглась на пол рядом – слон рядом с мышью. Так они проспали до полуночи. А в полночь Куй проснулся от какого-то шевеления. Шевелилась собака.

Куй это заметил, но не подал виду, что проснулся. Собака лежала к нему животом, и монах увидел, как кожа на животе вся так и ходит буграми.

«Она сейчас пустит ветры», – подумал он.

И от этой мысли стало ему немного не по себе.

Но никаких ветров не было. Произошло небывалое чудо: брюхо собаки разъехалось на две половинки, словно разрезаемая ткань. Ни крови, ни вывалившихся внутренностей не было при этом. Монах Куй, таясь, меж тем глядел во все глаза.

Из огромного распоровшегося брюха собаки вылезла прекрасная, но крайне худенькая девушка. У нее за спиной были небольшие прозрачные крылышки, и одета она была в платье с зеленым листовным узором, из чего Куй заключил, что это фея.

Фея отряхнулась, осмотрелась (особенно задержав взгляд на мужчине) и сказала:

– Вылезайте, сестрицы, нечего разлениваться. Ночь хороша для веселья. Кроме того, здесь есть соглядатай императрицы, над ним можно подшутить, покуда он спит.

Куй умел замечательно притворяться, вот и сейчас он прикинулся мертво спящим, а сам все поглядывал на чудо.

Вослед за первой феей из собаки вылезли еще четыре – тоже худенькие и с крылышками. Все посмотрели на человека и решили, что он безопасен.

– Давайте танцевать, сестрицы, полночь! – сказала первая фея.

Феи вышли на середину комнаты, взялись за руки и закружились в хороводе. При этом они пели волшебную песню на своем, фейском, языке. Это было так красиво, что Куй едва не выдал себя.

Натанцевавшись, феи уселись прямо на пол, а одна, самая младшая, подошла к собачьим мискам и, понюхав, с отвращением сказала:

– Опять рис и мясо! Мы же не можем это есть! Нам нужен цветочный нектар и пыльца. Неужели императрица не знает об этом?

– Видимо, не знает, – сказала другая феечка. – Да и потом, сейчас почти зима, откуда взяться цветам?

– Но так мы умрем с голоду! – воскликнула третья феечка. – Мы уже и так безмерно похудели. А я все время чувствую слабость и головокружение. А-ах!

И феечка, всплеснув руками, упала прямо рядом с монахом.

Больше притворяться не имело смысла. Куй открыл глаза.

– Ах! – пискнула старшая феечка. – Человек проснулся! Анис, это ты разбудила его! Вечно ты брякаешься в обмороки где ни попадая!

Анис застонала. Куй встал и поклонился феям:

– Простите меня, смертного, что стал свидетелем вашего появления из брюха этой собаки.

– Так ты только притворялся спящим! – загомонили феи.

– Да, простите, притворялся. Было так чудесно за вами наблюдать. Но об этом позже. Я вижу, что фея Анис не подает признаков жизни. Чем я могу помочь?

– У тебя нет случайно с собой персиковой настойки?

– Есть, конечно. Вот фляга.

Старшая фея взяла флягу и поднесла ее к губкам Анис. И влила несколько капель. Анис немедленно открыла глаза и сказала:

– Сестры, что это за человек?

– Он спас тебя от обморока. У него есть целая фляга персиковой настойки.

– Ах, ах, – загомонили все феи. – Добрый человек, угости и нас персиковой настойкой. Мы так давно ничего не пили и не ели!

Феи сели в кружок, центром которого стал Куй. Монах пустил свою флягу по рукам, феи скоренько запьянели и стали хихикать без всякого повода.

Старшая фея еще держалась.

– Как ты попал сюда, человек? Одежда на тебе простая, ты явно не из сановников императрицы. Расскажи о себе.

– Меня зовут Куй по прозвищу Аист Не Вовремя. Я бывший монах даосского монастыря. С четырьмя подельниками мы потихоньку разбойничали в столице Шамбалы, воровством добывая себе талоны на питание. А потом случилось так, что мы попали в немилость. Нас чуть не съели живьем. Но, благодарение Небесам, воин, стороживший меня и моих товарищей, услышал, как хорошо мы умеем рассказывать всякие истории. И он подумал, что такие люди хотя бы отвлекут императрицу в ее великой скорби. Я же, в свою очередь, являюсь еще и лекарем, вот и подумал, что сумею помочь несчастной собачке императрицы. Но я не знал...

– Что собака – только оболочка, а внутри прячемся мы?

– Да, почтеннейшие феи.

– Ты был откровенен с нами, и мы расскажем тебе, как оказались внутри золотой собаки, а собака оказалась в императорском дворце.

– Знай, о славный монах Куй, – сказала старшая фея, – что в десятках тысяч ли отсюда расположена Голубая страна фей. Там все прекрасно: погода, растения, животные, дворцы и водопады. Жить там одно удовольствие, всего вдоволь и никто ни с кем не ссорится. Император фей мудро правит всеми, и у нас нет ни войн, ни ссор, ни голода.

Но однажды все изменилось. На огромной железной птице прилетела к нам фея с Западных гор. Она была очень красива, очень умна и очень зла. Только злость она свою покуда не показывала. Она так очаровала нашего императора, что он женился на ней. Вот тогда-то она и показала свой жестокий нрав.

– В чем это проявлялось? – спросил монах Куй.

– Она велела понастроить всякие заводы и фабрики по производству летучего полотна, фимиама и нектара. Чтобы, мол, продавать их другим феям и людям, потому что у нашего

государства нет оружия и мы не сможем защититься, если на нас нападут. Она стала в обмен на нектар, золото и фимиам закупать пушки, пулеметы, бомбы и патроны с автоматами. Мы не умели с ними обращаться, и тогда императрица объявила военный призыв. Военной службе подлежала каждая фея, даже очень старая.

Нас собрали в клетки и отвезли в безлюдные земли, где подчиненные императрице офицеры муштровали нас по десять раз на дню. Нас заставляли стрелять из автоматов, бросать гранаты, водить танки и все такое прочее. Если кто-то из фей не справлялся с нагрузкой, ее нещадно били. Нам также совершенно запретили использовать магию и свои обряды для того, чтобы защититься от врага. Но мы так и не знали, что это за враг, пока нам не рассказали о том, что двадцать первого декабря этого года наступает конец времен.

– Это еще не конец, – сказал монах Куй. – Это, вообще, так, непонятная дата. А как же вы попали в собаку?

– Эту собаку изготовили на ювелирном заводе в подарок императрице Ченцэ от нашей императрицы. Но изготовили ее с секретом, о котором наша узурпаторша не знала, – с пустотой внутри и отпирающимся брюхом. Наши подруги-феи решили, что пора всему миру узнать о готовящейся беде и о том, что мир фей собирается завоевать мир людей.

– Постой-ка. С чего ты взяла, что ваша императрица собирается завоевать мир людей?

– А танки? А оружие? Разве для обороны нужны самонаводящиеся боеголовки? Нет, тут дело нечисто. И вот наша тайная организация отобрала нас пятерых – самых крепких и выносливых фей – и спрятала в собаке. С собой нам дали некоторое количество нектара и пыльцы – вам ведь известно, что питаемся мы только этим? Не так давно наши запасы закончились, и мы стали голодать, не успев поведать людям о готовящейся беде. Мы не знаем, как нам выйти из дворца и как собрать людей, чтобы предупредить их.

– Милая фея, даже если б вы решились открыто выйти, вас не выпустили бы из дворца. За его стенами разор и запустение, столица пришла в упадок, и это тоже признаки готовящейся беды. Но всякую беду можно отодвинуть или развеять совсем. Вот что. Как вы уже поняли, я здесь с друзьями. Всего нас пятеро.

– И нас пятеро.

– Очень хорошо. Это уже отряд. Мы назначим ночь, в которую тайно покинем дворец. А затем нам надо найти в столице мага, который сумеет перенести нас из Шамбалы в мир простых людей.

– А что мы будем делать в мире простых людей?

– Как же! Предупреждать о готовящемся нападении со стороны фей. Мы пойдем к владыкам мира и умолим их прислушаться к нам.

– А если они не станут доверять нам, мы применим свое, фейское, волшебство. Мы покажем им...

– Пока не надо говорить о том, что вы покажете людям. Надо говорить о происках императрицы. А теперь скажите мне: у вас закончилась еда?

– Да. И поэтому мы не можем управлять собакой, как раньше.

– А как было раньше?

– Собака танцевала на задних лапах, играла в мяч и катала императрицу на спине. Все это делается с помощью рычагов и приводов. Но мы сильно оголодали, и нам не удастся

двигать рычагами.

– А императрица, верно, думает, что вас можно накормить рисом и мясом.

– Да! Но это не наша еда. Послушай, дорогой Куй!

– Угу.

– Придумай что-нибудь. Например, скажи императрице, что тебе было видение. Ты видел Будду, и он сказал тебе, что эту собаку надо кормить нектаром и пылью. Уж на крайний случай вареньем и вином. Мы подкормимся, а дальше с твоими товарищами решим, как нам выбраться незамеченными из дворца и куда идти дальше.

– Хорошо, госпожа. Но не скажешь ли ты мне свое имя?

– Ох, верно. Мы так отощали, что забыли о правилах приличия. Девочки, представьтесь господину монаху.

– Анис, – поклонилась та, которую отпаивали персиковой настойкой.

– Розмарин, – представилась фея с симпатичной родинкой на правой щеке.

– Мандарин, – стрельнула в монаха глазками фея-блондиночка.

– Шалфей, – выдохнула фея, больше всех перебравшая настойки.

И наконец, представилась та, которая разговаривала с монахом:

– Пачули.

– Не удивляйся, монах, тому, что мы носим имена растений. Этим растениям мы покровительствуем и обладаем всеми их свойствами.

– Это как же?

– Например, Шалфей может лечить укусы насекомых, а Мандарин улучшать настроение. Мы владеем магией растений, и она тоже может пригодиться, верно?

– Верно, – сказал Куй. – Любое оружие хорошо против тех, с кем мы хотим сразиться.

– А теперь нам пора прощаться, – сказала Пачули. – Ты нам очень понравился, монах Куй, но мы должны вернуться в собаку, иначе быть беде – нас раскроют и передадут весть о нас императрице фей.

Феи по очереди поцеловали монаха, отчего тот даже слегка помолодел, и вернулись в шкуру золотой собаки. Закрыли за собой брюхо – и не видно шва! – и собака ожила, задвигалась, затыкала.

Монах провел остаток ночи, подремывая и ожидая, когда за ним придут. Едва рассвело, в комнату вошла наперсница императрицы.

– С добрым утром, – сказал монах.

– Для кого-то оно доброе, а для нас...

– Я несу добрые вести владычице Ченцэ. Собаку можно вылечить.

– Ах, тогда скорей, скорей идем к ее величеству.

Они буквально помчались по дворцовым коридорам. Перед опочивальней ее величества наперсница предупредила:

– Будь почтителен. Владычица не любит грубиянов.

– Вздор, Ши! – раздался из-за неплотно притворенной двери крик императрицы. – Я люблю всякого, кто скажет мне, как вылечить мою собачку.

Наперсница и монах вошли в опочивальню. Императрица в шелковом халате сидела за туалетным столиком. Волосы ее еще были неприбраны, а на лицо не нанесена косметика.

– Ну, – повернулась она к монаху, – говори!

Монах, как положено, упал на колени.

– Ваше величество, – сказал он почтительно. – Я провел ночь возле вашей благословенной собаки, слушал ее дыхание и сердцебиение...

– Это делали и мои лекари. Они ничего не понимают. Я превратила их в ночные горшки.

– Прошу прощения, но я нашел причину, по которой слабеет ваша собака. Она страдает от голода.

– Как же так! Трижды в день перед нею ставят блюдо с отборным рисом и мясом.

– Прошу прощения, ваше величество, но я понял, что ваша благословенная собака не ест риса и мяса. Кормить ее этими яствами означает для нее верную гибель.

– Тогда чем же ее кормить! – заломила руки императрица.

– Из дыхания и сложения вашей собаки я понял, что ей должны подаваться в изобилии цветочный нектар и пыльца. Если же этого нет во дворце, можно попробовать дать самое нежное варенье и самое легкое вино. И ваша собака исцелится.

– Ты не врешь? – с блеском в глазах спросила императрица.

– Пусть извратятся передо мною пути Дао, если я лгу! – торжественно поклялся монах.

– Ступай и отдыхай, – приказала монаху ее величество.

Куй пришел в комнату, где его ждали остальные разбойники.

– Ну что? – наперебой стали спрашивать разбойники своего друга.

– Ах, друзья, это невероятно. Эта собака – лишь оболочка, жилище для пяти прекрасных фей. Они управляют собакой с помощью волшебства, но вот в чем заковыка: у фей с собой для еды был лишь нектар. Лишь его они могут употреблять, да еще легкое вино. Они, кстати, выпили у меня всю персиковую настойку.

– Вот молодчины! Хотелось бы нам познакомиться с этими феями!

– Сегодня ночью я постараюсь провести всех вас в комнату собаки.

– Это опасно, Куй. Лучше придумай что-нибудь такое, что требовало бы нашего присутствия в комнате собаки с разрешения ее величества.

– Гм, дайте подумать... Я скажу, что в собаке прячется демон, и мне нужны мои друзья, для того чтобы обуздать его и изгнать.

– Молодчина, Куй, ты все отлично придумал. Ну а теперь подкрепляйся и выпей. Мы уже поели. Можем тебе спеть, чтоб веселей елось.

– Да, спойте мне что-нибудь.

– Мы споем тебе старинную песню о любви и разлуке великой поэтессы, которую преследовали за ее стихи, но она все равно писала.

И разбойники слаженно запели:

Выпало горе, но будет радость.
Будет рассвет и новое утро.
Пение птиц, многоцветье радуг,
Небо как будто из перламутра.
Сбудется все в этом странном мире.

Благо терпение есть и вера.
Сердце добрее, и душу шире
И не судить своей малой мерой.
Выпало горе и снова стало.
Было море и обмелело.
Где-то ведь есть и мой полустанок
С белой акацией, снегом белым.
Я ничего не прошу у Бога.
Мне ведь и так досталось немало.
Где-то ведь есть и моя дорога,
Что приведет от конца к началу.

– Ох, какая грустная песня, так и берет за сердце, – сказал Куй, отложив в сторону палочки для еды. Он даже не доел морского гребешка, хотя всегда его любил, особенно в остром черном соусе.

– Да, песня грустна, – согласились разбойники. – И положение наше незавидное – снова в плену.

– Погодите, – поднял палец Куй. – Это не вечно. Сегодня мечта прошла стороной, а завтра, быть может, ты встретишься с ней, как говорит старая пословица. Сегодня мы идем к феям.

– Отлично! – возрадовались разбойники.

После трапезы Куй вздремнул немного, а проснувшись и оправив одежду, он попросил аудиенции у императрицы.

Императрица была в беседке у пруда. Пруд заледенел, берега обметало снегом.

– Ваше величество, – поклонился Куй.

– Куй, встань, – махнула сложенным веером императрица. – Что скажешь?

– Владычица, сегодня утром я утаил кое-что о вашей собаке, но теперь понимаю, что нужно это сказать, иначе болезнь собаки продлится.

– Говори немедленно!

– Ваше величество, когда я осматривал собаку, я видел, как из ее заднего прохода выглядывает головка большого глиста. Скорее всего это собачий цепень. Это очень опасно, и в одиночку мне не справиться с цепнем.

– Я дам тебе солдат.

– Нет, владычица. Лучше позвольте моим друзьям тоже пребывать в покоях собаки. Мой друг Жуй знает, как готовить специальные противоглистные отвары, у него все травы с собой. А остальные будут тянуть глиста, когда он покажет голову из заднего прохода собаки. Глист цепень силен, нужно приложить немало усилий.

– Хорошо, Куй, пускай твои друзья дежурят в покоях собачки вместе с тобой. И я надеюсь, что вы вылечите ее.

– Давали ли собаке сегодня нектар?

– Да, Куй, как ты сказал. И собака слизала его чуть ли не вместе с блюдом.

– Вот видите, ваше величество, это хороший знак. Велите подать собаке еще

персикового варенья и лучшего вина.

– Хорошо.

Тут пошел снег, но Куй сначала не понял, что это снег. Крупные розовые лепестки падали на землю и укрывали ее прекрасным розовым ковром.

– Что это, ваше величество? – пораженно спросил Куй у императрицы.

– Теперь у нас такой снег, Куй. Красиво, правда?

– Да.

– Только не вздумай касаться этого снега и друзьям запрети. Этот снег, попадая на кожу, разъедает ее, подобно кислоте. Его так и прозвали – кислотный снег. Правда, одно хорошо: предметов, крыш и домов этот снег не портит, так что от него можно найти укрытие во дворце. Идем, сейчас этот снег начнет разлагаться и может произойти всякое.

Они ушли из беседки во дворец крытой галереей. Жуй почувствовал резкий запах соляной кислоты – это разлагался снег.

Поздно вечером все разбойники плотно поужинали, захватили с собой мечи, которые им выдали по личному приказу императрицы. Мечи нужны были для того, чтобы рассечь цепня на мелкие части.

Смерклось. Пятерых наших героев проводили в комнату собаки и заперли за ними двери.

Они расселись, достали персиковую настойку и выпили за предстоящее знакомство с феечками.

И вот пробило полночь. Разбойники с изумлением увидели, как разошлось брюхо собаки и оттуда вышли пять красавиц-фей.

– Ну что я вам говорил? – сказал Куй. – Вот они, прекрасные феи, и лучше вы не найдете.

Феи между тем раскланивались с разбойниками.

Жуй нежно пожал руку Анис:

– Как поживаете?

– О, благодаря вашему другу сегодня неплохо. Нам дали нектара, варенья и вина, мы наконец смогли поесть впервые за несколько дней. А как вас зовут?

– Жуй по прозвищу Железная Крыса.

– Ах, какое славное прозвище. Вы очень грозный разбойник?

– Ну так... с кем-нибудь могу схватиться, но не до смерти. Сейчас же мне хочется лишь внимания и ласки.

– Ах, – засмеялась Анис, прикрываясь веером. – Вы славный человек. Можете меня поцеловать.

Жуй очень нежно прижал Анис к груди и поцеловал. Примерно то же самое проделывали сейчас остальные разбойники и феи. Все друг другу так понравились, что просто удивление. Кую досталась Пачули, и они прекрасно нашли общий язык.

– Теперь нам надо сбежать из дворца, всем вместе! Но только как это сделать?

– Тут еще беда, – сказал Куй. – В городе выпал розовый снег. Он разъедает все, как кислота. Так что нашу обувь он точно разест.

– Мы могли бы улететь на крыльях, – сказали феи. – Но как мы бросим вас? Это

невозможно.

– Вот что, – придумал многоумный Куй. – Мы скажем, что поймали глиста и спрятали его вот в этой вазе. И нужен маг, чтобы уничтожить его, потому что мечи его не берут. Мы найдем мага и попросим у него какого-нибудь летающего порошка или чего-то в этом роде. А вы, милые феи, пока отдыхайте в собаке, ешьте варенье и пейте вино, подкрепляйтесь, набирайтесь сил.

– Но вы придете в следующую ночь?

– Конечно, – сказали разбойники.

– Тогда да пребудет с вами наше благословение.

Феи спрятались в собаке и с помощью различных рычагов показали танец. Собака встала с ложа, повихляла телом и полаяла.

– Сильней лайте, – попросил Куй. – И даже визжите, ведь мы извлекаем цепня.

И феи вдохновенно завизжали.

Под утро усталые разбойники, держа большую глиняную вазу, предстали перед императрицей.

– Ваше величество, – поклонился Куй, – паразит, мучивший вашу собаку, пойман и запечатан вот в этом кувшине. Это неземное существо, мечи его не берут, поэтому нам нужен настоящий маг, который мог бы справиться с этим выродком.

– Я не знаю никаких магов, – растерялась императрица. – Может быть, они есть в Старом городе. Хотите, я пошлю стражу, чтобы нашли мага?

– Ваше величество, – сказал монах Куй, – зачем напрягать стражу? Мы и сами съездим в город, если вы любезно предоставите нам повозку. Стражей люди испугаются и будут отнекиваться, что не знают мага. А мы кто? Просто прохожие. Мы не причиним никому вреда.

– Хорошо, – сказала императрица Ченце. – Я дам вам повозку, поезжайте и найдите мага. Вы приведете его во дворец?

– Владычица, это небезопасно. Маг может наложить какое-нибудь заклятие. Да, и кстати, не помешало бы дать нам с собой немного золотых монет, чтобы мы могли заплатить магу.

– Хорошо, – согласилась ее величество и вызвала казначея. – Эй, казначей, – сказала она, – выдай этим людям две связки золотых монет и пайцзу, разрешающую передвигаться по всем улицам Чакравартина.

Все было быстро сделано.

Разбойники погрузились в повозку, взяли кувшин, деньги и разрешительную пайцзу. И повозка двинулась по улицам Чакравартина. Кстати, конь в нее был впряжен самый доходяга, императрица тут немного поскупилась.

Повозка катилась по главной улице Чакравартина, разбойники по очереди прикладывались к жбанчику с персиковой настойкой.

– Смотрите! – вдруг показал на столб Лей Яшмовый Таз. – Вон интересное объявление!

Объявление гласило: «Госпожа Тсау. Гадание по Книге Вечных Перемен, по руке, по воде. Приворотные зелья».

– Это не то, что нам нужно, – сказал Куй. – Нужен настоящий маг, а тут какая-то

гадалка.

– И все-таки давайте зайдем. Она хотя бы предскажет нам судьбу. Много за это она не запросит.

– А у нас много и нету.

Разбойники вышли из повозки, захватив пустой кувшин, и направились к домику гадалки Тсау.

К домику вела крутая лестница из гранита, так что разбойники немного вспотели, пока взбирались по ней. Наконец Куй постучался в обитую дранкой дверь.

– Кто там? – раздалось изнутри домика.

– Скромные смертные просят встречи с гадалкой госпожой Тсау.

– А зачем вам это надо?

– Хотим узнать свое будущее. Предскажите нам судьбу, пожалуйста.

– Ну что ж, проходите.

И гадалка Тсау распахнула дверь в свой домишко.

Разбойники вошли. Ох что это была за хибара. Развалюха, одно слово. Разбойники заметили, что одна стена у лачуги поддерживается вросшими в нее белесыми грибами-умоломами. Стоило вдохнуть споры этих грибов, как ум человека превращался в безумие. И притом очень буйное. На стенах висели пучки сушеных трав, кожа змей и варанов, под потолком покачивались летучие мыши. Окон не было. Зато был очаг, над которым висел котел, и в нем побулькивало какое-то варево. Возле очага стояла, поскрипывая деревянной ногой, старуха в черном платье. Хотя, скорее, это платье можно было бы назвать лохмотьями. Длинные спутанные волосы разметались по плечам старухи, но им не удалось прикрыть горба, который у ведьмы имелся. Острый и страшный, этот горб напоминал сложенные крылья демона.

– Значит, хотите узнать будущее? – усмехнулась гадалка, показывая беззубый рот. – А сами-то кто будете?

– Да мы купцы-иноземцы, – соврал Дуй. – Привезли в Чакравартин вино. Вот и вам принесли кувшинчик.

– Трижды ха-ха! – презрительно усмехнулась гадалка. – Купцы, как же! Да вы настоящие тати с большой дороги! И кувшин у вас пустой, да к тому же взятый из императорского дворца.

Разбойники охнули. Гадалка видела их насквозь.

– Что ж, – сказал монах Куй, – раз ты так все хорошо знаешь, госпожа Тсау, то тогда знаешь и зачем мы пришли.

– Минутку! – сказала госпожа Тсау. – Сейчас я кое-что достану из котла и погляжу, каков будет расклад. А вы отойдите вон к той стене. А то мало ли, вдруг ослабнете от увиденного.

Разбойники повиновались. Тут госпожа Тсау помешала в котле и черпаком на длинной ручке вытащила из черного котла спутанный ком разноцветных кишок.

Ком она плюхнула на стол и стала рыться в кишках, периодически вытаскивая какую-нибудь особо длинную загогулину. Выглядело это настолько омерзительно, что разбойники едва удерживались от тошноты.

– Так, – сказала ведьма, внимательно рассматривая отрезок бараньей кишки. – Что у нас тут? А вот что. Вы были на горе Куньлунь, и вашим предводителем был человек с волосами из золотых нитей. Но потом вы расстались. Тот человек вместе со своей женой отправился во Внемирье. А вас выкинуло сюда. И теперь вы не знаете, как быть и как воссоединиться с друзьями. И еще. Вашими подружками стали феи из Голубой страны. Они надеются, что вы поможете им сменить власть в стране. Что ж, они лелеют напрасные надежды. Вот по этой тонкой кишке – видите? видите? – можно понять, что Голубая страна пала, как и многие другие волшебные страны. Ее больше нет.

– Почему? Кто захватил ее?

– Реальность. Действительность. Волшебство умирает, и некому его спасти. Уже сошли с небес древние боги, и люди судили и осудили их. Но я могу вас немножко утешить: Яшмовый Край еще держится, там еще брызжет жизнь. Это потому, что создатель этого края жив. И вот что я вам скажу: вы должны отправиться в Яшмовый Край. Там, на острове Лунтан, вы обретете своих друзей и покровителей. Там можете вы спастись от разрушительного дня. И еще. Никто не знает точно, что же случится двадцать первого декабря текущего года. То ли мир погибнет, то ли, наоборот, возродится...

– Госпожа Тсау, ваши слова удивительны. Как же мы отправимся в Яшмовый Край?

– Я дам вам настойку травы-путешественницы. Вы выпьете всего несколько капель и немедленно отправитесь туда, куда зовет вас душа, а именно в Яшмовый Край.

– Прекрасно! Дайте же нам настойки, великая волшебница, мы хорошо заплатим. Вот, у нас есть две связки золотых монет.

– Деньги меня не интересуют, – сказала ведьма и плюхнула кишки обратно в котел. В котле противно забулькало. Тсау достала грязную тряпку и принялась вытирать мокрый стол, точнее, развозить по нему слой грязи.

– Тогда чем же мы отплатим вам за вашу доброту?

Гадалка противно хихикнула:

– Вы все такие привлекательные мужчины, что просто загляденье. Я бы не отказалась с кем-нибудь из вас сыграть в тучку и дождик.

– Что?! – ахнули разбойники. Гадалка была настолько безобразна, что и речи не могло быть даже о простом прикосновении к ней. Тем паче об игре в тучку и дождик!

– А может, не надо? – спросил жалобно Куй, считавшийся знатоком по части совращения прекрасного пола.

– Это почему же не надо? – мгновенно возмутилась госпожа Тсау. – Я вам не наивная молоденькая шлюшка, а женщина в самом соку, можно сказать.

– Я не могу, – твердо сказал монах Куй. – Я принес клятву верности моей подруге фее.

– И мы, и мы тоже дали клятву, – загомонили остальные разбойники.

– Что ж, одному из вас придется нарушить клятву, или я не отпущу вас из своего жилища.

– Да мы всё тут разнесем! – схватились за мечи разбойники. И тут же завопили – рукояти мечей раскалились добела, так что прикоснуться к ним невозможно было. Наши герои пороняли мечи.

– Вы не сможете даже прикоснуться к стенам моего дома, не то что разрушить их! – Из

пальцев старухи вырвалось зеленое пламя и опалило бороды разбойников. Ужасно запахло жженым волосом. – Итак, один из вас идет со мной. Я сама выберу. Это будешь ты!

И она крючковатым пальцем указала на монаха Куя.

– О милостивые бодхисатвы, я ли не молился вам! – завопил несчастный. – Чем же я согрешил в прошлых жизнях, что теперь так страдаю.

– Ты не пострадаешь, – расхохоталась гадалка. – Я вознесу тебя к истокам блаженства!

И, схватив монаха за бороду, ведьма потащила его к двери, доселе скрытой за занавеской.

– Ой-ой-ой! – стenal монах.

– А вы, – обратилась ведьма к оставшимся разбойникам, – приберитесь-ка покуда в моем домике. А то что-то пыльно. Тряпки, веники и ведра вы найдете вон в том углу. Смотрите, не повредите поганок. Они только-только выросли, такие нежные и очень хрупкие.

Монах и ведьма вошли в комнату, такую темную, что хоть глаз выколи. Дверь ведьма крепко захлопнула за собою и заперлась. Куй дрожал и трепетал как лист плакучей ивы и все умолял ведьму пощадить его жизнь.

– Да прекратите вы ныть! – вдруг сказала ведьма каким-то совершенно другим голосом.

Загорелся свет, причем такой яркий и ослепительный, что Куй долго не мог проморгаться. А когда проморгался, то ахнул.

Это была не комната, а целый зал – сплошь белого цвета. Из стен были выдвинуты какие-то столики с разноцветными блестящими точечками на них, а за столиками стояли тонконогие и тоже белые стулья.

Монах на миг забыл о ведьме и пошел вперед, разглядывать окружающее. На стенах он увидел нечто подобное окнам, и эти окна показывали разные улицы Чакравартина и даже внутренности императорского дворца.

– Ну как? – услышал он насмешливый молодой голос. – Интересно?

Монах оглянулся. На него с усмешкой смотрела горбатая старуха. Но вот она движениям руки стянула с себя волосы, а потом и кожу лица – как змея снимает кожу. Куй понял, что это была маска.

– Госпожа, – только и прошептал он.

Ведьма меж тем избавилась и от горба – он оказался накладным, и от крючковатых пальцев – это были перчатки, и от старого балахона. Взору Куя предстала молодая, довольно симпатичная женщина в белом, облегающем фигуру наряде. Она улыбнулась и жестом указала монаху на стул:

– Присаживайтесь, господин Куй.

– Кто ты? – спросил Куй. – Ты демон? Или архат?

– Ни то ни другое, господин Куй. Я волонтер общества «Предвестники зари» и вместе с десятью другими волонтерами прислана в Шамбалу изучать местное настроение и мнения относительно конца света. Члены нашего общества работают во всех мирах и выясняют, насколько миры подготовлены к концу света, насколько сильны или слабы. Мне выпал жребий работать в Шамбале. Под видом гадалки я наблюдаю за жизнью Чакравартина и ежедневно делаю доклад о состоянии города. Надо сказать, что состояние его нестабильное. Город практически лежит в руинах.

– А чего вы хотите?

– План нашего руководства таков. Мы, то есть волонтеры, собираем в разных мирах существ, чья наследственная характеристика поможет сохранить мир после вселенской катастрофы. Этот проект называется «Ноев ковчег».

– Я ничего не понимаю!!! Что такое наследственная характеристика? Что такое «Ноев ковчег»?

– Наследственная характеристика – это такая штука, когда способности одного человека проявляются у его потомков. Если говорить просто. Понятно?

– Смутно. А «Ноев ковчег»?

– Руководители «Предвестников зари» считают, что после катастрофы должны выжить лишь личности с самыми высокими наследственными характеристиками. Для этого они будут отправлены в мир, который мы называем Яшмовым миром. Это полностью искусственный мир, созданный группой ученых, психологов и дизайнеров по одной из фантастических книг. Мы решили, что те, кто должен выжить, в Яшмовом мире выживут. Остальное человечество погибнет. Вы с вашими феями отправитесь в Яшмовый мир незамедлительно. Время не ждет, дней до двадцать первого декабря осталось немного.

– А почему мы? Потому что у нас эти, хорошие наследственные характеристики?

– Отчасти да. Вы ведь получили абхиджну – сверхъестественную благодать. Я знаю, что вы обладаете латентными способностями к телепатии, пирокинезу, телепсихии и так далее. А феи – ну они феи и есть. Субстанция, отвечающая за экологическую безопасность планеты, часть ноосферы.

– Я ничего не понимаю! – в отчаянии вскричал монах Куй.

– А тебе и не надо. Главное, знай: ты и твоя компания – спасетесь. Вам повезло. Вы вытянули счастливую триграмму.

– Но как же другие люди?

– Вот они-то нас интересуют менее всего. Они осквернили свой мир, и время расплаты пришло. Ты извини, что я говорю банальностями из серии «Сталкер», но что есть, то есть.

– Значит, мы спасемся?

– Не только вы. Спасутся те, кто обладает паранормальными свойствами. Ведьмы. Вампиры.оборотни. Все те, кто заселяет страницы «Энциклопедии сверхъестественных существ». Вот какую политику проводит наше объединение. Может быть, она не совпадает с политикой других обществ, но нас это опять-таки мало волнует.

– А что вы сделаете с нами?

– Берите фей и в полночь приходите сюда. Я дам вам настойку опиатов, это такие сильнодействующие вещества. Вы заснете и благодаря действиям абхиджны переместитесь в Яшмовый Край. Там вас встретят наши волонтеры и помогут найти друзей. А теперь, извини, мне придется надеть мой карнавальный костюм.

Несколько мгновений – и перед Куем стояла прежняя жуткая уродливая ведьма.

– Пойдем, – прокаркала она.

Они вышли из комнаты. Друзья бросились к Кую:

– Ну как ты, брат?

– Он очень неплох, – прокаркала ведьма. – Такой живчик! Теперь я выполняю вашу

просьбу. Итак, сегодня в полночь я жду вас тут. И фей не забудьте. А кувшин оставьте. Он мне очень пригодится.

Разбойники, еле-еле передвигаясь, вышли от ведьмы.

– Она тебя сильно мучила? – спросил Куя Пей.

– Да нет, – отмахнулся Куй. – Тут другое...

Они добрались до дворца и доложили императрице, что глист цепень уничтожен. И потихоньку пробрались в комнату, где дремала фальшивая собака, налакавшись персиковой настойки.

– Феечки, эй! – негромко крикнул Куй. – Вам уже нужно вылезти.

Брюхо собаки разъехалось, и из него показалась встревоженная Пачули.

– Что случилось? – спросила она.

– Нам надо бежать. Сегодня в полночь мы должны быть в другом месте. Нас отправляют в Яшмовый Край.

– А как же наша страна? – спросила Мандарин.

– Увы, – ответил Куй. – Ее больше нет.

Мандарин тихо заплакала.

...В полночь все были у ведьмы. Феи уложили тело собаки так, что казалось, будто она спит.

– Пришли? – спросила ведьма, усмехаясь. – Что ж, не будем медлить.

Каждому она дала испить немного золотистой воды из тонкостенного стеклянного сосуда. Потом велела всем лечь и взяться за руки. И последнее, что услышал Куй, это стихи:

Я вышел из того, что было храмом,
И понял то, что перестал быть хамом.
О как легко, ненужности поверив,
Перед людьми преобразиться в зверя.
Становимся зверями мы и адом,
Когда не говорим мы с другом рядом.

Стихи отзвучали у Куя в голове, он открыл глаза. Вместо щербатого потолка лачуги он увидел потолок, весь расписанный цветами. А может, это просто были живые цветы. Его ноздри наполнил сильный аромат свежесрезанных цветов. Он сел. Огляделся. Он, его друзья и феи лежали как попало в комнате очень красивой и изящно обставленной.

– Вставайте! – сказал он негромко друзьям. – Мы переместились.

Все потихоньку встали.

Но куда они переместились?

– Наверное, это и есть Яшмовый Край, – сказал Куй.

Одна из фей подбежала к дверному проему и отдернула плотную занавеску:

– Смотрите, здесь лестница!

Лестница вела вниз.

Разбойники и феи осторожно спустились вниз на несколько пролетов, но никто им не встретился. Наконец лестница уперлась в дверь.

– Откроем? – с затаенным страхом спросила Пачули.

– А что остается делать? – усмехнулся Куй. – Нас уже ничто не остановит.

Он толкнул дверь рукой, и та легко подалась. Яркий свет упал на их лица.

Они вышли из здания и оказались на длинной песчаной косе, омываемой изумрудными волнами.

– Песок, – прошептала Розмарин. – Море. Мы просто в раю фей!

А Куй, обернувшись, смотрел на здание, из которого они вышли. Это был небольшой замок с островерхими башнями и крохотными окнами. В окнах Куй не заметил никакого движения. Похоже, замок был пуст.

Друзья его, не стесняясь фей, побросали одежду и уже вовсю плескались в море. Феи собирали ракушки, хихикали, бросали в разбойников песком.

– Вы слишком беспечны! – крикнул друзьям Куй. – Вдруг в этом море водятся чудовища!

– Конечно, водятся, дражайший Куй, – услышал он знакомый голос.

Из-за угла замка к нашим героям шли золотоволосый Друкчен и его верная супруга Цыси.

– Друкчен! – захлебнулся восторгом Куй. – Как долго мы не виделись, брат!

Они обнялись. Из моря выскочили остальные разбойники и принялись теребить Друкчена, чтобы он рассказал им, что это за место и как ему тут живется.

– Место, в котором вы оказались, – это Лунтан, остров драконов, – сказал Друкчен. – Мы с Цыси попали сюда из дворца матушки Дзендзян. Здесь очень мирно и тихо.

– Но здесь живут драконы! – со страхом воскликнул Пей.

– Драконы – благороднейшие существа, – сказала Цыси. – Вам обязательно нужно представиться благороднорожденным Баосюю и его супруге Фэйянь.

– Но мы такие невзрачные.

– Ничего. Искупались? Натягивайте одежду и идем в наш домик.

– У вас есть свой домик?

– Да, и огородик при нем. Сейчас как раз поспевают дыни. Мы угостим вас дынями с горным снегом. Горный снег дарит бодрость и помогает справиться со всякими болезнями.

Они, беседуя, добрались до домика. Разбойники рассказали, что они оказались в Чакравартине и что этот город пришел в полный упадок. Рассказали и о феях, и о волшебной собаке. А Друкчен в свою очередь поведал, как его супруга стала победительницей состязания по приготовлению супа из синего кальмара...

Домик Друкчена и Цыси был небольшой, но удивительно уютный. Вокруг росло много цветов и ягодных кустарников.

– Прошу вас, входите и будьте желанными гостями, – поклонилась Цыси, открывая дверь.

После подобающих обменов любезностями гости и хозяева сели за стол. На столе преобладали овощи, фрукты и легкое вино. Разбойники съели по паре ломтей дыни и почувствовали себя ужасно сытыми.

– Мы будто наелись мяса, – сказали они Цыси.

– Такова пища этого острова, она очень хорошо насыщает. Вообще, на острове есть все,

чтобы жить безбедно до скончания дней. Господин Баосюй правит справедливо и мудро, никто не задет в своих интересах. Владыка Баосюй совсем недавно вернулся из Помирья, оттуда, где находится человеческий город Лхаса. Он покровитель этого города, а так как там начались нестроения, владыка Баосюй отправился туда, чтобы навести порядок. Но как сам он сообщил нам кратко, его старания не увенчались серьезным успехом. Лхаса захвачена различными бандитскими группировками, которые грабят дома и магазины, оскверняют храмы и дворцы. Это ужасно! Руководства нет, все разбежались, люди страдают. Особенно страдают те, кто отдал свою кровь Делийскому Маньяку.

– Делийскому Маньяку? Кто это?

– Это мальчик, зачатый дхианом Хаоса и дхианом Порядка. Зовут его Собхита. Он находится в Дели, к нему стекаются толпы народа. Он исцеляет болезни, дарит богатство и удачу, но за это пьет кровь и требует поклонения себе как Высшему Единому Богу. Из Лхасы владыка Баосюй полетел в Дели и видел Собхиту. Он пришел в ужас. Он понял, что миру грядет конец. И если что-то и может выстоять, так это Яшмовый Край. Поэтому очень хорошо, что вы сюда переместились. А как Чакравартин?

– Там тоже разруха и запустение. Император Эли и императрица Ен низложены и превращены в вазы. Всем правит императрица Ченцэ, сама возложившая на себя этот сан. А как мы спаслись, мы вам сейчас расскажем. И во-первых, нужно сказать, что у владычицы Ченцэ была волшебная собака из золота...

Разговоры шли допоздна.

– Отдыхайте, – наконец сказал разбойникам Друкчен. – А завтра вы будете представлены владыке Баосюю.

Разбойникам с их феями предоставили отдельные комнаты, и наши герои, намаявшись морально и физически, уснули, едва головы коснулись подушек. Ах, какие это были подушки! Мягкие и пышные словно облака, они навевали самые сладкие сны. И конечно, никому и в голову не пришло, что содержимое подушек – отмершая чешуя драконов. После того как драконы ее сбрасывают, она становится невероятно мягкой. Вот ею и набивают подушки – не пропадать же добру.

...Монах Куй с феей Пачули все-таки немножко поиграли в тучку и дождик, правда, игра получилась вялая, но Пачули не стала упрекать за это своего монаха, понимая, что он устал. Куй уснул, фея получше укутала его одеялом из набивного шелка, а сама распахнула окно и села возле него – любоваться странными созвездиями, впивать в себя аромат сосен, можжевельника и моря, находившегося совсем близко.

– Как хорошо, – прошептала фея. – Здесь нет ничего военного, никто не заставляет ходить строем, стрелять из пушки и владеть арбалетом.

Она немного поплакала, вспоминая свою погибшую страну, и вдруг ей послышались голоса на улице. Она сразу поняла, что разговаривают драконы. Этот посвист, шипение и щелканье невозможно было спутать ни с чем. Фея, впрочем, как и все ее товарки, в совершенстве знала драконий язык.

Поначалу она не прислушивалась – хорошо воспитанные феи не слушают чужих разговоров. Но потом прозвучало имя «Куй», и Пачули обратилась в слух.

– Этот проклятый монах Куй привел целую толпу фей и себе подобных. Куя мы

прикончим сразу же за тем, как разделаемся с главным врагом.

– А кто наш главный враг?

– Ты что, глухой? Наш враг – князь Баосюй. С тех пор как он породнился с людьми, он осквернил чистоту драконьей крови. А этого быть не должно!

– Так что же, давайте соберем высший драконий суд и осудим Баосюя за неподобающее поведение, как это делали наши предки.

– Время судов прошло. Наступил час решительных действий!

– И что ты подразумеваешь под решительным действием?

– Нужно прикончить Баосюя!

– То есть убить? Убить князя драконов? Убить повелителя?

– Да! Да! Да!

– Но такого никогда не было в истории Лунтана. Никогда драконы не убивали своих повелителей.

– А теперь это время пришло. Мы прикончим Баосюя, затем его жену и детей.

– Да, и надо еще разобраться с гостями.

– Разберемся. Главное – Баосюй.

– Но как мы убьем его? Дракон ведь почти неуничтожим!

– Все зависит от того, застраховал свою жизнь дракон или нет.

– Застраховал? Что это означает?

– Я тебе потом популярно объясню. Пока же скажу вот что: застрахованный дракон отдает нить своей жизни Трем Пряхам, и они хранят ее. Если перерезать нить жизни застрахованного дракона, то...

– Он умрет?

– Да, болван!

– Но где нам найти Трех Прях, да к тому же вытребовать у них нить жизни Баосюя?

– Это сложно, но никто не говорит, что убить дракона легко. Пока я только узнал, что Баосюй застраховал свою жизнь. Значит, его нить у Прях.

– А где находятся Три Пряхи?

– В созвездии Трех Прях, разумеется. И спускаются они только по одному случаю: если застрахованный дракон совершит какое-нибудь вопиющее к Небесам преступление.

– Какое же преступление совершит Баосюй?

– Он убьет своего наперсника. Это страшное преступление, потому что наперсник – это даже больше чем друг, это сродник по крови.

– Но как Баосюй убьет его?

– Ты все-таки непроходимый болван! Наперсник уже убит нашими сторонниками! Нам осталось лишь поднять тревогу!

– И Баосюй будет схвачен?

– Да. И объявлен будет великий суд, и с небес спустятся Три Пряхи.

– Но как мы заберем у них нить жизни Баосюя?

– Чудило! Они сами ее перережут, потому что обвинения против Баосюя будут очень тяжелы.

– Отлично придумано!

– Еще бы! Я своими лапами разорвал грудь наперснику и выел его сердце. На месте преступления я оставил много чешуи Баосюя. А сейчас я войду вместе с вами в комнату наперсника и подниму шум. Идемте!

Злодеи тихо растворились в звездной ночи.

– Боги! – воскликнула Пачули, прижимая ладони к щекам. – Что же делать?

Она бросилась будить Куя:

– Милый, проснись скорей!

– Апс... Что случилось, дорогая?

– Я только что была свидетельницей ужасного заговора против князя Баосюя!

И фея рассказала любовнику все, что сумела услышать. Но сделать они ничего не успели – во дворце поднялся великий шум.

– Наперсник князя убит!

– Наперсник князя убит!!

– Наперсник князя убит!!!

Куй и Пачули выбежали из своей комнаты и бросились в главный зал. Туда же бежали и слуги-драконы, и остальные разбойники с феями. Все собрались в зале и выдвигали различные версии происшедшего. Наконец в зал вошел сам Баосюй, княгиня Фэйянь с Баотанем на руках и их преданные слуги.

– В чем дело? – грозно воскликнул дракон Баосюй, гневно оглядывая толпу людей и драконов. – Кто нарушает покой ночи и вопит какие-то глупости?

– Нет, это уже не глупости, князь! – раздался голос, который Пачули сразу узнала. Это был дракон с темно-синей чешуей и золотым гребнем на спине. В передних лапах он держал растерзанное тело княжеского наперсника. Он подошел к Баосюю и опустил тело на пол. – Вот твой наперсник, княже! Гляди!

Баосюй отшатнулся.

– Кто? Кто посмел решиться на такое зло? – закричал он. – Я дознаюсь, я отомщу!

– Как ловко ты прикрываешься, князь! – насмешливо вымолвил темно-синий дракон и вытер лапы от крови.

– Что ты хочешь этим сказать, советник Гуцзе?

– То, что ты, будучи убийцей, с такой легкостью играешь роль невинного и ничего не знающего существа. Да, существа! Я не могу назвать тебя драконом, ибо ты совершил великое преступление!

– Советник Гуцзе! – прогремел голос Баосюя. – Ты обвиняешь меня в том, что я убил собственного наперсника? Да как ты смеешь?! Или у тебя есть неопровержимые доказательства?

– Доказательств полна комната, в которой проживал несчастный. Там полным-полно твоей чешуи. А теперь посмотри на себя, князь! Ты словно дрался с кем-то, до того ободрана твоя шкура.

– Я просто линяю! – прорычал Баосюй.

– Сезон линьки давно прошел, князь. Тебе не отвертеться. Ты убил наперсника и выел его сердце. Будь ты проклят за свое зло!

Драконы зароптали и окружили советника Гуцзе. Они о чем-то яростно договаривались.

– Вот что решили драконы, которым ты больше не брат, – объявил Баосюю Гуцзе.
– Ты низложен! – сказал советник Бу. – Ты больше не владыка и не князь нам...
Отправляйся в узилище, где ты будешь пребывать до тех пор, пока на землю не спустятся Три Пряхи.

– Я ни в чем не виноват! Я не проливал крови своего наперсника! Это клевета!
Но уже тащили кандалы и кангу на шею.

– Драконы! – закричала вне себя Фэйянь. – Опомнитесь! Баосюй не мог сотворить такого, я ручаюсь!

– Молчи, человеческая женщина. Ты тоже вне закона. Так не высывайся и помалкивай.

– Фэйянь, любимая, не бойся за меня и верь в небесную справедливость! – крикнул Баосюй прежде, чем его увели.

– А ты, человеческая женщина, можешь взять своего сына и идти куда хочешь. Тебе нет места во дворце. Ты не войдешь сюда до дня суда над Баосюем.

– Хорошо, я уйду! – гордо сказала Фэйянь. – Те, кто любит меня, за мной!

Несколько драконов отправились следом за Фэйянь, конечно, за ними последовали также разбойники, феи, Друкчен и Цыси.

Уже светало, когда Фэйянь привела своих друзей в большую пещеру у моря. В пещере было сухо и уютно, лежали коврики из травы и подушки.

– Располагайтесь, – махнула рукой Фэйянь.

Сама она села у входа в пещеру, положила Баотаня к себе на колени и заплакала. Все окружили ее и принялись успокаивать.

– Простите, друзья, – вытирая слезы, сказала Фэйянь. – Не смогла сдержаться. Вообще-то я не из плаксивых. Но это все так неожиданно! Не подумайте, что я волнуюсь из-за утраченного титула, мне все равно, кем быть – княгиней или простой собирательницей риса. Но как они все поверили, что Баосюй мог...

– Князь не делал того, в чем его обвиняют, – раздался тоненький голосок Пачули. – Так получилось, что я не спала и слышала разговор советника Гуцзе со своими сподвижниками. Они задумали погубить князя, они и убили наперсника.

– Но для чего им это?

– Они хотят убить самого Баосюя. Но они знают, что нить его жизни находится у Трех Прях. Теперь они выжидают, когда придут Пряхи и устроят суд.

– О, милая фея, сможешь ли ты пересказать все это на суде?

– Конечно, смогу.

...Дни до суда над Баосюем тянулись так долго, что наши герои стали уж подумывать, что время остановилось. Но вот с далеких звезд прибыли три волшебницы-пряхи, принесшие с собою нить жизни Баосюя. И тут время пошло стремительно.

Суд был назначен на лунный день зимы, и все княжество, весь Лунтан от мала до велика собрался в Чаше Собраний – огромном кратере потухшего вулкана.

Три Пряхи заняли судейское место. Советник Гуцзе и его клеветы сидели по правую руку от Прях, сторонники Фэйянь и Баосюя – по левую.

– Итак, начнем, – сказала Старшая Пряха. – Введите подозреваемого.

Ввели Баосюя. Он постился, покуда был в узилище, и сейчас выглядел не лучшим образом.

Суд пошел, как и положено судам. Стороны обвинения и защиты высказали свои предположения, и Три Пряхи задумались. Но тут вышла фея Пачули.

– Милостивые судьи, – сказала она, – позвольте мне свидетельствовать против советника Гуцзе.

– Да кому нужна эта фея!

– Пошла вон!

– Нет, пусть говорит.

– Ваша честь, – сказала Пачули, – я свидетель разговора советника Гуцзе со своими сообщниками. Это они убили наперсника князя и обставили дело так, чтобы был виновен князь.

Советник Гуцзе только рассмеялся:

– Ну кто поверит свидетельству какой-то феи!

– Нет, пусть говорит!

– Пусть замолчит, пока ей крылья не вырвали!

– Говори, фея, – сказала Старшая Пряха.

– Я могу воспроизводить голоса, однажды услышанные, и те речи, которые они произносили. Сейчас я произнесу все то, о чем говорили Гуцзе и его сообщники в ту ночь.

И Пачули сделала это. После чего начался невообразимый шум и гам.

И тут произошло невероятное. Советник Гуцзе набросился на Баосюя и попытался перегрызть ему глотку!

– Раскуйте моего мужа! – закричала Фэйянь.

Драконов растащили стражники.

Старшая Пряха встала и сказала:

– Пусть говорит всю правду советник Гуцзе, и да не сможет он уклониться от этого!

Советник долго корчился под взглядами народа, но все-таки выдал:

– Это я убил княжеского наперсника и разбросал чешую Баосюя так, чтобы казалось, будто в комнате была борьба.

– Для чего ты сделал это?

– Чтобы оклеветать князя. Чтобы его убить.

– Для чего тебе нужна смерть князя?

– Существует тайная договоренность между мною и тем правителем, который сейчас правит всем миром людей. Его зовут Собхита. Я поклялся ему, что он также станет и повелителем Яшмового Края. Его воины уже готовы к тому, чтобы захватить Яшмовый Край, и ждут моего сигнала.

– Сигнала не будет! – крикнула Фэйянь и, выхватив меч у одного из стражников, снесла голову советнику. – Я не пощажу никого!

Таков был суд, и Баосюй был оправдан.

После суда закатили было пир, но Баосюй с Фэйянь отправились на родину княгини, чтобы помочь императору разобраться с собакоголовыми воинами, которые добирались уже до столицы.

Поэтому они разминулись с Небесными Чиновниками Анем и Юй. А меж тем Чиновники несли удивительную весть. Они побывали на Истинном Небе, беседовали с ангелами, и оказалось, что двадцать первого декабря никакого конца света не будет. Ради трех крошечных праведников помилован весь мир. Такое уже случалось, ничего нового в этом нет. Одно только случится: уйдут в небытие все малые боги, и останется Единый и Истинный. Так что в каком-то смысле это конец света – для богов. А людям можно было снова жениться и выходить замуж, рожать детей, плавить чугун и, выпив, произносить «сиреневенький».

Да, но как дела у наших героев?

Юля и Тцаль отправились, как вы помните, помогать эльфам. В общем-то помощь от них была разве что моральная, но и то хорошо. Тцаль, правда, прибил с дюжину инкубов, за что получил от эльфов памятный кинжал с красивой гравировкой.

Сидора Акашкина мы оставили в тюрьме города Варанаси, где он страдал за попытку покушения на Собхиту. В конце концов его выпустили за примерное поведение и еще потому, что начальник тюрьмы по уши в него втюрился. Ну вы же помните, что Сидор заточен в теле красавицы Юдифи. Сидор не отверг с ходу предложение начальника тюрьмы, обещал подумать. Анна Николаевна Гюллинг добралась в одиночку до Дели, удостоилась чести быть принятой Собхитой и сыграла с богом Марой в маджонг. Бог-демон проиграл и покинул тело Собхиты. Собхита стал обычным ребенком, к тому же несчастным, потому что умирал от СПИДа. Но Анна Николаевна все равно взяла его к себе. Единственное, что забрал Собхита из Дели, – это глобус.

С Собхитой Анна Николаевна перебралась к себе в Щедрый. Первым делом она вернула в местный музей ранее похищенный кристалл преломления и извинилась. А потом бросила ведовство и устроилась в Щедровскую детскую больницу медсестрой, потому что в больнице лежал Собхита, а ей не хотелось его покидать. Кстати, зубы у Собхиты стали вполне человеческие, когда он перестал пить кровь.

Майя рядом с Щедрым построили свой город. Там были пирамиды, дворцы, дома для простых смертных и так далее. И все это – в рекордно короткие сроки. Также майя сделали для жителей Холмца и Щедрого заявление, в котором говорилось, что Длительный Счет возобновляется и начинается новое пятитысячелетие, что надо и отпраздновать.

Празднование назначили как раз на 21 декабря 2012 года. Собрались все: Сидор – Юдифь Акашкин с супругом, Анна Николаевна Гюллинг, Юля и Тцаль, Лиза и Влад, Цыси и Друкчен, Фэйянь и Баосюй, а также пятеро разбойников со своими феями. И когда начался парад планет, все выпили за здоровье друг друга...

Простая концовочка получилась, да? Хотелось бы чего-нибудь позабористее, с драчкой-другой, и чтоб Собхиту обязательно убили каким-нибудь жутким способом, например, стрелой с нейротоксином.

Ан нет, что есть, про то и пишем. Так что конец света сегодня не состоялся. Может быть, когда-нибудь. А пока ничего не бойтесь. Хотя академик Шибанов из Российской АН вот уже которую неделю голосит насчет того, что конец света все-таки случился, просто никто, кроме него, этого не заметил. Ну с академиком разобрались просто: сибазон на ночь и

бром круглосуточно.

И вот еще что. Запомните их такими: Юлю, Лизу, Влада, Тцяля, Собхиту, Анну Николаевну Гюллинг. Запомните их, вы были с ними довольно долго. А теперь пора прощаться. Больше они не появятся ни в одной книге. Останутся только воспоминания.

И кристалл преломления, который Анна Николаевна ухитрилась сломать.

Да, мы забыли еще про одного персонажа. Надежда Первухина, как же! Эта влезет в игольное ушко, хотя комплекция у нее как у верблюда. Так вот. Специально ко Дню города, который проводился в Щедром, она написала стихотворение. Средненькое, надо сказать. И не стоило бы вставлять его в строку. Но несчастная писательница очень просила. А просьбы надо выполнять, иначе получается невежливо. В общем, вот оно, стихотворение:

Завтра наступит осень
И – вместе с ней – дожди.
Осень меня попросит,
Скажет: «Не осуди!»

Не осуди слепого,
Не осуди добра,
Не осуди, что ново
Было еще вчера.

Ты и сама не рада
Горькой своей судьбе.
И не тебе – награда.
Милости – не тебе.

Средь корабельных сосен
Ты мимолетный клен.
Завтра наступит осень.
Ей от меня поклон.

Ну вот. И писательницу ублажили. А насчет конца света... Не бойтесь! Если ад – это отсутствие любви, то конец света – это отсутствие всякого ада. Мы это выдержим. В конце концов, чего только не было: тектонические сдвиги, потепления, оледенения, войны, экологические катастрофы, депрессии и все прочее. А дети по-прежнему рождаются и щербато улыбаются этому несовершенному, но такому прекрасному миру. И поэты напишут стихи, а влюбленные будут их читать.

Ох, совсем забыли! Помните, писали мы о пророчестве, в котором восстанет великая страна и все в ней спасутся. Так вот, страна эта восстала. Как феникс из пепла. И тысячи людей возрождаются в ней к новой жизни. А что за страна – догадаетесь сами, подсказывать не будем.

Так что мы конец света пережили.

А вы?

Тула, 2011

P.S. Спасибо всем, кто меня до сих пор читает и даже любит.
Держитесь, я еще такого понапишу!!!

Особая просьба к художнику, который будет оформлять эту книгу: не пытайтесь изобразить Анну Николаевну Гюллинг в ее боевом облике. Просто я *ужасно* боюсь насекомых. Спасибо!

В романе использованы стихи автора.